

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ГРЕЗЫ И ПЫЛЬ • ИСКРЫ НАД ПЕПЛОМ

Танец с драконами

Песнь Льда и Огня (сборник)

Джордж Мартин

Танец с драконами

«АСТ»

2011

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Мартин Д. Р.

Танец с драконами / Д. Р. Мартин — «АСТ», 2011 — (Песнь
Льда и Огня (сборник))

ISBN 978-5-17-079812-4

«Танцем драконов» издавна звали в Семи королевствах войну. Но теперь война охватывает все новые и новые земли. Война катится с Севера – из-за Стены. Война идет с Запада – с Островов. Войну замышляет Юг, мечтающий посадить на Железный Трон свою ставленницу. И совсем уже неожиданную угрозу несет с Востока вошедшая в силу «мать драконов» Дейенерис... Что будет? Кровь и ненависть. Любовь и политика. И прежде всего – судьба, которой угодно было свести в смертоносном танце великие силы.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-079812-4

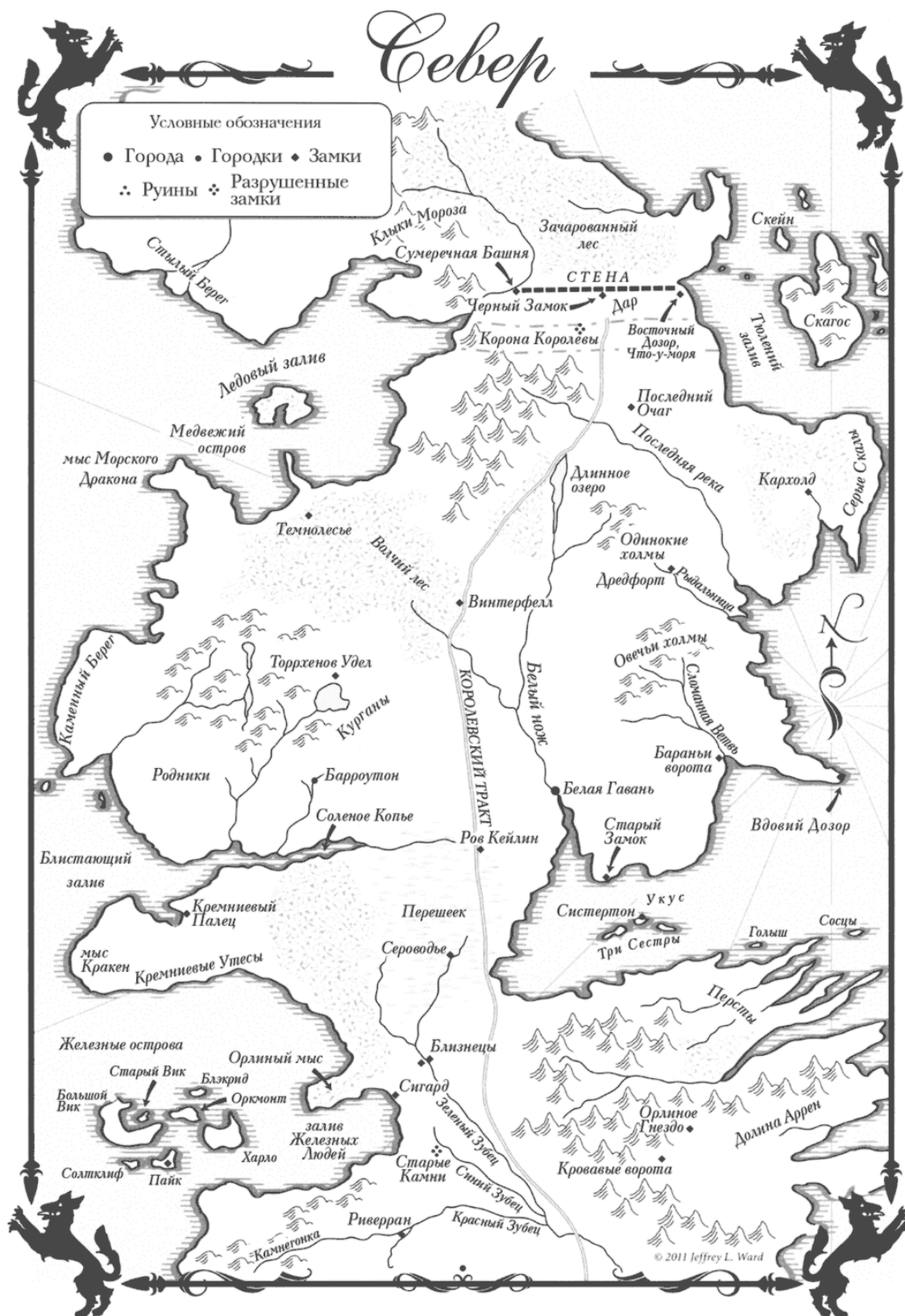
© Мартин Д. Р., 2011
© АСТ, 2011

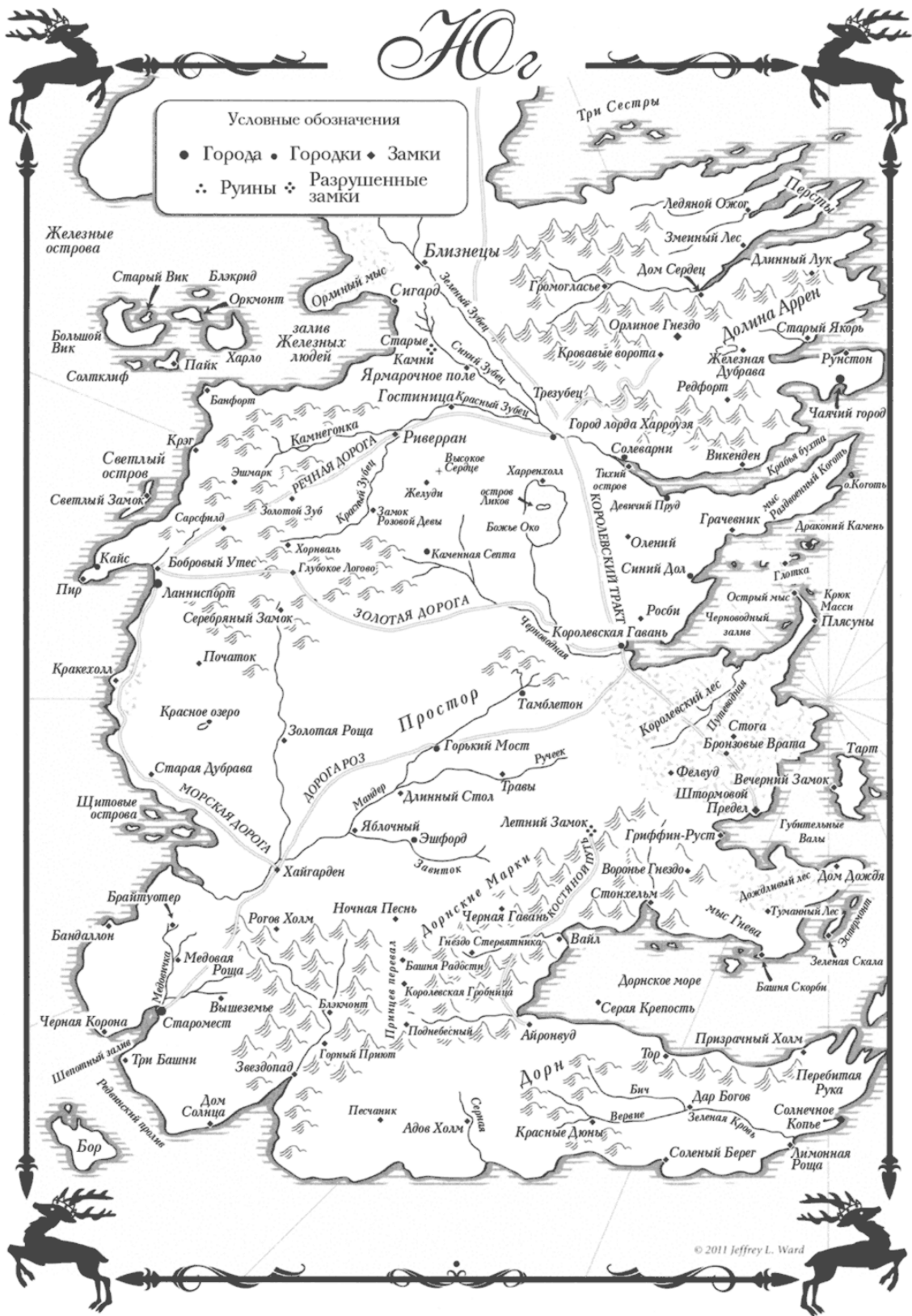
Содержание

Грёзы и пыль	5
Хронологическая справка	11
Пролог	12
Тирион	19
Дейенерис	28
Джон	38
Бран	47
Тирион	53
Купецкий приказчик	61
Джон	68
Тирион	79
Давос	86
Джон	92
Дейенерис	100
Вонючка	108
Бран	113
Тирион	119
Давос	127
Дейенерис	133
Джон	143
Конец ознакомительного фрагмента.	149

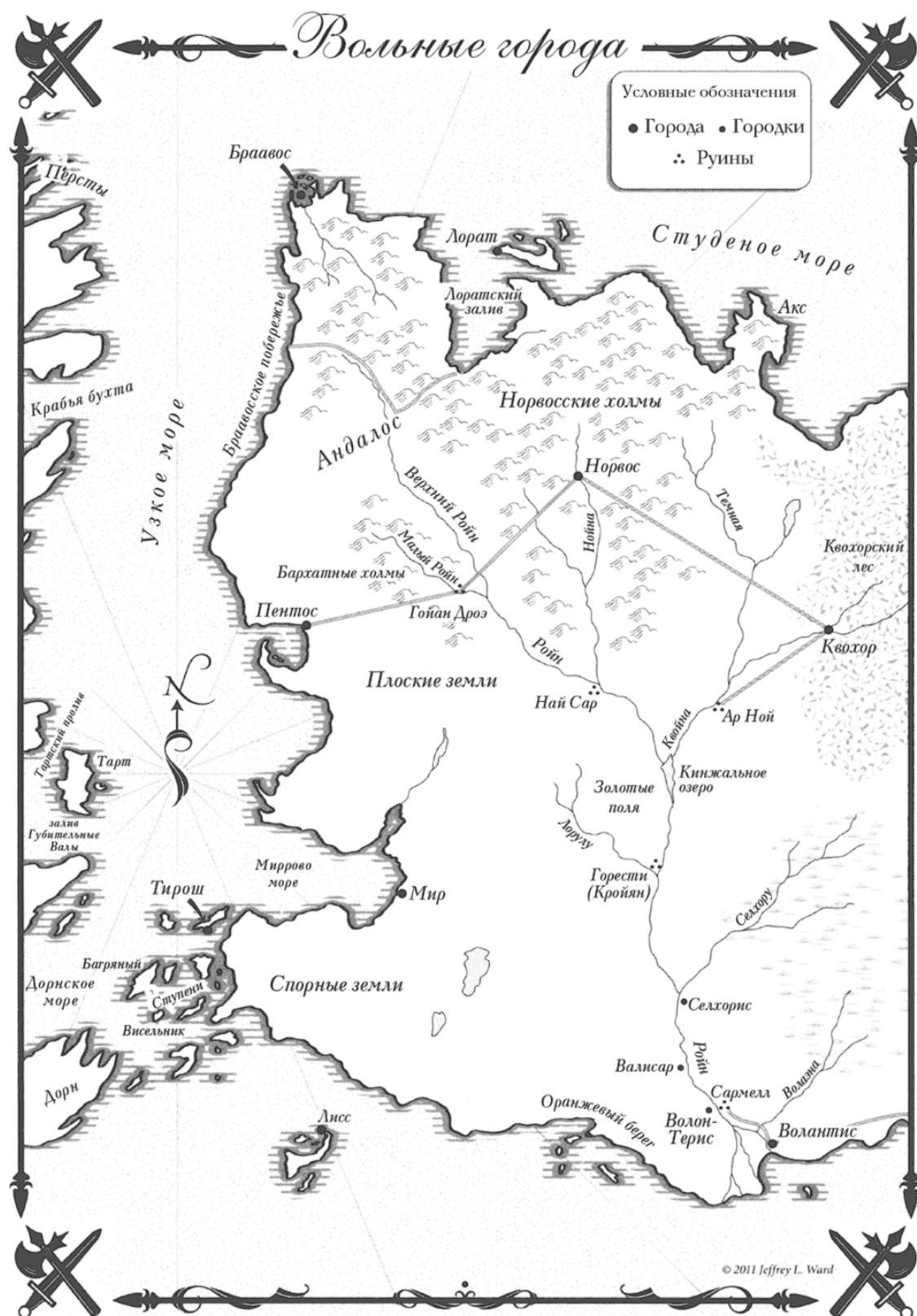
Джордж Мартин Танец с драконами

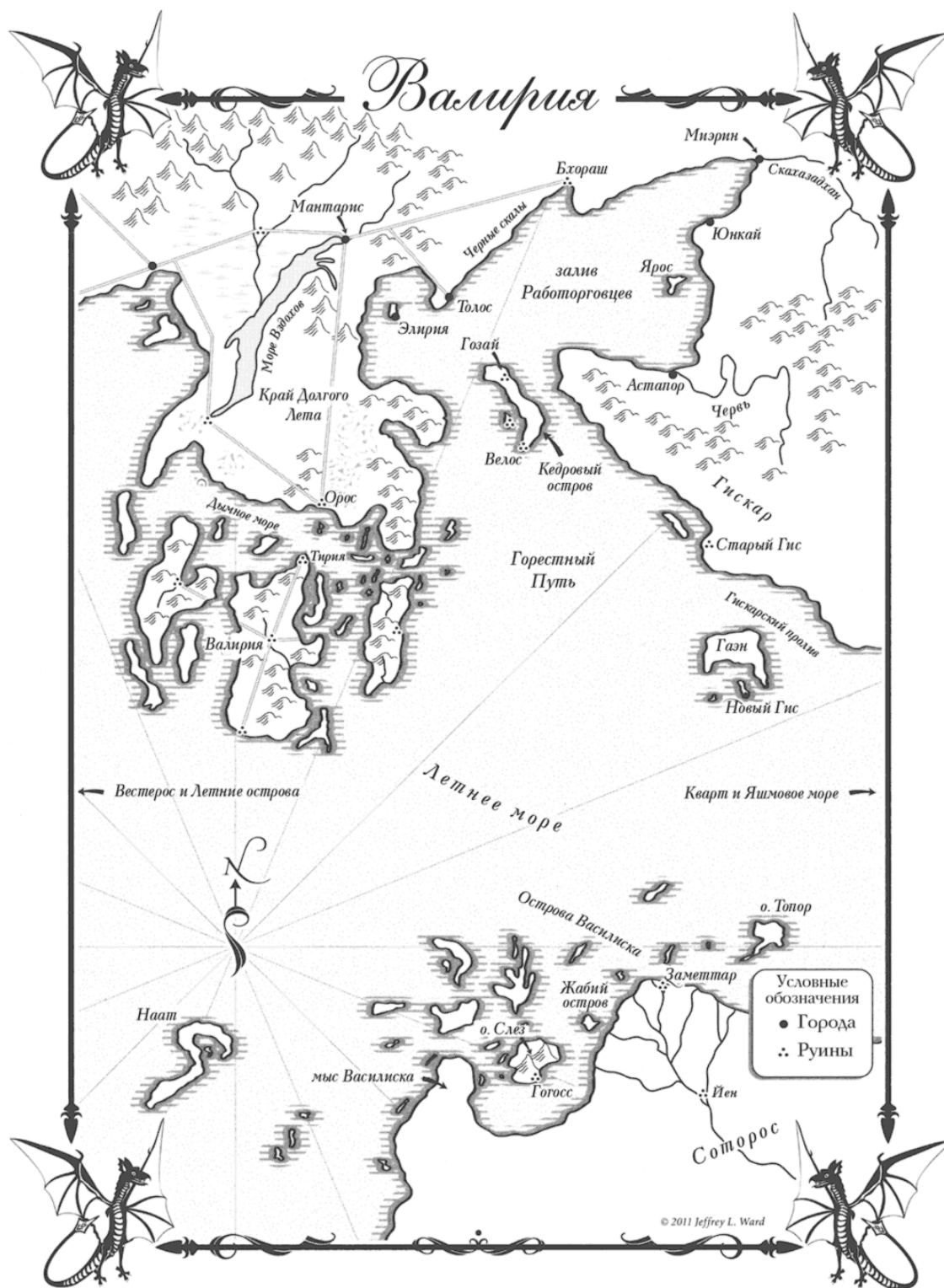
Грёзы и пыль

Хронологическая справка

Между книгами прошло немало времени, знаю – поэтому небольшое вступление будет кстати.

Книга, которую вы держите в руках, – это пятый том саги «Песнь льда и огня». Четвертый называется «Пир стервятников». Пятая книга не продолжает четвертую в традиционном смысле, а движется параллельно с ней.

И «Пир», и «Танец» начинаются непосредственно после событий, описанных в третьей книге, «Буре мечей». Действие «Пира» происходит в Королевской Гавани и поблизости от нее, на Железных островах, в Дорне. «Танец» переносит нас в Черный Замок и за Узкое море, возобновляя истории Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и других персонажей, не участвовавших в четвертой книге. Различия между двумя книгами относятся скорее к географии, чем к хронологии, и скоро исчезнут совсем.

«Танец с драконами» длиннее «Пира» и охватывает более долгий период времени. Во второй половине книги вы снова встретитесь с персонажами «Пира стервятников». Это будет означать именно то, что вы думаете: повествование выйдет за хронологические рамки четвертой книги, и обе линии сольются в одну.

Следующая книга – «Вихри зимы». С надеждой еще раз подрожать вместе,

Джордж Р.Р. Мартин

Апрель 2011

Пролог

Ночь разила человеком. Варг принялся, стоя под деревом; тень легла пятнами на его серо-бурый мех. Насыщенный хвоей ветер нес и другие запахи – лисица, заяц, олень, тюлень, даже волк, – но они тоже были связаны с человеком. Всё это старые шкуры, почти неразличимые под вонью дыма, крови и гнили. Только человек сдирает шкуры с других зверей и надевает их на себя.

Но варги в отличие от простых волков его не боятся. Снедаемый ненавистью и голодом зверь зарычал, призывая своего одноглазого брата, свою хитрую сестричку. Они, тоже чуя поживу, пустились за ним через лес. Их глаза помогали варгу, длинные серые пасти дышали паром. На лапах вырос твердый как камень лед, но впереди ждала добыча. Мясо. Сочная плоть.

В одиночку человек слаб. Видит он хорошо, зато слышит плохо, а чутье – совсем никуда. Олень, лось, даже заяц бегает быстрее него, медведь и вепрь страшнее в бою. А вот человеческие стаи опасны. Варг, приближаясь, слышал щенячий скулеж, хруст свежего снега под неуклюжими лапами, дребезжание твердых шкур и длинных серых когтей.

Мечи, подсказал ему голос внутри. *Копья*.

Голые ветки щерились ледяными зубами. Варг, вздымая снег, мчался через подлесок, остальные за ним – в гору и вниз, пока лес не расступился. Среди людей была одна самка. Детеныша, завернутого в мех, она прижимала к груди. *Оставь ее напоследок*, сказал голос внутри, *самцы опаснее*. Они громко ревели, как это водится у людей, но варг чуял их ужас. Один метнул деревянный зуб с себя ростом, но рука у него дрогнула, и зуб прошел высоко.

Волки напали.

Одноглазый брат повалил в снег метателя зуба и разорвал ему горло. Сестра подобралась сзади к другому самцу и убила его. На долю варга остались самка с детенышем.

У нее тоже был зуб, костяной, но она выронила его, когда варг схватил ее за ногу, – а пискуна своего удержала. Тощая под мехами, кожа да кости, зато в вымени полно молока. Самое вкусное, детеныша, вожак поберег для брата. Снег вокруг стаи сделался красным и розовым.

За много лиг от этого места, в глинобитной, крытой тростником хижине с дымовым отверстием и земляным полом трясся, и кашлял, и облизывался Варамир. Глаза у него покраснели, губы потрескались, в горле пересохло, раздутый живот молил о еде, но рот наполнился вкусом крови и жира. «Ребятское мясо, – думал он, вспоминая Пышку. – Человечинка». Надо же, как низко он пал. Ему прямо-таки слышалось ворчание Хаггона: «Люди могут есть мясо животных, и звери – плоть человека, но человек, едящий себе подобных, мерзок».

«Мерзость». Любимое слово Хаггона. Есть человечину – мерзость; спариваться с кем-то, как волк с волчицей, – мерзость; занимать тело другого человека – наихудшая мерзость. Хаггон был слаб, потому что боялся собственной силы. Он умер, рыдая, когда Варамир отнял у него вторую жизнь и пожрал его сердце. Варамир многому у него научился, и последним уроком стал вкус человечины.

Он ел ее только в волчьем обличье, в человеческом никогда, а его стая... что ж стая? Они изголодались не меньше, чем он. Двое мужчин и женщина с младенцем убегали от победителей, но от смерти не убежали. Голод и холод все равно убили бы их. Так лучше, быстрее. Милосерднее.

– Милосерднее, – сказал он вслух. Горло саднило, но услышать человеческий голос, даже свой собственный, было приятно. В хижине пахло сыростью и плесенью, сидеть было жестко. Кашляя и содрогаясь попеременно, он подвинулся как можно ближе к огню, который больше дымил, чем грел. Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Колючка предупреждала, что рана может открыться. «Я зашила ее как могла, – говорила она, – но ты двигайся поменьше и дай ей зажить, иначе шов разойдется».

Копьеносица Колючка осталась с ним до последнего. Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках. Все остальные отставали или уходили вперед – в свои старые деревни, на Молочную, в Суровый Дом или в лес, где их караулила смерть. Не все ли равно куда. Зря он тогда не вселился в кого-то из них. В одного из близнецов, в верзилу со шрамом, в рыжего парня. Побоялся: они могли догадаться, в чем тут дело, и прикончить его. Да и слова Хаггона не давали ему покоя, вот он и упустил случай.

Тысячи их пробирались через лес после битвы под Стеной, голодные и напуганные. Одни поговаривали о возвращении в давно покинутые дома, другие рвались опять штурмовать ворота, прочие, которых было больше всего, вовсе не знали, куда теперь идти и что делать. Они ушли от черных ворон и рыцарей в серой стали, но впереди их поджидали еще более безжалостные враги. Каждый день у тропы оставалось все больше мертвых. Люди гибли от голода, холода, от болезней, от руки бывших соратников, с которыми еще недавно шли на юг в войске Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

«Манс пал, – шептались выжившие, – Манс в плену, Манс убит». «Харма мертва, Манс в плену, – говорила Колючка, зашивая ему рану, – все остальные нас бросили. Кто знает, где теперь Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все другие храбрые воины».

«Она не знает, кто я, – понял тогда Варамир, – да и откуда ей знать». Без своих зверей Варамир Шестишкурый, преломлявший хлеб с Мансом-Разбойником, ничем не отличается от других. Он сам себя называл Варамиром, когда ему было десять. Имя, достойное лорда, имя для песен, мощное, наводящее страх, однако его носитель улепetyвает от ворон не хуже испуганного зайчишки. Копьеносице он открыться не захотел, назвался Хаггоном. Непонятно, почему из всех на свете имен ему подвернулось это. Варамир съел его сердце и выпил кровь, но Хаггон не оставляет в покое ученика.

Однажды к беглецам прискакал разбойник на тощем белом коне. «Идите все на Молочную! – кричал он – Плакальщик собирает там войско, чтобы перейти Мост Черепов и взять Сумеречную Башню». Многие пошли за ним, многие нет. Позже какой-то грозный воин в янтаре и мехах ходил от костра к костру, убеждая всех идти на север и укрыться в долине теннов. Варамир так и не понял, почему он считает тот край безопасным, раз сами тенны оттуда бежали, но с воином ушли несколько сотен человек. Еще несколько сотен последовали за лесной ведьмой: ей было видение, что некая флотилия идет к берегам Студеного моря, чтобы увезти вольный народ на юг. «К морю!» – призвала Мать Кротиха и увела своих верных на восток.

Будь Варамир крепче, он тоже пошел бы с ними, – но он был ранен и знал, что не дойдет до далекого холодного моря живым. Он умирал уже девять раз: эта смерть станет для него окончательной. Беличий плащ! Его пырнули ножом из-за беличьего плаща!

Владелице плаща разнесли голову всмятку, но вещь уцелела. Шел снег, а Варамир бросил все свое добро под Стеной. Спальные шкуры, вязанные подштанники, овчинные сапоги и меховые рукавицы, мед и другие запасы, волосы женщин, с которыми спал, даже золотые браслеты, подарок Манса. Варамир сгорел заживо, а после бежал, обезумев от боли и ужаса. Он до сих пор испытывал стыд, вспоминая об этом, но он такой был не один. Другие тоже бежали, сотни и тысячи. Битва была проиграна. Рыцари, неуязвимые в стальной броне, убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление. Беги или умирай – вот как обстояло дело.

От смерти, однако, так легко не уйдешь. Когда Варамир стал снимать плащ с мертвой женщины, мальчишка бросился на него, пырнул костяным ножом и отнял добычу.

«Это была его мать, – объяснила Колючка, когда мальчишка убежал в лес. – Он увидел, как ты ее раздеваешь, ну и...»

«Она была мертвая, – оправдывался Варамир, морщась от костяной иглы, протыкавшей кожу. – Кто-то из ворон проломил ей голову».

«Не вороны, нет. Рогоногие, я сама видела. – Игла Колючки сновала туда-сюда. – Дикарей этих укрощать теперь некому. Если Манс погиб, вольному народу конец. И теннам тоже, и великанам, и Рогоногим, и пещерным жителям с подпиленными зубами, и тем, с западного берега, что ездят на костяных санках. Воронам – и тем конец. Ублюдки в черных плащах еще не знают, что полягут наравне с остальными. Враг близок».

Голос Хаггона отдавался в голове эхом. *Ты переживешь дюжину смертей, мальчик, и каждая причинит тебе боль... Но после истинной смерти настанет новая жизнь, вторая. Говорят, она милее и проще первой.*

Скоро Варамир Шестишкурый узнает, правда ли это. Истинная смерть проглядывает во всем. В едком дыму, наполняющем хижину. В жару, который чувствуешь, запустив руку под одежду, где кровоточит рана. В ознобе, сидящем в твоих костях. Последнюю смерть он пертерпел от огня, теперь его убьет холод.

Тогда Варамир подумал, что какой-то лучник со Стены пронзил его горячей стрелой... но огонь пожирал его изнутри. И боль, что за боль!

Варамир умирал уже девять раз. Однажды в него метнули копье, в другой раз медведь загрыз, в третий он истек кровью, породив мертвого детеныша. Первая смерть постигла его в шесть лет, когда отцовский топор раскроил ему череп, но даже она не доставила ему таких мук, как этот огонь в кишках. Он хотел улететь, но от ужаса огонь запылал еще пуще. На миг он воспарил над Стеной, глядя орлиными глазами на побоище внизу. Потом сердце его обуглилось, и дух с визгом укрылся в собственной шкуре. От одного воспоминания об этом его затрясло, и он заметил, что огонь в хижине погас.

В груди обгорелых веток тлело лишь несколько угольков, но костер еще дымился – он разгорится, если добавить дров. Варамир, скрипя зубами от боли, подполз к хворосту, который Колючка собрала до того, как пойти на охоту.

– Ну, гори же, – прохрипел он. Раздувая угли, он без слов молился безымянным богам хвороста, холма, поля, но они не вняли ему.

Дым больше не шел, хижина сразу выстыла. Без кремня, без трута, без растопки огонь не разжечь.

– Колючка! – надорванным голосом позвал Варамир. – Колючка!

Подбородок у нее острый, нос сплюснутый, на щеке бородавка с четырьмя черными волосками, но он дорого дал бы, чтобы увидеть ее сейчас на пороге. Надо было вселиться в нее, пока не ушла. Сколько ее уже нет – два дня, три? В хижине так темно; он засыпал и просыпался несколько раз, не зная, день теперь или ночь. «Жди, – сказала она. – Я принесу поесть». Он и ждал, как дурак. Во сне к нему приходили Хаггон, и Пышка, и все дурное, что он содеял за свою долгую жизнь, а она все не возвращалась. Скорей всего и не вернется уже. Может, он чем-то выдал себя? Может, она догадалась, о чем он думает, или он проговорился во сне?

Мерзость, произнес Хаггон где-то рядом.

– Она всего лишь уродливая копейщица, – ответил ему Варамир, – а я великий маг. Я варг, меняющий кожу, – несправедливо, если она будет жить, а я нет.

Тишина. В хижине никого. Колючка – и та ушла. Бросила его, как все остальные.

Вспомнить хотя бы родную мать. По Пышке она плакала, по нему – нет. Когда отец вытащил его из постели, чтобы отвести к Хаггону, она даже не взглянула на сына. Он кричал и лягался, пока отец, тащивший его через лес, не вlepил ему затрещину. «Твое место с такими, как ты», – только и сказал родитель, швырнув его к ногам Хаггона.

«И прав был, в общем, – думал Варамир, сотрясаясь в ознобе. – Хаггон многому меня научил. Охотиться, рыбачить, разделявать туши и рыбу, находить дорогу в лесу. Научил секретам варгов, хотя его дар уступал моему».

Много лет спустя Варамир попытался найти родителей, рассказать им, что их Шишка стал великим колдуном, Шестишкурим. Но родители уже умерли, и тела их сожгли. Их прах смешался с корнями и ручьями, землей и камнем, грязью и пеплом. Так сказала матери лесная ведьма о Пышке в день его смерти, но Шишка не хотел превращаться в горстку земли. Он мечтал о песнях, сложенных в его честь, о поцелуях красавиц. «Вот вырасту и стану Королем за Стеной», – обещал он себе. Им он так и не стал, но был близок к этому. Имя Варамира Шестишкурого внушало страх людям. Он ездил верхом на белой медведице высотой в тринадцать ладоней, держал в неволе трех волков и сумеречного кота, сидел по правую руку от Манса-Разбойника. Напрасно он пошел за Мансом к Стене: надо было войти в медведя и растерзать короля.

До Манса Варамир жил что твой лорд, один в бревенчатом срубе, принадлежавшем ранее Хаггону. Звери верно служили ему, люди из дюжины деревень приносили хлеб, соль и сидр, фрукты и овощи. Мясо он добывал сам, за женщинами посылал сумеречного кота, и все, кого он желал, покорно приходили к нему. Плакали, но приходили. Варамир брал их, стриг волосы на память и отсылал назад. Время от времени какой-нибудь деревенский храбрец являлся с копьем уничтожить оборотня, чтобы спасти от него сестру, любимую или дочь – таких он убивал, но женщин не трогал. У некоторых даже дети рождались. Никчемные дурачки вроде Пышки, хоть бы один унаследовал его дар.

Страх помог Варамиру встать. Зажимая рану, он поковылял к двери, отвел драную шкуру, заведывающую вход. Перед ним выросла белая стена – снег! Не диво, что внутри так темно и дымно. Снегопад завалил хижину целиком.

Варамир налег на снежную стенку, и она сразу рухнула – мороз еще не скрепил ее. За ней стояла белая как смерть ночь; бледные облака служили свитой серебряной луне, звезды холодно смотрели на землю. Под снегом бугорками выступали другие хижины, над ними бледной тенью высилось одетое в лед чардрово. По заснеженным холмам к востоку и югу двигалась только поземка, ничего более.

– Колючка, – слабо позвал Варамир, прикидывая, далеко ли она ушла. – Где ты, женщина?

Вдалеке завыл волк.

Варамира пробрала дрожь. Он знал этот голос не хуже, чем Шишка некогда – голос матери. Одноглазый. Самый старый из трех, самый большой, самый злой. Тихоступ моложе и проворней, Хитрюга, понятно, хитрее, но Одноглазый, не ведающий страха и жалости, держит в страхе обоих.

Пока орел сторал заживо, Варамир потерял власть над другими животными. Сумеречный кот убежал в лес, медведица задрала четырех человек, прежде чем ее пронзили копьем. Она и Варамира убила бы, окажись он поблизости. Медведица его ненавидела, ярилась всякий раз, как он влезал в ее шкуру или садился ей на спину.

Но волки...

Его братья. Его стая. Много холодных ночей он проспал вместе с ними, теплыми и мохнатыми. Когда он умрет, они обгложут его, и весной из-под снега оттают одни только кости. Эта мысль, как ни странно, внушала успокоение. Они часто охотились для него – будет только справедливо, если под конец пищи для них станет он. Очень возможно, что свою вторую жизнь он начнет, терзая собственный труп.

С собаками проще всего: они так долго жили бок о бок с человеком, что сами очеловечились. Влезать в собачью шкуру – все равно что обуваться в разношенные мягкие сапоги. Сапог шьется по ноге, а собака создана для ошейника, в том числе и незримого. Волки – иное дело. Человек может подружиться с волком, может сломить его дух, но полностью никогда его не приручит. «С волком и женщиной сходишься на всю жизнь», – часто говаривал Хаггон. –

Когда вы заключаете свой союз, ты становишься частью волка, а он – частью тебя. Перемена происходит с каждым из вас».

С другими зверями лучше не связываться, предупреждал он. Кошки тщеславны и жестоки – того гляди кинутся на тебя. Оставаясь слишком долго в шкуре травоядных, лося или оленя, даже самый храбрый человек становится трусом. Медведей, вепрей, ласок и барсуков Хаггон тоже не одобрял. «Некоторые шкуры лучше не надевать, мальчик, – тебе не понравится то, что они с тобой сделают». Хуже всего, по его мнению, были птицы. «Люди должны ходить по земле. Побудешь в облаках – не захочешь возвращаться обратно. Я знал перевертышей, которые вселялись в ястребов, сов и воронов. Даже в собственной коже они грустили и все таращились на треклятую синеву».

Не все перевертыши, однако, были согласны с Хаггоном. Когда Шишке сравнялось десять, наставник ввел его в их круг. Больше всего там было варгов, братьев-волков, но другие показались мальчишке еще занятнее. Боррок как две капли воды походил на своего кабана, только клыков не хватало, у Орелла был орел, у Дикой Розы – сумеречная кошка (поглядев на них, Шишка и себе захотел кота), у Гризеллы коза...

До Варамира Шестишкурого никто из них не дотягивал, даже Хаггон – высокий, угрюмый, с жесткими как камень руками. Старый охотник умер, рыдая, когда Варамир отнял у него Серого: выгнал его и забрал зверя себе. «Не будет тебе второй жизни, старик». Тогда Варамир именовал себя Троешкурым; его четвертой шкурой стал Серый, но волк уже состарился, остался почти без зубов и скоро отправился вслед за Хаггоном.

Варамир мог вселиться в любого зверя, подчинить его своей воле. В собаку, в волка, в медведя, в барсука... да хоть в Колючку.

Как ни называй это, Хаггон, – мерзостью и самым тяжким из всех грехов – ты мертв, наполовину съеден и после сожжен. Манс тоже проклял бы Варамира, но Манс убит или попал в плен. Никто не узнает. Он преобразится в Колючку, и Варамир Шестишкурый умрет. Дар скорее всего уйдет вместе с телом. Он лишится своих волков и проживет остаток дней тощей бородавчатой бабой – но это все-таки жизнь. Если она вернется, конечно. Если у него еще хватит сил вселиться в нее.

Ох, тошно. Упав на колени, он набрал пригоршню снега, обтер бороду и пересохшие губы. Он весь горел и едва заставил себя проглотить холодную талую воду.

Вода только усилила голод. Желудок жаждал пищи. Снег больше не шел, но крепнувший ветер взметал его, больно жала лицо. Варамир, хрипло дыша, побрел по сугробам. Под чар-древом нашлась ветка, заменившая ему посох. Вдруг в брошенных хижинах отыщется что-нибудь... мешок яблок, вяленое мясо... что угодно, лишь бы продержаться, пока не вернется Колючка.

Он почти уже дошел до первого дома, когда сломался его костыль. Ноги подкосились, и Варамир растянулся на снегу, окрасив его своей кровью.

Быть занесенным снегом – неплохая смерть, мирная. Говорят, под конец тебе делается тепло и в сон клонит. Согреться было бы хорошо, но грустно думать, что ты никогда уже не увидишь зеленых земель, что лежат за Стеной. Тех, о которых пел Манс.

«Земли за Стеной не для нас, – говаривал Хаггон. – Вольный народ чтит перевертышей, хотя и боится, а богомольцы к югу от Стены режут нас, как свиней».

Ты предостерегал меня, Хаггон, но не ты ли показал мне Восточный Дозор? Варамиру тогда было не больше десяти. Хаггон обменял там дюжину низок янтаря и нагруженные шкурами санки на шесть винных мехов, соляной слиток и медный котелок. Восточный для таких сделок годился лучше, чем Черный Замок: туда приходили корабли с товарами из заморских земель. Вороны знали Хаггона как охотника и друга Ночного Дозора: он приносил им новости из-за Стены. Если кто и догадывался, что он перевертыш, речи об этом не заводили. Именно Восточный Дозор наделил Варамира мечтами о теплом юге.

Снежинки таяли у него на лбу. Замерзнуть – совсем не так худо, как сгореть заживо. Он уснет и пробудится к своей второй жизни. Его волки уже близко, он чувствует. Скоро он, покинув эту бrenную плоть, будет охотиться по ночам и выть на луну. Варг станет настоящим волком – вот только которым из них?

Лишь бы не Хитрюгой. Варамир часто влезал в ее шкуру, когда она спаривалась с Одноглазым (Хаггон и это назвал бы мерзостью), но сухой в новой жизни быть не хотел – разве что другого выхода не останется. Молодой Тихоступ лучше подошел бы ему. Старик Одноглазый, с другой стороны, более крупный и злой. Это он берет Хитрюгу в каждую ее течку.

«Говорят, ты все забываешь, – сказал Хаггон за несколько недель до собственной смерти. – Когда плоть умирает, твой дух живет в оболочке зверя, но память с каждым днем угасает. Все меньше от варга, все больше от волка. В конце концов человек уходит, и остается один только зверь».

Варамир знал: это правда. Захватив Ореллова орла, он почувствовал, как разозлился другой перевертыш. Орелла убил перелетная ворона Джон Сноу, и ненависть к убийце была так сильна, что Варамир сам возненавидел мальчишку. Сразу понял, кто он такой, увидев его белого лютovolка. Оборотень оборотня сразу узнает. Манс должен был отдать лютovolка ему, Варамиру – вот была бы вторая жизнь, королю впору. Варамир бы сумел. У Сноу дар сильный, но юнец необучен и продолжает бороться с тем, чем следовало бы гордиться.

Красные глаза чардрева смотрели на него с белого ствола. Боги взвешивают его на своих весах. «В жизни я делал дурные вещи, просто ужасные, – с дрожью осознал Варамир. – Убивал, крал, насиловал. Ел человечину и лакал горячую кровь, бьющую из разорванных глоток. Подкрадывался к врагам по лесу, пока они спали, потрошил их и раскидывал внутренности по земле. Ох и вкусное у них было мясо».

– Это зверь делал, не я, – хриплым шепотом сказал Варамир. – Вы сами меня таким создали.

Боги не отвечали. Дыхание стлалось в воздухе белым паром, борода смерзлась. Варамир Шестишкурый закрыл глаза, и к нему пришел его давний сон о хибарке у моря, где визжат три собаки и плачет женщина.

По Пышке она плакала, по нему – нет.

Шишка родился за месяц до срока и все время болел – никто не думал, что он выживет. Мать ждала целых четыре года, чтобы дать ему настоящее имя, а тогда уж и поздно стало: вся деревня кликала его Шишкой. Так назвала его сестрица Мея еще в материнском чреве. Младшего она же нарекла Пышкой, но он-то родился вовремя. Красный, здоровенный и грудь сосал почем зря. Его собирались назвать в честь отца, но он умер. Умер, когда ему было два года, а Шишке шесть, за три дня до своих именин.

«Твой малыш теперь у богов, – сказала лесная ведьма плачущей матери. – Он больше не почувствует боли, не будет плакать и голодать. Он перешел в землю, в деревья. Боги повсюду – в ручьях и камне, в зверях и птицах. Твой Пышка слился со всем, что живет в этом мире».

Шишку как ножом пронзили слова старухи. Пышка на него смотрит. Пышка все знает. От него не спрячешься за материнскими юбками и вместе с собаками не убежишь: нет их больше. Корнохвост, Нюхало, Ворчун были хорошие собаки. Его друзья.

Увидев, как они обнюхивают мертвого Пышку, отец не сумел понять, кто из них это сделал, и потому зарубил всех троих. Руки у него так тряслись, что Нюхало он уложил с двух ударов, а Ворчуна – с четырех. В воздухе висел запах крови, и умирающие собаки страшно визжали, но Корнохвост все же пришел на хозяйский зов. Он был самый старый, и привычка слушаться пересилила страх. Шишка опоздал залезть в его шкуру.

«Отец, не надо!» – хотел крикнуть он, но собаки по-человечески говорить не умеют, только скулят. Топор раскроил череп старому псу, и мальчик закричал. Так они и узнали. Два

дня спустя отец поволок его в лес и топор взял. Шишка уж думал, что его ждет такая же участь, но отец отвел его к Хаггону.

Варамир проснулся, дрожа всем телом.

– Вставай! – кричал кто-то. – Вставай, уходить надо. Их сотни!

Снег укрыл его жестким белым одеялом. Ух, как холодно. Варамир обнаружил, что рука у него примерзла к земле, и оторвал ее вместе с кожей.

– Вставай! – снова вскричала женщина. – Они идут!

Колючка вернулась. Она трясла его за плечи и вопила прямо ему в лицо. Ее теплое дыхание грело его застывшие щеки. Ну, теперь или никогда...

Собрав все свои силы, он выскочил из своего тела и вошел в женщину.

«Мерзость!» – согнувшись, выкрикнула она. А может быть, это он кричал? Или Хаггон? Пальцы ее разжались, его старое тело упало в снег. Копьеносица бешено извивалась. Сумеречный кот тоже сопротивлялся ему, медведица теряла разум и огрызалась на деревья и камни, но сейчас Варамиру приходилось намного хуже.

– Уйди! Уйди! – надрывалась женщина. Она упала и опять поднялась, руки молотили по воздуху, ноги дергались в подобии жуткого танца. Два духа сражались за одну плоть. Варамир на миг порадовался глотку морозного воздуха и силе ее молодого тела, но она сомкнула зубы, и его рот наполнился кровью. Руки, норовившие выцарапать Варамиру глаза, не подчинялись ему. «Мерзость», – вспомнил он, терзаемый болью, и она выплюнула на снег их язык.

Белый мир отошел прочь. На миг Варамир оказался в стволе чардрева, глядя красными глазами на умирающего мужчину и пляшущую под луной безумную, залитую кровью женщину – она лила красные слезы и рвала на себе одежду. Потом оба умерли, и он стал подниматься ввысь, несомый холодным ветром. Он был всюду – в снегу и в тучах, в белке, в воробье, в дубе. Сыч бесшумно пролетел между деревьями, преследуя зайца; Варамир был в нем, в зайце, в деревьях.

Глубоко в промерзшей земле копошились черви, и он был в них. *Я теперь лес и все, что живет в нем*, ликующе думал он. Сто воронов взмыли в воздух, каркая на него. Большой лось затрубил, встревожив детей, сидящих у него на спине. Спящий лютоволк поднял голову и щелкнул зубами, но Варамир уже прошел мимо, ища своих: Одноглазого, Хитрюгу и Тихоступа. *Волки спасут меня*, мелькнула последняя человеческая мысль.

Истинная смерть пришла внезапно – его будто окунули под лед замерзшего озера, и он – Одноглазый – понесся по лунным снегам с двумя другими волками. Они эхом откликнулись на его вой.

Волки задержались на вершине холма. *Колючка*, вспомнил он, сожалея о потерянном и содеянном. Пальцы мороза ползли вверх по чардреву, мир покрывался льдом. Опустевшая деревня не была больше пустой: между снежными бугорками шмыгали синеглазые тени – одни в коричневом, другие в черном, третьи голые, белые как снег. Ветер нес запахи мертвечины, запекшейся крови, мочи и плесени. Хитрюга оскалилась, ошетибилась. Это не люди – в пищу они не годятся.

Ходячие, но неживые, они один за другим поднимали головы к трем волкам на холме. Последней была та, что при жизни звалась Колючкой. Меха и кожа на ней обросли инеем, который хрустел и сверкал при луне. С пальцев свисали бледно-розовые сосульки – десять ножей из замерзшей крови, в ямах на месте глаз мерцала бледная синева, преображая лицо из корявого в нездешне прекрасное. После смерти Колючка стала красавицей.

Она видит меня, понял Варамир. *Видит.*

Тирион

Всю дорогу через Узкое море он пил. Суденышко было маленькое, каюта и того меньше, на палубу капитан не разрешал выходить. От качки его мутило, скверная еда, извергаясь наружу, казалась еще противнее. На что ему солонина, твердый сыр и кишаший червями хлеб, когда есть вино? Красное, кислое, очень крепкое. Иногда он блевал и вином, но запасы не иссякали.

– На свете полно вина, – бормотал он в сырой каюте. Отец всегда презирал пьяниц, но кому до этого дело? Отца больше нет, он убил его. Арбалетный болт в брюхо – и нет милорда. Будь Тирион более метким стрелком, он послал бы болт в член, которым этот гад его сделал.

Здесь внизу нельзя было понять, ночь теперь или день. Время Тирион измерял по юнге, приносившему еду, которую он не ел. Мальчишка заодно и прибирался в каюте.

– Дорнийское? – спросил как-то Тирион, откупоривая мех. – Оно напоминает мне одного змея. Забавный был парень, пока на него гора не упала.

Юнга не отвечал. Уродливый малый, но все же пригляднее одного карлика с половиной носа и шрамом от глаза до подбородка.

– Я тебя чем-то обидел? – спрашивал Тирион, пока юнец драил палубу. – Тебе приказано со мной не разговаривать, или какой-то карлик поимел твою мать? Скажи хоть, куда мы плывем. – Джейме поминал Вольные Города, и только. – В Браавос, Тирош, Мир? – Уж лучше бы в Дорн. Мирцелла старше Томмена – по дорнийским законам Железный Трон принадлежит ей. Он бы помог ей утвердиться в своих правах, как принц Оберин предлагал.

Но Оберин погиб: сир Григор Клиган одетым в броню кулаком раздробил ему череп. Разве согласится Доран Мартелл на столь рискованный план без Красного Змея? Еще, чего доброго, закует Тириона в цепи и выдаст дражайшей сестрице. На Стене, пожалуй, безопаснее будет. Мормонт, Старый Медведь, говорил, что Ночному Дозору нужны такие, как Тирион, – но кто знает, жив ли он, Мормонт. Возможно, теперь лордом-командующим стал Янос Слинг, и этот сын мясника хорошо помнит, кто его на Стену послал. «Тирион, тебе вправду хочется до конца дней питаться овсянкой и солониной вместе с убийцами и ворами? Впрочем, Янос Слинг позаботится, чтобы остаток твоих дней был недолгим».

Юнга знай себе скреб, макая щетку в ведро.

– В веселых домах Лисса доводилось бывать? – спросил его Тирион. – Не туда ли отправляются шлюхи? – Тирион не помнил, как будет «шлюха» по-валирийски, а парень взял свои орудия и ушел.

Надо же, как пагубно влияет вино на память. Валирийскому он обучался у своего мейстера, хотя в девяти Вольных Городах говорят теперь на девяти диалектах, обещающих стать полноценными языками. Тирион умел немного по-браавосски и чуть-чуть по-мирийски. В Тироше он сможет проклясть богов, обозвать кого-то мошенником и заказать кружку эля благодаря служившему в Утесе наемнику. В Дорне хотя бы на общем языке говорят. Подобно дорнийской еде и дорнийским законам он там густо приправлен Ройном, но понять все-таки можно. В Дорн, только в Дорн. Тирион залез в койку с этой мыслью, как ребенок с любимой куклой.

Засыпал он всегда с трудом, а на этом корабле почти вовсе не спал – разве что напившись как следует. Снов уж точно не видел, и хорошо: довольно он их навидался за свою недолгую жизнь. Грезил о любви, о справедливости, дружбе и славе. О том, чтобы вырасти большим. Ничего этого ему не видать – и куда же в конце концов отправляются шлюхи?

«Куда все шлюхи отправляются», – было последними словами его отца. Тетива загудела, лорд Тайвин провалился задом в дыру, а Тирион Ланнистер пошел себе куда-то бок о бок с Варисом. Должно быть, он снова слез по двумстам тридцати перекладинам туда, где в жаровне

тлели рыжие угли. Этого он не помнил – помнил только звук тетивы и вонь, пошедшую от кишок убитого. Отец даже в миг своей смерти умудрился обосрать сына.

Молча пройдя по лабиринту темных ходов, они вышли где-то у Черноводной. Там Тирион одержал свою прославленную победу и потерял половину носа. Лишь тогда карлик повернулся к евноху и сказал: «Я убил своего отца». Таким тоном, которым другой уведомил бы, что занозил себе палец.

Мастер над шептунами был одет, как нищенствующий брат, – в побитую молью бурую рясу с капюшоном, скрывавшим его толстые щеки и лысину. «Не надо вам было взбираться по той лестнице», – произнес он с укором.

«Куда все шлюхи отправляются». Тирион предупреждал, чтобы отец не говорил больше этого слова. Не выстрели он, это бы оказалось пустой угрозой. Отец отнял бы у него арбалет, как некогда отнял Тишу. Он уже поднимался, когда Тирион спустил курок.

«Я и Шаю убил», – признался он Варису.

«Вы же знали, что она за сокровище».

«Про нее знал, да. Про него нет».

«Теперь знаете», – заметил, хихикнув, Варис.

Надо было убить и евноху. Чуть больше крови на руках, подумаешь тоже. Непонятно, что его остановило, – только не благодарность. Варис спас его от палача лишь по приказу Джейме. А тот... нет, о Джейме лучше не думать.

Найдя непочатый мех, Тирион высосал его, как материнскую грудь. Красное стекало по подбородку, пачкая и без того грязный камзол – тот самый, что был на нем и в тюрьме. Палуба качнулась и швырнула Тириона обратно на переборку, когда он встал. То ли шторм, то ли он выпил больше обычного. Он выблевал вино и полежал, гадая, тонет корабль или нет. «Ты мстишь мне, отец? Отец Всевышний сделал тебя своим десницей там наверху?»

– Достойная кара для отцеубийцы, – промолвил он под вой ветра. Нечестно, пожалуй, топить вместе с ним капитана, юнгу и всех матросов, но когда это боги вели себя честно?

Тьма поглотила его, не дав додумать мысль до конца.

Когда он очнулся, голова у него трещала, и корабль ходил кругами, хотя капитан уверял, что они пришли в порт. Тирион велел ему заткнуться. Здоровенный лысый матрос взял Тириона под мышку, как тот ни отбрыкивался, и приволок в трюм, где дожидался пустой бочонок, совсем маленький – даже карлик в нем едва уместился. От усиленных попыток освободиться Тирион намочил штаны. Его затолкали в бочонок вперед головой, прижав коленки к ушам. Обрубок носа чесался невыносимо, но руки ничем не могли помочь. «Паланкин в самый раз для меня», – думал он, пока над ним заколачивали крышку. Бочонок с криками подняли на таях – он стучался головой о днище при каждом рывке. Потом сосуд покатился вниз, грохнулся обо что-то, и в него врезался другой бочонок. Тирион прикусил язык.

Это было самое долгое из его путешествий, хотя занять больше получаса оно никак не могло. Его поднимали и опускали, катили и ставили, переворачивали вверх ногами и снова катили. Слышались голоса, однажды где-то заржала лошадь. Короткие ноги затекли и так разболелись, что даже похмельную голову заглушали.

Катящийся бочонок в очередной раз на что-то наткнулся. Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. По крышке заколотили и открыли ее. Свет и прохладный воздух хлынули внутрь. Тирион, жадно дыша, хотел встать, но повалился вместе с бочонком и выпал на твердый земляной пол.

Над ним высился до безобразия толстый человек с желтой раздвоенной бородой, держа в руках деревянный молоток и долото. Халат на нем мог бы послужить турнирной палаткой, развязанный пояс обнажал огромное белое пузо и пару жирных грудей, заросших желтыми волосами. Ни дать ни взять, дохлая морская корова, которую как-то раз занесло в пещеры у подножия Утеса.

– Гляньте-ка, пьяный карлик, – сказал толстяк на общем языке Вестероса.

– Молчи, морская корова. – Тирион сплюнул кровь ему под ноги. Они находились в большом погребе с грудями бочек до потолка и пятнами селитры на стенах. Здешних запасов снедаемому жаждой карлику хватило бы на всю ночь, а может, и на всю жизнь.

– Да ты нахал – люблю таких карликов. – От смеха телеса незнакомца бурно заколыхались, Тирион даже испугался, что кусок сейчас оторвется и задавит его. – Небось проголодался, дружок? Устал?

– Пить хочу. И помыться. – Тирион привстал на колени.

Толстяк принялся.

– Сначала ванна – еда и постель потом? Мои слуги этим займутся. – Толстяк отложил свои инструменты. – Мой дом – твой дом. Друг моего друга по ту сторону моря для Иллирио Мопатиса дорогой гость.

«А друга паука Вариса не следует подпускать слишком близко», – добавил про себя Тирион.

Обещанная ванна, впрочем, не заставила себя ждать. Тирион, погрузившись в горячую воду, тут же уснул и проснулся голым на перине из гусяного пуха, точно на облаке. Во рту и в глотке пересохло до невозможности, член стоял как железный. Тирион слез, отыскал горшок и зажурчал, постанывая от наслаждения.

В комнате царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет. Отрянувшись, Тирион прошел по миррийским коврам, мягким как весенняя травка, взобрался на подоконник и отворил ставни. Поглядим, что послали ему боги и Варис.

Под окном вокруг мраморного бассейна росли шесть вишневых деревьев, безлиственных в эту пору. В воде стоял голый парнишка не старше шестнадцати, с белокурыми волосами до плеч – он изготовился к бою с клинком бравы в руке. Выглядел он так натурально, что Тирион не сразу распознал в нем статую из раскрашенного мрамора, а меч блестел, как настоящий стальной.

Бассейн огораживала кирпичная стена высотой не меньше двенадцати футов, с железными пиками наверху. За стеной раскинулся город – скопление черепичных крыш вокруг морского залива. Тирион видел прямоугольные кирпичные башни, красный храм, отдаленный дворец на холме. Сверкающий на солнце залив был усеян парусами рыбацких лодок, у берега торчали мачты больших кораблей. Один из них наверняка идет в Дорн или в Восточный Дозор, Что-у-моря. Но Тириону нечем заплатить за проезд, и в гребцы его не возьмут. Разве юнгой наняться, чтобы вся команда его имела во время плавания.

Где же это он? Здесь даже воздух пахнет иначе – заморскими пряностями. Люди за стеной говорили как будто по-валирийски, но он понимал едва ли одно слово из пяти. Не Браавос, решил Тирион, и не Тирош. Облетевшие деревья и холодок говорят также против Лисса, Мира или Волантиса.

Тирион обернулся на звук открывшейся двери.

– Мы в Пентосе, верно?

– Конечно. Где же еще.

Пентос. Ну, спасибо, что не Королевская Гавань.

– А куда отправляются шлюхи? – неожиданно для себя выпалил Тирион.

– Шлюх здесь, как и в Вестеросе, можно найти в борделях. Тебе, дружок, они не понадобятся – выбирай из моих служанок. Ни одна не посмеет тебе отказать.

– Рабыни? – подчеркнуто спросил карлик.

Толстяк огладил один из отростков желтой намащенной бороды – этот жест показался Тириону весьма непристойным.

– Рабство в Пентосе запрещено договором, который навязали нам браавосцы сто лет назад. Но они тебе не откажут. Прошу извинить, мой маленький друг, – с полупоклоном доба-

вил Иллирио. – Я имею честь быть магистром этого великого города, и принц нас созывает на совещание. – Он продемонстрировал в улыбке два ряда желтых зубов. – Дом и уголья осматривай, сколько тебе угодно, а вот за стену ни ногой. Никто не должен знать, что ты был здесь.

– Был? Так я здесь не задержусь?

– Поговорим об этом вечером – хорошо, мой маленький друг? Будем есть, пить и строить великие планы.

– Хорошо, большой друг. – Иллирио хочет использовать его в своих целях – у торговых магнатов Девяти Городов только и на уме, что нажива. «Солдаты пряностей и лорды сыров», – с презрением говаривал его лорд-отец. Если Иллирио сочтет когда-нибудь, что в мертвом карлике пользы больше, чем в живом, Тириона опять упакует в винный бочонок – и хорошо бы расстаться с гостеприимным хозяином, пока этот день не настал. В том, что он настанет, Тирион даже не сомневался. Серсея не забудет о возлюбленном брате, да и Джейме не обрадуется, обнаружив болт у отца в животе.

Ветерок рябил воду в бассейне вокруг статуи нагого бойца. Тиша часто ерошила ему волосы той обманной весной, в пору их недолгого брака – пока он не взял ее силой, завершив начатое отцовской гвардией. Во время бегства он все вспоминал, сколько же их было, этих гвардейцев. Уж это, казалось, должно было ему запомниться, но нет, он забыл. Десяток? Дюжина? Сотня? Все рослые, как на подбор, хотя карлику тринадцати лет все мужчины кажутся рослыми. Тиша-то знала сколько. Каждый из них уплатил ей серебряного оленя – стоило только пересчитать. Олень за гвардейца, золотой за него, Тириона. Отец настоял, чтобы сын тоже с ней расплатился. Ланнистеры всегда платят свои долги.

«Куда все шлюхи отправляются», – снова сказал лорд Тайвин, и тетива пропела еще раз.

Магистр предложил гостю осмотреть имение, а в кедровом сундуке с инкрустацией из лазури и перламутра нашлась чистая смена одежды. На мальчика шито, сразу определил Тирион. Ткань богатая, хотя и залежалась немного, штанины длинноваты, рукава слишком коротки. Вдумай он затянуть воротник, почернел бы не хуже Джоффри. Без моли тоже не обошлось, но хотя бы блевотиной не воняет.

Осмотр Тирион начал с кухни. Две толстухи и мальчишка-подрочный подозрительно следили, как он набирает себе хлеба, сыра и фиг.

– Доброго утра, прекрасные дамы, – сказал он с поклоном. – Не знаете ли, куда отправляются шлюхи? – Не получив ответа, он повторил вопрос на классическом валирийском, где «шлюх» пришлось заменить «куртизанками». Одна из кухарок, моложе и толще другой, пожалала плечами.

Любопытно, что они сделают, если он возьмет их за руки и поведет в свою спальню. Иллирио, заявляя, что ни одна служанка не посмеет ему отказать, этих двух, похоже, в виду не имел. Молодая гостю в матери годится, а старая, по всему, доводится матерью ей самой. Толщиной обе почти не уступают хозяину, груди у них с голову Тириона – того и гляди задавят карлика во время любовных игр. Можно, в общем, умереть и похуже – к примеру, так, как умер его лорд-отец. Надо было заставить его высрать немного золота перед смертью. На ласку и похвалу лорд Тайвин всегда скупился, зато звонкую монету раздавал щедрой рукой. Жалостней безносого карлика может быть только безносый карлик без единого золотого в кармане.

Оставив женщин при хлебах и кастрюлях, Тирион пошел искать погреб, где Иллирио выпустил его из бочонка. Найти его труда не составило, и хранящихся там вин карлику бы хватило лет на сто: сладкие из Простора, кислые дорнийские, янтарные пентосские, зеленый мирийский нектар, пятьдесят бочек борского золотого. Сказочный Восток тоже был здесь представлен: Кварт, Йи Ти, Асшай у Края Теней. Тирион отыскал бочонок крепкого, помеченный клеймом Рансфорда Редвина, деда нынешнего борского лорда. Вкус его долго держался на языке, пурпурный цвет казался почти черным в полутемном подвале. Тирион, налив чашу и штоф про запас, поднялся в сад, чтобы выпить под вишнями, которые видел в окне.

Как оказалось, вышел он не в ту дверь и не нашел бассейн с вишнями, но это не имело значения: здесь тоже были сады. Он погулял немного, прикладываясь на ходу к чаше. Наружной стены устыдился бы всякий приличный замок, пики на ней, не украшенные головами казненных, казались голыми. Тирион представил наверху головку своей сестрицы с золотыми волосами, обмазанными смолой, и жужжащими вокруг мухами. А Джейме хорошо бы занять соседнюю пику, чтобы между близнецами никто не встречал.

С крюком на веревке он, пожалуй, одолел бы эту преграду. Руки у него сильные, вес небольшой. Главное – не напороться на пику. «Завтра же поищу веревку», – решил Тирион.

Гуляя, он миновал три входа – главные ворота в караульной, калитку у псарни и еще одну, густо увитую плющом, почти незаметную. Эта была заперта на цепь с замком, остальные охранялись стражами в остроконечных бронзовых шлемах, с гладкими, как детская попка, рожами. Евнухи, ясное дело. Он слышал о таких: ничего не боятся, боли не чувствуют, преданы своим господам до гроба. Ему бы пару сотен таких солдат – жаль, что он не подумал об этом, пока не стал нищим.

Через галерею с колоннами и островерхую арку он вышел в мощный дворик, где у колодца трудилась прачка. Похоже, его ровесница, с тускло-рыжими волосами и широким веснушчатым лицом.

– Хочешь вина? – спросил Тирион. Она ответила неуверенным взглядом. – Лишней чаши нет, придется пить из одной. – Женщина молча выкручивала и развешивала рубахи. Тирион сел на каменную скамью. – Скажи, насколько можно доверять магистру Иллирию? – Услышав имя хозяина, она подняла глаза. – И только-то? – Он, ухмыляясь, скрестил свои короткие ножки и выпил. – Очень бы не хотелось играть роль, которую торговец сырами для меня предназначил, но как ему отказать? Входы-выходы все охраняются. Вот вывела бы меня в город под юбками – в благодарность я, глядишь, женился бы на тебе. Где две жены, там и три. Но где же мы будем жить? – Он улыбался так мило, как только способен человек с половиной носа. – Я уже говорил, что в Солнечном Копье у меня племянница? С Мирцеллой я наворотил бы дел, втравил бы ее в войну с собственным братом – забавно, правда? – Рубаха Иллирию, повешенная женщиной на веревку, раздулась не хуже паруса. – Нет-нет, это дурные мысли, ты совершенно права. Поедем лучше на Стену. Говорят, тому, кто вступает в Ночной Дозор, отпускаются все грехи. Боюсь только, что тебя туда не пустят, радость моя. В Дозоре женщин не полагается – никаких веснушчатых женок, чтобы греть постель по ночам. Только холодный ветер, соленая треска да жидкое пиво. Тебе не кажется, что в черном я буду казаться выше, миледи? – Он подлил в чашу из штофа. – Ну, что скажешь – на север или на юг? Каяться в старых грехах или совершать новые?

Прачка, посмотрев на него напоследок, взяла корзину и пошла прочь. Долго жены у него не задерживаются, и штоф опустел – спуститься опять в погреб, что ли? От крепкого голова кружится, а там крутые ступеньки.

– Куда отправляются шлюхи? – спросил он хлопающее на веревке белье. Надо было прачку спросить. «Я не хочу сказать, что ты шлюха, дорогая моя, но вдруг ты знаешь?» Надо было выпросить у отца – он-то знал. Тиша, крестьянская дочка. Она полюбила его, вышла за него замуж. Доверяла ему.

Пустой штоф упал, покатился по двору. Тирион, поспешая за ним, заметил грибы, растущие в трещинах между плитами. Бледные в крапинку, с кроваво-красными пластинками шляпок. Он сорвал один, понюхал. Никак, ядовитые?

Грибов было семь – может, Семеро хотят что-то этим сказать? Тирион собрал все, завернул в снятую с веревки перчатку, спрятал в карман. От усилий голова закружилась еще сильнее. Он доковылял до скамейки, лег, закрыл глаза... и проснулся у себя в спальне, утопая в перине. Белокурая девушка трясла его за плечо.

– Ванна готова, милорд. Магистр Иллирию ждет вас к столу через час.

Тирион сел в подушках, держась за голову.

– Снится мне это, или ты говоришь на общем?

– Говорю, милорд. Меня купили в дар королю. – Совсем юная, голубоглазая, гибкая.

– Уверен, он порадовался такому подарку. Налей мне вина.

Она подала ему чашу.

– Магистр Иллирио велел мне мыть вам спину и греть постель. Меня зовут...

– Мне все равно как. Известно тебе, куда отправляются шлюхи?

– Шлюхи продаются за деньги, – вспыхнула девушка.

– А также за драгоценности, платья и замки. Так куда же?

– Это загадка такая, милорд? Я не мастерица отгадывать, скажите уж сразу.

Он и сам не любил загадок.

– Не скажу. – «Меня интересует только то, что у тебя между ног», – чуть не сказал он – и промолчал. Она не Шая. Просто дурочка, полагающая, что он ей загадывает загадки. Даже ее щелка, сказать по правде, не слишком его влечет. Он, верно, захворал – или умер. – Говоришь, ванна готова? Пойдем, негоже заставлять ждать торговца сырами.

Девушка вымыла ему ноги, потерла спину, расчесала волосы и вновь облачила его в лежащие детские одежды – винного цвета бриджи и синий бархатный дублет, подбитый парчой.

– Прикажете ждать вашу милость тут, когда вы откушаете? – спросила она, шнуруя его сапожки.

– Нет. Я покончил с женщинами. – «Со шлюхами».

Девушка не выказала никакого разочарования – Тириона это задело.

– Если милорд желает мальчика, я могу привести...

«Милорд желает свою жену. Девушку по имени Тиша».

– Если он знает, куда отправляются шлюхи, то да.

Девушка поджала губы. Презирает его, это ясно – но ей далеко до презрения, которое он питает к себе самому. Он не сомневался, что многие его женщины с большой неохотой ложились к нему в постель, но у них хотя бы хватало доброты скрывать это. Честная неприязнь даже освежает, как глоток терпкого вина после сладкого.

– Я передумал, – сказал Тирион. – Жди меня здесь, в постели, и раздеться изволь догола – я буду слишком пьян для возни с твоими застежками. Ноги раздвинь, рот закрой, и мы с тобой преотлично поладим. – Он осклабился, надеясь ее напугать, но встретил лишь отвращение. Карликов никто не боится. Даже лорд Тайвин, которому Тирион грозил арбалетом, не боялся его. – Ты как, стонешь, когда тебя дерут?

– Как милорду будет угодно.

– А если милорду угодно будет тебя задушить? Со своей последней шлюхой я обошелся именно так. Как по-твоему, твой хозяин не будет против? Я думаю, нет. Таких, как ты, у него штук сто, а я такой один. – На этот раз он получил желаемый страх.

Иллирио возлежал на мягкой кушетке, уплетая горячие перцы с мелкими луковицами из деревянной миски. На лбу у него выступила испарина, над толстыми щеками горели свиные глазки, на пальцах переливались искрами оникс, опал, тигровый глаз, турмалин, рубин, аметист, сапфир, янтарь, нефрит, черный алмаз и зеленый жемчуг. На его кольца Тирион мог бы жить много лет, но чтобы добыть их, понадобится тесак.

– Садись поближе, дружок, – поманил магистр.

Тирион взгромоздился на слишком высокий стул, предназначенный для массивных магистерских ягодиц. Он всю жизнь прожил в мире, слишком большом для него, но в доме Иллирио диспропорция принимала прямо-таки гротескный характер. Здесь он чувствовал себя мышкой в пещере мамонта, утешаясь тем, что у мамонта имеются хорошие вина. От мысли о них ему захотелось пить, и он кликнул слугу.

– Понравилась тебе девушка, которую я прислал? – спросил Иллирио.

– Будь мне нужна женщина, я бы сказал об этом.

– Если она не угодила тебе...

– Она делает все, что от нее требуется.

– Я так и надеялся. Она прошла выучку в Лиссе, где любовь почитают искусством. Король был очень доволен ею.

– Я убиваю королей, не слыхал? – Тирион злобно улыбнулся поверх винной чаши. – Королевские объедки мне ни к чему.

– Как скажешь. Давай поедим. – Иллирио хлопнул в ладоши.

Для начала им подали горячий суп из морского черта с крабами и холодный, с яйцом и лимоном. За этим последовали перепелки в меду, седло барашка, гусиные потроха в вине, репа в масле и молочный поросенок. При виде еды Тириона замутило. Из вежливости он принудил себя съесть ложку супа и сразу пропал. Толстые кухарки свое дело знали: так вкусно он не ел даже при дворе.

Обсасывая мясо с перепелиных косточек, он спросил Иллирио об утреннем заседании.

– На востоке беспокойно, – пожал плечами толстяк. – Пали Астатор с Миэрином – гискарские города, бывшие древними, когда весь мир был еще юн. – Он обмакнул ломоть поросенка в сливовый соус и стал есть руками.

– Залив Работоторговцев далековато от Пентоса. – Тирион подцепил ножом гусиный потрошок. Все отцеубийцы прокляты, но и в аду можно недурно устроиться.

– Верно, но что такое наш мир, как не одна великая паутина? Тронешь одну нить – отзовется на всех остальных. Еще вина? – Иллирио сунул в рот перец. – Хотя нет – предложу тебе нечто особенное. – Он снял крышку с блюда, которое поставил перед Тирионом слуга. – Грибы! Щепотка чеснока и целое море масла. Я нашел вкус восхитительным. Возьми один, дружок – нет, лучше два.

Тирион поднес большой черный гриб ко рту, но что-то в голосе Иллирио насторожило его.

– Сначала ты. – Он подвинул блюдо к хозяину.

– Нет-нет. – Из-под магистерских жиров на миг проглянул озорной мальчишка. – Ты первый. Повариха для тебя их готовила.

– В самом деле? – Тириону вспомнились руки в муке, тяжелые груди с синими венами. – Она очень добра, но... нет. – Он вернул гриб обратно в подливку.

– Экий ты подозрительный, – усмехнулся Иллирио в желтую бороду – он небось маслит ее каждый день, чтобы блестела как золото. – А может, попросту трус? Мне другое про тебя говорили.

– В Семи Королевствах отравить гостя за ужином значит преступить законы гостеприимства.

– У нас тоже. Но если гостю самому не терпится прервать свою жизнь, почему бы не сделать ему одолжение? – Иллирио отпил из чаши. – Магистра Орделло отравили грибами каких-то полгода назад. Говорят, это не так уж больно. Легкие спазмы в животе, ломота позади глаз – и все, конец. Лучше грибы, чем голова с плеч, разве нет? Зачем умирать со вкусом крови во рту, когда тебе предлагают чеснок и масло?

От запахов подливы в самом деле слюнки текли. Вонзить нож себе в живот у Тириона бы смелости не хватило, а гриб съесть проще простого.

– Ты заблуждаешься на мой счет, – сказал он, до крайности напуганный этой мыслью.

– Да ну? Если предпочитаешь утонуть в вине, так и скажи. Зачем тратить время и портить напитки, вливая в себя чашу за чашей?

– Ты заблуждаешься, – повторил Тирион. Грибы в золотистой подливе призывно блестели при свете лампы. – Могу тебя заверить, что не имею никакого желания умирать. У меня... – Он

запнулся. Что, собственно у него впереди? Вся жизнь? Малые дети, родовое имение, любимая женщина?

– Нет у тебя ничего, – закончил за него Иллирио, – но это можно поправить. – Он взял с блюда гриб и со вкусом начал жевать. – Превосходно.

– Не ядовитые, значит, – рассердился Тирион.

– Нет, конечно. Зачем мне тебя травить? Выкажем друг другу немного доверия. Ну же, отведай. – Иллирио снова хлопнул в ладони. – Нас ждет работа – подкрепись хорошенько, дружок.

На столе появились новые блюда: цапля, начиненная фидами, телячьи котлеты в миндальном молоке, сельдь под сливками, засахаренный лук, остро пахнущие сыры, улитки и черный лебедь в оперении. Лебедя Тирион, памятуя об ужине у сестры, есть не стал, но воздал должное цапле, сельди и луку. Слуга исправно наполнял его чашу.

– Для маленького человечка ты много пьешь.

– Отцеубийство сушит.

Глазки толстяка сверкнули, как камни на его пальцах.

– Кое-кто в Вестеросе назвал бы убийство лорда Ланнистера добрым делом.

– При моей сестре этого лучше не говорить – языком поплатиться можно. – Тирион разломил хлеб. – И тебе, магистр, тоже не советую мою семью задевать. Даже будучи отцеубийцей, я остаюсь львом.

Сырный лорд в приступе веселья хлопнул себя по ляжке.

– Вы, вестеросцы, все одинаковы. Вышиваете какого-нибудь зверя на шелковом лоскуте, и вот вы все уже львы, орлы и драконы. Могу тебе показать настоящего льва – не хочешь ли разделить с ним клетку?

«Лорды Семи Королевств и правда слишком уж носятся со своими гербами», – признал про себя Тирион.

– Будь по-твоему. Я не лев, но все-таки сын своего отца, и только я вправе убить Серсею и Джейме.

– Ты весьма кстати упомянул о своей сестре, – заметил Иллирио, поглощая улиток. – Королева обещала сделать лордом того, кто ей принесет твою голову, какого бы низкого происхождения он ни был.

Иного Тирион и не ждал.

– Если хочешь поймать ее на слове, пусть она заодно с тобой переспит. Лучшее во мне за лучшее в ней – сделка честная.

– Я бы скорее взял собственный вес в золоте. – Иллирио зашелся от смеха. «Как бы не лопнул», – с опаской сказал себе Тирион. – Все золото Бобрового Утеса, что скажешь?

– Золото согласен отдать, – карлику совсем не хотелось потонуть в полупереваренных углях и улитках, – но Утес мой.

– Ну-ну. – Толстяк рыгнул, прикрыв рукой рот. – Думаешь, король Станнис отдаст его тебе? Я слышал, он чтит закон. Твой брат носит белый плащ, так что по всем вашим законам наследник ты.

– Станнис, может, и отдал бы, кабы не такая малость, как убийство короля вкупе с отцеубийством. За это он урежет меня на целую голову, а я и без того мал. Но с чего ты взял, что я намерен примкнуть к лорду Станнису?

– Зачем тебе иначе ехать к Стене?

– Станнис на Стене? – Тирион потер то, что осталось от его носа. – Какого дьявола он там делает?

– Мерзнет скорей всего. В Дорне куда теплее – лучше бы ему было отплыть туда.

Веснушчатая прачка только притворялась, выходит, что не понимает общий язык.

– В Дорне у меня Мирцелла, племянница. И я подумываю сделать ее королевой.

Слуга положил им обоих темных вишен со сливками.

– Что такого тебе сделало бедное дитя, коли ты ее смерти желаешь?

– Даже отцеубийце не обязательно истреблять всех своих родичей. Я сказал «сделать королевой», а не «убить».

Иллирио зачерпнул ложкой вишни.

– В Волантисе чеканят монету с короной на одной стороне и черепом на другой. Одна монета, две стороны. Сделать королевой – значит убить. Дорн, может, и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна мало. Ежели ты так умен, как утверждает наш друг, то и сам это знаешь.

Тирион посмотрел на толстяка другими глазами. Иллирио прав и в том, и в другом. Короновать Мирцеллу значит убить ее, и Тирион это знает.

– Мне только и осталось, что безрассудные жесты. По крайней мере сестрица поплачет.

Магистр вытер рукой рот, измазанный сливками.

– Дорога на Бобровый Утес проходит не через Дорн, дружок. И не под Стеной тоже. Тем не менее она существует.

– Я признанный изменник, убийца короля и родного отца. – «Какая еще дорога, что за игру затеял магистр?»

– Один король может отменить то, что решил другой. В Пентосе у нас сидит принц. Между балами и пирами он разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Герольды несут перед ним золотые весы торговли, железный меч войны и серебряный бич правосудия. В первый день года он обязан лишить невинности деву моря и деву полей. – Иллирио подался вперед, поставив локти на стол. – Но в случае неурожая или проигранной нами войны мы режем принцу горло, чтобы умиловать богов, и выбираем среди сорока семей нового.

– Напомни мне не соглашаться быть пентосским принцем.

– А разве Семь Королевств так уж от нас отличаются? В Вестеросе нет мира, нет закона, нет веры... а скоро и есть будет нечего. Во времена голода и страха народ ищет себе спасителя.

– Ну, если он не найдет ничего лучше Станниса...

– Это будет не Станнис. И не Мирцелла. – Желтозубая улыбка становилась все шире. – Другой. Сильнее Томмена, милосерднее Станниса, имеющий больше прав, чем Мирцелла. Спаситель, который перевязывает кровоточащие раны Вестероса, придет из-за моря.

– Красивые слова, ничего более. Кто этот треклятый спаситель?

– Дракон, – сказал торговец сырами и засмеялся, увидев лицо Тириона. – Трехглавый дракон.

Дейенерис

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Мерный звук шагов опережал его, отдаваясь эхом среди пурпурных колонн чертога. Дейенерис Таргариен ждала его на скамье черного дерева, служившей ей тронном. Глаза у нее были заспанные, серебряные с золотом волосы рассыпались по плечам.

– Не надо бы вам этого видеть, ваше величество, – сказал сир Барристан Селми, лорд-командующий ее Королевской Гвардией.

– Он погиб за меня. – Дени запахла в ливиную шкуру. Под шкурой была только полотняная туника до середины бедра. Ей снился дом с красной дверью, когда Миссандея разбудила ее – одеваться не было времени.

– Смотри только не трогай его, кхалиси, – шепотом попросила Ирри. – Прикастаться к мертвецу – дурная примета.

– Если, конечно, сам его не убил, – уточнила Чхику – покрепче Ирри, широкобедрая, с тяжелыми грудями. – Это все знают.

– Это все знают, – согласилась с ней Ирри.

Дотракийцы хорошо разбираются в лошадях, но полные профаны во всем остальном. Притом служанки Дени совсем еще девчонки, ее ровесницы. Мужчины засматриваются на их черные косы, медную кожу и миндалевидного разреза глаза, но от этого те не перестают быть девчонками. Ей отдали их, когда она вышла замуж за кхала Дрого. Это он подарил Дени шкуру храккара, белого льва Дотракийского моря. Шкура велика для нее и пахнет затхлым мехом, но в ней Дени кажется, что ее солнце и звезды все еще с ней.

Первым в чертог вступил Серый Червь с факелом. Его бронзовый шлем венчали целых три пики. За ним четверо Безупречных – по одной пике на шлемах, и с лицами бесстрастными, будто из той же бронзы – несли на плечах мертвеца. Они сложили труп к ногам Дени, сир Барристан откинул окровавленный саван, Серый Червь осветил своим факелом.

Гладкое безволосое лицо с исполосованными клинком щеками. При жизни убитый был высоким, голубоглазым и светлокожим – дитя Лисса или Старого Волантиса, похищенный пиратами и проданный в рабство. Глаза открыты, но влага сочится не из них, а из ран, которых не сосчитать.

– Ваше величество, – сказал сир Барристан, – в переулке, где он был найден, на кирпиче нарисована гарпия...

– Кровью, – договорила за него Дени. Сыны Гарпии убивают по ночам и каждый раз оставляют свою эмблему. – Почему этот человек был один, Серый Червь? Разве у него нет напарника? – По ее приказу Безупречные ночью патрулировали улицы Миэрина только попарно.

– Ваш слуга Крепкий Щит не вышел ночью в дозор, моя королева, – доложил капитан. – Он пошел в одно место... выпить и поразвлечься.

– Что за место?

– Веселый дом, ваше величество.

Половина ее вольноотпущенников пришли из Юнкая, где мудрые господа обучали прославленных рабов для утех. Путь семи вздохов. Бордели в Миэрине расплодились, как грибы после дождя – надо же бывшим рабам как-то жить, а больше они ничего не умеют. Еда с каждым днем дорожает, а цены на плоть, наоборот, падают. В бедных кварталах, между ступенчатыми пирамидами миэринской аристократии, могут удовлетворить любые желания, какие только можно себе представить.

– Что евнуху понадобилось в борделе?

– Даже при отсутствии мужских органов в груди бьется мужское сердце, ваше величество, – сказал Серый Червь. – Говорят, что ваш слуга Крепкий Щит платил женщинам, чтобы они лежали с ним и обнимали его.

Та, в ком течет кровь дракона, не плачет.

– Это имя его – Крепкий Щит? – с сухими глазами спросила Дени.

– С позволения вашего величества.

– Хорошее имя. – Добрые господа Астапора даже имен своим рабам-воинам не разрешали иметь. Некоторые из ее Безупречных назвались своими прежними именами, другие придумали себе новые. – Известно ли, сколько человек на него напали?

– Ваш слуга не знает этого. Много.

– Шестеро или больше, – вставил сир Барристан. – Судя по ранам, его облепили со всех сторон. Когда его нашли, меча в ножнах не было. Возможно, он ранил кого-то из них.

Быть может, в это самое время кто-то из Сынов Гарпии умирает, держась за живот и корчась от боли. Хорошо бы.

– Почему у него изрезаны щеки?

– Милостивая королева, – объяснил Серый Червь, – убийцы затолкали вашему слуге Крепкому Щиту в глотку козлиные детородные органы. Это ваш слуга их убрал.

Собственные его органы они не могли затолкать: в Астапоре ему не оставили ни корня, ни стебля.

– Сыны Гарпии наглеют, – заметила Дени. До сих пор они нападали только на безоружных вольноотпущенников – резали их прямо на улицах или вламывались к ним в дома под покровом ночи. – Это мой первый солдат, убитый ими.

– Первый, но не последний, – предсказал сир Барристан.

Война все еще идет, только теперь против королевы сражаются тени. Она так надеялась передохнуть немного от резни, заняться созиданием, залечить раны своих новых подданных.

Сбросив львиную шкуру, Дени опустилась на колени перед мертвым и закрыла ему глаза – Чхику так и ахнула.

– Мы не забудем тебя, Крепкий Щит. Обмойте его, оденьте в латы и шлем и схороните с копьями и щитом.

– Как прикажет ваше величество, – сказал Серый Червь.

– Пошлите людей в храм и спросите, не обращался ли кто к Лазурной Благодати с раной от меча. Пустите по городу весть, что за меч Крепкого Щита мы готовы заплатить золотом. Узнайте у мясников и пастухов, кто холостил недавно козла. – Если они, конечно, признаются. – И чтобы никто из моих людей не выходил в город один с наступлением темноты.

– Ваши слуги повинуются, моя королева.

Дейенерис откинула волосы с глаз.

– Найдите мне этих трусов. Найдите, чтобы Сыны Гарпии на себе убедились, что дракона будить не следует.

Серый Червь отдал честь. Безупречные снова завернули мертвеца в саван, подняли на плечи и унесли прочь. Сир Барристан Селми остался. Волосы у него побелели, в уголках бледно-голубых глаз лучились морщины, но спина не согнулась, и оружием он с годами не стал владеть хуже.

– Боюсь, ваше величество, что ваши евнухи плохо годятся для поставленной перед ними задачи.

Дени опять закуталась в шкуру.

– Безупречные – цвет моих воинов.

– Не воинов, а солдат – простите великодушно, ваше величество. Они созданы, чтобы стоять на поле битвы плечом к плечу, прикрывшись щитами и выставив копья перед собой.

Их учат повиноваться беспрекословно, без раздумий и колебаний – расследовать и задавать вопросы они не обучены.

– Может быть, рыцари лучше справятся? – Селми обучал сыновей рабов драться длинными мечами и пиками, как принято в Вестеросе, – но что могут пики против трусов, нападающих ночью из-за угла.

– Не в таком деле – да и нет у вашего величества рыцарей, кроме меня. Эти мальчишки дозреют лишь через несколько лет.

– Кто же тогда, если не Безупречные? Дотракийцы и того хуже. – Конница полезней в открытом поле, чем на узких городских улицах. Там, за миэринскими стенами, сложенными из разноцветного кирпича, никто не признаёт новую королеву. Тысячи рабов в огромных имениях до сих пор растят пшеницу, собирают оливки, пасут коз и овец, добывают соль и медь в рудниках. В городских житницах, конечно, запасено много зерна, оливок, масла, сушеных фруктов и солонины, но и эти запасы когда-нибудь истощатся. Покорять окрестности Дени отправила свой крошечный кхаласар под командованием трех кровных всадников, а Бурый Бен Пламм повел своих Младших Сыновей на юг, защищать город от юнкайских набегов.

Самое ответственное дело она поручила Даарио Нахарису. Сладкоречивому Даарио с золотыми зубами и бородой-трезубцем, язвительно усмехающемуся в пурпурные бакенбарды. За восточными холмами, за круглыми песчаниковыми горами, за Хизайским перевалом лежит Лхазарин. Если Даарио уговорит лхазарян вновь открыть сухопутные торговые тракты, зерно можно будет ввозить по реке или через холмы... Но лхазарянам не за что любить Миэрин.

– Пошлем на улицы Ворон-Буревестников, когда вернутся из Лхазарина, – сказала Дени. – А теперь, сир, извините меня – скоро придут просители. Пора мне надевать свои кроличьи уши и изображать королеву. Вызовите Резнака и Лысого – я приму их, когда оденусь.

– Слушаюсь, ваше величество, – с поклоном ответил Селми.

Великая Пирамида вздымалась на восемьсот футов в небо. Личные покои королевы, окруженные зеленью и прудами, помещались на самом верху. Дени вышла на террасу. Раннее солнце уже озарило золотые купола Храма Благодати на западе, ступенчатые пирамиды отбросили длинные тени. В одной из них замышляют новые убийства Сыны Гарпии, и королева бессильна им помешать.

Белый Визерион лежал, свернувшись, под грушевым деревом. Когда она прошла мимо, он почувствовал ее беспокойство и открыл глаза цвета жидкого золота. Рожки у него тоже золотые, и по спине от головы до хвоста бежит золотая полоска.

– Ты чего ленишься? – Дени почесала ему подбородок. Чешуя на ощупь была горячая, как долго пролежавшие на солнце доспехи. Драконы – это огонь, одевшийся в плоть. Дени вычитала это в одной из книг, которые подарил ей на свадьбу сир Джорах. – Летел бы охотиться, как твои братья, – или вы с Дрогоном опять подрались? – Ее драконы одичали за последнее время. Рейгаль огрызается на Ирри, Визерион поджег токар сенешаля Резнака. Она совсем забросила их, но где же найти время и на них тоже?

Визерион хлестнул хвостом по дереву так, что сбил к ногам Дени грушу. Расправил крылья, вспрыгнул на паранет. Растет, подумала Дени, глядя, как он взлетает. Они все растут и скоро смогут выдержать ее вес. Тогда она, как Эйегон Завоеватель, полетит все выше и выше, пока Миэрин не станет с булавочную головку.

Визерион, расширяя круги, скрылся за мутными водами Скахазадхана, и Дени вошла внутрь. Ирри и Чхику ждали, чтобы расчесать ей волосы и одеть ее, как подобает королеве, в гискарский токар.

Эту простыню следовало обернуть вокруг бедер, пропустить под мышкой и перебросить через плечо, тщательно расправив кайму. Обмотаешь слабо – токар свалится; слишком туго – будет морщить и впиваться в тело. Даже если он лежит правильно, его надо все время придер-

живать левой рукой, шажки делать мелкие и держать равновесие – иначе, чего доброго, наступишь на шлейф. Одевание не для работников, а для господ, символ богатства и власти.

Дени хотела запретить токары, когда взяла Миэрин, но ей отсоветовали. «Матерь Драконов возненавидят, если она не будет носить токар, – предупредила Зеленая Благодать, Галацца Галар. – В вестеросской шерсти или в мирийском кружеве ваша блистательность навсегда останется здесь чужой, пришельцей, главой варваров. Миэринская королева должна быть дамой Старого Гиса».

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, выразился короче: «Хочешь править кроликами – надень пару длинных ушей».

Сегодняшние «кроличьи уши» были из белоснежного полотна, окаймленного золотыми кистями. Дени при содействии Ирри обмоталась токаром с третьей попытки. Чхику подала ей корону в виде трехглавого дракона, эмблемы дома Таргариенов. Туловище, свитое кольцами, золотое, крылья серебряные, головы из слоновой кости, оникса и нефрита. Еще до конца дня у Дени под ее тяжестью онемеют шея и плечи. Корона – нелегкая ноша, сказал кто-то из ее августейших предшественников. Эйгон, кажется, но какой? Семью Королевствами правили целых пять Эйгонов. Родился уже и шестой, но псы узурпатора растерзали ее племянника еще в колыбели. Будь он жив, Дени, возможно, вышла бы за него. По возрасту он был ей ближе, чем Визерис. Дени только-только зачали, когда погибли Эйгон и его сестра – их отец, ее брат Рейегар, был еще раньше убит узурпатором на Трезубце. Другой ее брат, Визерис, умер мучительной смертью в Вейес Дотрак, увенчанный короной из расплавленного золота. Ее, Дени, тоже убьют, если она ослабит бдительность хоть на миг. Ножи, пресекавшие жизнь Крепкого Щита, были предназначены для нее.

Она не забыла маленьких рабов, прибитых великими господами к дорожным столбам вдоль юнкайского тракта. Сто шестьдесят три ребенка, по одному на каждую милю, с рукой, простертой в сторону города. После падения Миэрина Дени казнила тем же способом такое же количество великих господ. Вонь и рои мух долго стояли над площадью, но порой Дени думала, что действовала недостаточно жестко. Миэринцы – коварный, упорный народ, который противится всем ее начинаниям. Да, они освободили своих рабов, но тут же вновь наняли их в услужение за столь ничтожную плату, что тем едва на еду хватает. Непригодных же для работы – старых, малых, больных и увечных – попросту выбросили на улицу. Теперь великие господа собираются на вершинах своих пирамид и ропщут, что драконья королева наводнила их город нищими, ворами и шлюхами.

Чтобы править Миэрином, нужно завоевать сердца его жителей, какое бы презрение она к ним ни питала.

– Я готова, – сказала Дени служанкам.

Резнак и Скахаз ждали ее на вершине мраморной лестницы.

– Великая королева, – провозгласил Резнак мо Резнак, – сегодня вы столь блистательны, что я боюсь и смотреть на вас. – Токар на сенешале шелковый, бордового цвета, с золотой окаемкой. Маленький и пухлый, он пахнет так, будто искупался в духах и говорит на одном из валирийских диалектов с характерным гискарским рычанием.

– Благодарю за любезность, – на том же языке ответила Дени.

– Моя королева, – рыкнул бритоголовый Скахаз мо Кандак. Волосы у гискарцев густые и кучерявые; недавняя мужская мода рабовладельческих городов требовала укладывать их в виде рогов, пик и крыльев. Побрив себе голову, Скахаз отрекся от старого Миэрина и принял новый. То же самое вслед за ним сделали все его родичи. Их примеру последовали многие горожане – то ли из страха, то ли желая не отставать от моды или выдвинуться при новых властях. Их называли лысыми – а Скахаз, первый из них, у Сынов Гарпии и всех их сторонников почитался архиизменником. – Мне уже рассказали про евнуха.

– Его звали Крепкий Щит.

– Если не покарать убийц, будут новые жертвы. – Лицо Скахаза даже под выбритым черепом не внушало доверия. Лоб в морщинах, маленькие, с тяжелыми мешками глаза, большой угреватый нос, кожа скорее желтая, чем подходящая гискарцу янтарная. Лицо жестокого, скорого на гнев человека. Дени оставалось лишь молиться, чтобы оно говорило также о честности.

– Как я могу наказывать, не зная, кого наказать? Скажи мне, кто они, Лысый.

– Врагов у вашего величества хоть отбавляй – их пирамиды видны с вашей террасы. Цхаки, Хазкары, Газины, Мерреки, Лораки – все старые рабовладельческие семьи. И Пали. Пали в первую голову. Теперь в их доме остались одни женщины, кровожадные озлобленные старухи. Женщины ничего не забывают и не прощают.

«Верно, – подумала Дени. – Псы узурпатора познают это на себе, когда я вернусь в Вестерос». Между ней и домом Палей в самом деле пролегла кровь. Ознака за Паля сразил Силач Бельвас на поединке. Его отец, командир миэринской городской стражи, погиб, защищая ворота от Хрена Джозо, сокрушительного тарана, трое дядей вошли в число казненных на площади.

– Какую награду мы обещали за сведения о Сынах Гарпии? – спросила Дени.

– Сто золотых онеров, ваша блистательность.

– Назначь лучше тысячу.

– Ваше величество моего совета не спрашивает, – сказал Скахаз Лысый, – но я скажу, что за кровь можно заплатить только кровью. Казните по одному мужчине из перечисленных мной семей, а в случае нового убийства кого-то из ваших казните по двое от каждого дома. Третьего убийства не будет, ручаюсь вам.

– Нет-нет, милостивая королева! – возопил Резнак. – Подобное варварство навлечет на вас гнев богов. Мы найдем убийц, обещаю, и ваша блистательность сама увидит, что это подонки из самых низших слоев.

Резнак был не менее лыс, чем Скахаз, но плешью его наградили боги. «А если что и прорастет, то мой цирюльник с бритвой всегда наготове», – заверил он, когда его назначили сенешалем. Не приберечь ли эту бритву для его горла? Резнака при всей его полезности Дени не любила и очень мало доверяла ему. Бессмертные Кварта предсказали ей, что ее предадут трижды. Мирри Маз Дуур была первой, сир Джорах вторым – не Резнак ли будет третьим? Кто еще, если не он? Лысый, Даарио или те, кого она никогда бы не заподозрила – сир Барристан, Серый Червь, Миссандея?

– Благодарю за совет, Скахаз. Посмотрим, Резнак, чего добьется тысяча онеров вместо ста. – Дени, придерживая токар, мелкими шажками направила вниз. Только бы не наступить на подол и не сыграть с лестницы.

– Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, – звонко объявила девочка, служившая ей писцом, – Неопалимой, королевой Миэрина, Королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Зал был полон. У колонн выстроились Безупречные со щитами и копьями – пики на их шлемах торчали вверх, как ножи. Под восточными окнами собрались миэринцы – вольноотпущенники на почтительном расстоянии от своих бывших господ. Не зная городу покоя, пока это расстояние не сократится.

– Встаньте. – Дени села на свой временный трон. Все поднялись – хотя бы это они делают сообща.

У сенешаля был список. Обычай предписывал начать с астапорского посла, бывшего раба, именовавшего себя лордом Шаэлем, хотя никто не мог сказать, лордом чего он является.

Гнилозубый, с желтой хорьковой мордочкой, он принес ей подарок.

– Клеон Великий шлет эти домашние туфли в знак своей любви к Дейенерис Бурерожденной.

Ирри надела их Дени на ноги. Позолоченная кожа, зеленый речной жемчуг – уж не думает ли король-мясник добиться этим ее руки?

– Поблагодарите короля Клеона за щедрый дар. – Туфельки, сшитые на ребенка, жали ей, хотя нога у нее была маленькая.

– Великому Клеону приятно будет узнать, что они вам понравились. Его великолепие поручил мне сказать, что готов защищать Матерь Драконов от всех ее врагов.

«Если он снова предложит, чтобы я вышла за его короля, запущу ему туфлей в голову», – решила Дени, но посол, против обыкновения, о браке не помянул.

– Пришла пора Астапору и Миэрину, – сказал он вместо этого, – покончить с тиранией мудрых господ Юнкая, заклятых врагов свободы. Великий Клеон просит вас передать, что скоро выступит на них со своими новыми Безупречными.

Новые Безупречные. Непристойная пародия на настоящих.

– Я бы советовала королю Клеону возделывать собственный сад, предоставив Юнкаю возделывать свой. – Дени не то чтобы любила Юнкай. Она уже начинала сожалеть, что оставила Желтый Город нетронутым, побив его армию. Мудрые господа восстановили у себя рабство сразу после ее ухода. Кроме того, они набирали рекрутов, наемников и заключали союзы против нее.

Клеон, сам себя нарекший Великим, ничем, однако, не лучше. Он тоже восстановил в Астапоре рабство: вся разница в том, что бывшие рабы стали теперь господами, а бывшие господа – рабами.

– Я еще молода и мало смыслю в военном деле, – сказала Дени лорду Шаэлю, – но мы слышали, что в Астапоре начался голод. Королю Клеону следовало бы сначала накормить своих подданных, а потом уж вести их в бой. – Она жестом отпустила посла, и он удалился.

– Не изволит ли ваше великолепие выслушать благородного Гиздара зо Лорака? – спросил Рэзнак мо Рэзнак.

Опять? По знаку Дени Гиздар вышел вперед – высокий, стройный, с безупречно янтарной кожей. Он отвесил ей поклон на том самом месте, где еще недавно лежал Крепкий Щит. «Этот человек нужен мне», – напредила себе Дени: у купца много друзей и в Миэрине, и в заморских краях. Он бывал в Лиссе, Волантисе, Кварте, у него родня в Толосе и Элирии. Говорят даже, он пользуется некоторым влиянием в Новом Гисе, где Юнкай пытается найти сторонников против Дени.

Притом он баснословно богат... и будет еще богаче, если она удовлетворит его просьбу. Когда Дени закрыла городские бойцовые ямы, цена на их аренду тут же упала, и Гиздар скупил почти все.

Из черно-рыжих волос на его висках изваяны крылья – голова того и гляди спорхнет с плеч. Длинное лицо еще больше удлинено схваченной золотыми кольцами бородой, пурпурный токар окружен каймой из аметистов и жемчуга.

– Ваша блистательность знает, по какой причине я здесь.

– Видимо, вам просто нравится досажать мне. Сколько раз я вам отказывала?

– Пять, ваше великолепие.

– Это шестой. Бойцовые ямы не будут открыты.

– Если вашему величеству угодно выслушать мои доводы...

– Я их выслушивала пять раз. Вы подобрали новые?

– Доводы все те же, – признался Гиздар, – но в новых словах, более способных тронуть слух королевы...

– Слова не имеют значения. Я так хорошо запомнила ваши доводы, что могу изложить их сама – не желаете ли? – Дени наклонилась вперед. – Бойцовые ямы существовали в Миэрине со дня его основания. Бои религиозны по сути своей – они представляют собой жертвоприношение богам Гиса. Это не просто бойня, это искусство: мужество и сила, выдаваемые бой-

цами, угодны вашим богам. Победоносных бойцов прославляют, павших почитают. Открыв ямы заново, я докажу, что уважаю обычаи миэринцев. Ямы знамениты по всему миру: они привлекают в Миэрин торговых людей и наполняют городскую казну звонкой монетой. Все мужчины любят кровавые зрелища: если вернуть городу любимую забаву, он станет гораздо спокойнее. Преступникам, осужденным умереть на песке, ямы дают последний случай доказать свою невиновность. – Дени снова откинулась назад. – Ну что, недурно я справилась?

– Гораздо лучше, чем это вышло бы у меня. Ваша блистательность не только прекрасна, но и одарена красноречием. Вы меня вполне убедили.

– А вот вы меня – нет, – не удержалась от смеха Дени.

– Ваше великолепие, – зашептал ей на ухо Резнак, – в городе заведено брать с владельцев ям десятую долю выручки за вычетом расходов. Эти деньги можно потратить на многие благородные цели.

– Да... но если уж открывать ямы, десятину нужно брать, не вычитая расходов. Я, конечно, еще молода, но общение с Ксаро Ксоаном Даксосом кое-чему меня научило. Гиздар, если б вы распоряжались армиями столь же легко, как словами, то могли бы завоевать мир, но я все же отвечаю вам «нет». В шестой раз.

– Королева сказала свое слово. – Он низко склонился, звякнув аметистами и жемчугами о мраморный пол. Гибкий человек этот Гиздар зо Лорак. И мог бы считаться красивым без своей дурацкой прически.

Резнак и Зеленая Благодать уговаривали Дени взять в мужья кого-то из миэринских вельмож, чтобы примирить с собой город. К Гиздару зо Лораку, пожалуй, следует присмотреться. Он больше подходит ей, чем Скахаз. Дени покорило обещание Лысого оставить свою жену ради нового брака; Гиздар хотя бы улыбаться умеет.

– К вашему великолипию желает обратиться благородный Граздан зо Галар, – сверившись со списком, доложил Резнак. – Угодно ли вам его выслушать?

– Почту за удовольствие. – Дени полюбила золото и жемчугом на туфлях, подаренных Клеоном, хотя они и жали немилосердно. Ее предупредили, что этот Граздан приходится кузеном Зеленой Благодати, чья поддержка была для нее бесценной. Жрица выступала за примирение и повиновение законным властям; ее кузена, чего бы он там ни хотел, следовало выслушать с уважением.

Хотел он, как оказалось, золота. Дени отказалась возмещать великим господам стоимость их рабов, но миэринцы изыскивали все новые способы выжать из нее деньги. Благородный Граздан владел прежде искусной ткачихой, чьи изделия высоко ценились не только в Миэрине, но в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда она состарилась, Граздан купил дюжину юных девушек и велел ткачихе обучить их секретам своего ремесла. Теперь старой мастерицы уже не было в живых, а ее ученицы открыли в гавани лавку и продавали там свои ткани. Граздан просил отчислять ему долю их выручки.

– Своим мастерством они обязаны мне, – говорил он. – Это я купил их на невольничьем рынке и посадил к станку.

Дени слушала спокойно, с непроницаемым лицом.

– Как звали старуху? – спросила она, когда Граздан закончил.

– Рабыню? – нахмурился он. – Эльза, кажется... или Элла. Уже шесть лет, как она умерла. У меня, ваша блистательность, было много рабов...

– Хорошо, пусть будет Эльза. Наша воля такова: девушки вам ничем не обязаны. Это она обучила их мастерству, а не вы. Вам, с другой стороны, я велю купить девушкам новый станок, самый лучший – за то, что забыли имя старой ткачихи.

Резнак хотел вызвать очередного вельможу в токаре, но Дени сказала, что желает выслушать кого-нибудь из вольноотпущенников и после чередовала бывших рабов и бывших господ. Перед ней снова и снова вставали вопросы о компенсациях. Город после падения был

разграблен. Ступенчатые пирамиды избежали наихудшего, но по более скромным кварталам прошлись ураганом как городские рабы, так и голодные орды, пришедшие с Дени из Юнкая и Астапора. Безупречные в конце концов восстановили порядок, однако потерпевшие ущерб горожане не уставали осаждать королеву.

Богатая женщина, муж и сыновья которой погибли на городских стенах, укрылась в доме своего брата, а после обнаружила, что ее собственный дом превращен в бордель. Она требовала обратно свое жилище и драгоценности, которыми завладели девицы.

– Одежду, так и быть, могут оставить себе.

Дени вернула драгоценности, но не дом – хозяйку никто не принуждал его покидать.

Вольноотпущенник обвинял вельможу из дома Цхаков, на бывшей наложнице которого недавно женился. Господин лишил свою рабыню невинности, пользовался ею в свое удовольствие и обрюхатил ее. Муж требовал оскотить господина за изнасилование, а себе просил кошель золота – он ведь растит господского ублюдка, как своего. Дени присудила ему золото, но наказывать вельможу не сочла нужным.

– Твоя жена в то время была его собственностью, и он мог распоряжаться ею как хотел. Закон не позволяет обвинить его в изнасиловании.

Бывший раб остался недоволен ее решением, но если кастрировать всех, кто спал со своими рабынями, город будут населять одни евнухи.

Вперед вышел юноша моложе Дени со шрамом на лице, одетый в потрепанный серый токар с серебряным окаймлением. Срывающимся голосом он рассказал, как два их раба в ночь взятия города убили его отца и старшего брата. Мать они изнасиловали и тоже убили. Сам юноша бежал, отделавшись легкой раной, но один убийца так и живет в доме его отца, а другой пошел в солдаты, став одним из Детей Неопалимой. Мальчик требовал, чтобы их обоих повесили.

Дени с тяжелым сердцем отказала ему. Она уже объявила помилование за все преступления, совершенные при взятии Миэрина, и не могла наказывать рабов, восставших против своих хозяев.

Город, которым она правит, стоит на костях убиенных.

Юноша, услышав решение, бросился на нее, но запутался в токаре и растянулся на мраморе. Силач Бельвас, громадный евнух, тут же поднял его и встряхнул, как пес крысу.

– Довольно, Бельвас. Пусти его. – Мальчишке Дени сказала: – Благодарю свой токар – он спас тебе жизнь. Ты еще мальчик, поэтому мы забудем о том, что здесь было. Забудь и ты. – Мальчишка, уходя, оглянулся, и по его глазам она поняла, что у гарпии появился еще один сын.

К полудню она стала чувствовать, как тяжела ее корона и как тверда скамья, на которой она сидит. Она отрядила Чхику на кухню за лепешками, оливками, сыром и фигами и поела, слушая жалобщиков. Трапезу она запивала разбавленным вином. Фиги были хороши, оливки и того лучше, но вино оставляло во рту противный металлический вкус. Из местного желтого винограда напиток получался неважный – виноторговлю здесь не наладишь. Кроме того, лучшие виноградники вместе с оливковыми рощами великие господа сожгли.

В середине дня некий ваятель предложил заменить голову гарпии на Площади Очищения ее, Дени, бронзовой головой. Она отказала ему со всей возможной учтивостью. Рыбак, выловивший в Скахазадхане щуку невиданной величины, желал преподнести ее королеве. Дени восхитилась уловом, вознаградила рыбака пригоршней серебра и послала рыбу на кухню. Кузнец сковал ей кольчугу из меди. Королева снова выразила восторг; медь красиво блестела на солнце, но в бою Дени, при всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах, предпочитала сталь.

Туфли короля-мясника совсем ее доконали. Она скинула их и поджала одну ногу под себя, болтая другой. Поза не слишком царственная, но Дени уже надоело быть царственной. От короны голова разболелась, ягоды онемели вконец.

- Сир Барристан, я поняла, какое свойство необходимо всем королям.
- Мужество, ваше величество?
- Железная задница. Я только и делаю, что сижу.
- Ваше величество слишком много на себя взваливает. Часть дел следовало бы передать вашим советникам.
- Слишком много у меня советников, слишком мало подушек. Сколько там еще, Резнак?
- Двадцать три человека, ваше великолепие, и столько же жалоб. Один теленок, три козы, – стал перечислять он, глядя в свои бумаги, – остальные, можно не сомневаться, ягнята и овцы.
- Двадцать три! Мои драконы очень полюбили баранину с тех пор, как мы начали платить пастухам. Как эти люди могут доказать правдивость своих притязаний?
- У некоторых при себе горелые кости.
- Может, они сами жарили баранину на костре – горелые кости ничего не доказывают. Бурый Бен говорит, что в холмах за городом водятся красные волки, шакалы и дикие собаки. Неужели мы должны платить серебром за каждого ягненка, пропавшего между Юнкаем и Скахазадханом?
- Отнюдь, ваше великолепие. Прогнать негодяев прочь или велеть их высечь?
- Дени поерзала на скамье.
- Я хочу, чтобы люди приходили ко мне без страха. – Некоторые жалобы, конечно же, ложные, но правдивых гораздо больше. Ее драконы не довольствуются больше крысами, кошками и собаками. Чем больше они едят, тем быстрее растут, предупреждал ее сир Барристан, а чем быстрее растут, тем больше едят. Особенно Дрогон: он летает охотиться дальше всех и вполне способен сожрать за день барашка. – Заплати им, Резнак – но отныне все пастухи и владельцы стад должны являться в Храм Благодати и приносить священную клятву перед богами Гиса.
- Будет исполнено. Ее великолепие королева согласна уплатить вам за утраченный скот, – по-гискарски сообщил Резнак. – Приходите к моим факторам завтра и получите требуемое деньгами или натурой.
- Просители выслушали его в угрюмом молчании. Почему эти люди так недовольны? За этим ведь они и пришли. Ничем им, как видно, не угодишь.
- Все вышли, только один задержался – коренастый, обветренный, в убогой одежде. Черно-рыжие курчавые волосы подстрижены в кружок над ушами, в руке тряпичный мешок. Он смотрел в пол, точно забыл, что его сюда привело. Этому что еще нужно?
- На колени перед Дейенерис Бурерожденной, – завела Миссандея, – королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!
- Дени встала, подхватив сползший с нее токар.
- Эй ты, с мешком! Подойди, если хочешь говорить с нами.
- Глаза у него оказались красными и мокрыми, словно открытые язвы. Сир Барристан вырос рядом с Дени, как белая тень. Человек приближался маленькими шажками, сжимая мешок. Что он, пьян или болен? Под его растрескавшимися желтыми ногтями виднелась грязь.
- С чем ты пришел – с просьбой, с жалобой? Чего ты хочешь от нас?
- Человек облизнул запекшиеся губы.
- Я тут принес...
- Что принес? – нетерпеливо спросила Дени. – Горелые кости?
- Человек вытряхнул содержимое мешка на пол.
- Так и есть: кости. Черные, обгорелые. Длинные кто-то разгрыз, чтобы высосать мозг.
- Это был черный, – порывая по-гискарски, сказал человек. – Крылатая тень. Он спустился из поднебесья и...

«Нет, – содрогнулась Дени. – Нет. Нет».

– Ты что, оглох, дурень? – напустился на пастуха Резнак. – Не слышал, что я сказал? Придешь к моим факторам завтра и получишь мзду за свою овцу.

– Резнак, – спокойно вмешался сир Барристан, – придержи язык и открой уши. Это не овечьи кости.

«Верно, не овечьи, – согласилась с ним Дени. – Это кости ребенка».

Джон

Белый волк мчался по черному лесу, вдоль утеса вышиной до самого неба. Луна, продираясь сквозь голые ветки, бежала среди звезд вместе с ним.

– Сноу, – прошептала она.

Волк не ответил. Снег хрустел у него под лапами, ветер вздыхал в деревьях.

Откуда-то издалека его звала стая, брат и сестра. Они тоже охотились. Черного брата поливал дождь, смывая кровь на боку – он завалил громадного козла, и тот пырнул его рогом. Сестра, запрокинув голову, пела песню луне. Ей подпевали мелкие серые родичи – много, не меньше сотни. Там, в далеких холмах теплее и больше дичи. Сестрина стая охотится на коров, овец, лошадей – человеческую добычу, – а порой и на самого человека.

– Сноу, – каркнула луна.

Белый волк бежал по человечесьей тропе. Вкус крови на языке, в ушах многоголосая волчья песнь. Когда-то их, братьев и сестер, было шестеро; пять слепых щенят скулили в снегу около мертвой матери, выдаивая молоко из затвердевших сосков, только он отполз в сторону. Теперь их четверо живых, и одного белый больше не чувствует.

– Сноу, – не унималась луна.

Белый волк бежал от нее, стремясь к пещере ночи, где прячется солнце. Его дыхание стыло в воздухе. В ненастные ночи утес черен как камень и грозно нависает над миром, в лунные мерцает льдом, как замерзший ручей. От ветра, дующего с него, не спасает даже косматая шкура, а по ту сторону, где живет серый, пахнувший летом брат, еще холоднее.

– Сноу. – Белый волк осканился на упавшую с ветки сосульку и ошетинился, видя, как тает вокруг него лес. – Сноу, Сноу, Сноу! – Из мрака, хлопая крыльями, вылетел ворон.

Он сел на грудь Джона Сноу, вцепился в нее когтями и заорал прямо в лицо:

– СНОУ!

– Слышу. – В комнате сумрачно, койка жесткая. Серый свет просачивается сквозь ставни, предвещая еще один тусклый холодный день. – Ты и Мормонта так будил? Убери от меня свои перья. – Выпростав из-под одеяла руку, Джон шуганул ворона. Тот был стар, повидал всякое и совершенно ничего не боялся.

– Сноу, – крикнул он, перелетев на столбик кровати. – Сноу, Сноу.

Джон запустил в него подушкой, но ворон взлетел, а подушка ударилась о стену и порвалась. В этот самый миг Скорбный Эдд Толлетт сунул голову в дверь.

– Прошу прощения, милорд. Подать завтрак?

– Зерно, – одобрил ворон. – Зерно, зерно.

– Жареного ворона и полпинты эля, – поправил Джон. Он так и не привык, что ему прислуживает стюард; давно ли он сам подавал завтрак лорду-командующему Мормонту?

– Три зернышка и один жареный ворон, – повторил Эдд. – У Хобба, милорд, только вареные яйца, черная колбаса да компот из яблок и чернослива. Яблоки вкусные, а чернослив я не ем. Хобб как-то напихал его в курицу вместе с каштанами и морковкой. Поварам доверять нельзя: они суют чернослив туда, где ты совсем не ждешь его встретить.

– Потом. – Завтрак в отличие от Станниса мог подождать. – Ночью у частокола не было происшествий?

– С тех пор, как вы распорядились сторожить сторожей, там все в порядке, милорд.

– Хорошо. – В загоне за Стеной содержалась тысяча пленных – их взяли, когда Станнис Баратеон со своими рыцарями разбил пестрое войско Манса-Разбойника. Там было много женщин, и стражники повадились водить то одну, то другую к себе в постель. Люди короля, люди королевы, черные братья – все хороши. Мужчины остаются мужчинами, а эти одичалые – единственные женщины на многие лиги.

– Нам сдалась еще одна женщина с маленькой дочкой, – доложил Эдд. – При ней еще младенец, в меха завернутый, только он мертвый.

– Мертвый, – со смаком произнес ворон свое любимое слово. – Мертвый.

В замок что ни ночь являлись полузамерзшие вольные люди – уйдя от боя, они скоро убедились, что бежать некуда.

– Мать допросили? – спросил Джон. Короля за Стеной Станнис взял в плен, но где-то еще разгуливали Плакальщик и Тормунд Великанья Смерть с тысячами бойцов.

– Да что с нее взять, милорд. Убежала, потом в лесу пряталась. Накормили обеих овсянкой и послали в загон, а младенца сожгли.

Сожжение мертвых детей Джона больше не беспокоило. Живые – другое дело. Чтобы пробудить дракона, нужны два короля. Сначала отец, потом сын – таким образом оба умрут королями. Об этом проговорился один из людей королевы, когда мейстер Эйемон промывал его раны. Джон это списал на бред, но мейстер не согласился. «Королевская кровь имеет большую силу, – сказал он, – и люди получше Станниса делали вещи похуже». Ладно еще Манс, он свое заслужил, но грудное дитя? Только чудовище способно бросить живого ребенка в огонь.

Джон помочился в горшок под жалобы ворона. Волчьи сны все больше донимали его, и он помнил их, даже проснувшись. Призрак чувствует, что Серый Ветер погиб. Вместе с ним пал и Робб, преданный людьми, которых считал своими друзьями. Бран и Рикон обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, бывшего воспитанника их лорда-отца... но их лютоволки, если верить снам, сумели уйти. Один из них, выскочив из тьмы у Короны Королевы, спас Джону жизнь. Серый – Лето, должно быть. Лохматый Песик темнее. Может быть, какая-то часть умерших братьев Джона живет в их волках?

Он налил воды в таз, умылся, надел чистые штаны и рубаху из черной шерсти. Зашнуровал черный кожаный колет, натянул старые сапоги. Ворон, следивший за ним пронзительными черными глазами, перелетел на окно.

– Я что, к тебе нанялся? – Джон отворил окно с желтыми стеклянными ромбами, и утренний холод ужалил ему лицо. Ворон улетел, человек глубокодохнул, разгоняя нити ночной паутины. Эта птица слишком умна. Ворон, долгие годы сопровождавший лорда-командующего, тем не менее склевал Мормонту лицо, как только тот умер.

В комнате под спальней стояли обшарпанный сосновый стол и дюжина дубовых, обтянутых кожей стульев. Поскольку в Королевской башне водворился Станнис, а башня лорда-командующего сгорела дотла, Джон поселился в скромных покоях Донала Нойе за оружейной. Со временем ему, конечно, понадобится более просторное помещение, но пока он привыкает к своему новому сану, и это сойдет.

Дарственная, которую дал ему на подпись король, лежала на столе рядом с серебряной чашей Донала Нойе. От однорукого кузнеца осталось совсем немного: эта вот чаша, шесть грошей, медная звезда, серебряная черненная брошь со сломанной застежкой, лежалый парчовый дублет с оленем Штормового Предела. Сокровищами мастера были его инструменты, а также мечи и ножи, которые он ковал. Вся его жизнь проходила в кузне. Джон, отодвинув чашу, перечитал пергамент еще раз. Приложив к нему печать, он навсегда останется в истории как лорд-командующий, добровольно отдавший Стену, в случае же отказа...

Станнис Баратеон показал себя несговорчивым и весьма беспокойным гостем. Он успел проехать по Королевскому тракту почти до самой Короны, посетил опустевшие хижины Кротового городка, обозрел разрушенные форты Дубовый Щит и Врата Королевы. Каждую ночь он прохаживается по Стене с леди Мелисандрой, днем отбирает пленных, которых потом допрашивает красная женщина. Мешкать он не намерен; это утро Джону ничего хорошего не сулит.

В оружейной клацали последние мечи и щиты. Рекруты последнего набора вооружались, Железный Эммет приказывал им поторапливаться. Коттер Пайк был недоволен, лишившись

Эммета, но ничего не поделаешь: у молодого разведчика прямо-таки дар обучать других. Он передаст ученикам свою любовь к ратным трудам – так Джон по крайней мере надеялся.

Его плащ висел на одном колышке, пояс с мечом на другом. Надев то и другое, Джон вышел. Призрака на подстилке не было. У дверей внутри стояли двое часовых в полушлемах и плащах, с копьями.

– Прикажете сопровождать, милорд? – спросил Гарс.

– Авось как-нибудь сам найду Королевскую башню. – Джон терпеть не мог, когда дозорные таскались за ним, как утята за уткой.

Ребята Железного Эммета уже всю рублились во дворе тупыми мечами. Джон остановился поглядеть на Коня, прижавшего к колодцу Хоп-Робина. Хорошим бойцом может стать. Хоп-Робин – иное дело: он колченогий и каждый раз ежится со страху, получая удар. Из него разве что стюард выйдет. Конь повалил его, и на этом бой закончился.

– Молодец, – сказал Джон, – только щит держи повыше, когда нападаешь. Иначе тебя мигом убьют.

– Понял, милорд, – сказал Конь. Хоп-Робин, которого он поднял на ноги, неуклюже поклонился лорду-командующему.

На дальней стороне двора упражнялись рыцари Станниса: люди короля в одном углу, люди королевы в другом. Из-за холода их было немного.

– Мальчик! – услышал Джон, проходя мимо них. – Эй! Мальчик!

Джона после избрания лордом-командующим еще и не так называли. Не обращая внимания, он шел дальше.

– Сноу, – не унимался голос. – Лорд-командующий!

– Сир? – отозвался на сей раз Джон.

Рыцарь был выше его дюймов на шесть.

– Валирийскую сталь носят не для того, чтобы чесать себе задницу.

Послушать этого молодца, так он прославленный рыцарь. В битве сир Годри Фарринг убил великана, который убегал от него: подскакал сзади, вонзил копье в спину, спешил и срубил маленькую великанью головку. За это люди королевы прозвали его Годри Победителем Великанов.

Джон вспомнил Игритт, поющую «Я последний из великанов».

– Я пользуюсь Длинным Когтем, когда есть нужда, сир.

– Насколько хорошо? – Сир Годри обнажил собственный меч. – Покажи нам. Я не сделаю тебе больно.

Надо же, какой добрый.

– В другой раз, сир. Неотложное дело.

– Да ты трусишь, я вижу. – Сир Годри обернулся к своим друзьям и пояснил для недогадливых: – Трусит.

– Прошу извинить. – Джон повернулся к ним спиной и зашагал дальше.

Черный Замок в бледном утреннем свете являл собой унылое зрелище. «Я командую не столько крепостью, сколько руинами», – с горечью сказал себе Джон. Башня командующего вся выгорела, от трапезной осталась куча обугленных бревен, башня Хардина выглядит так, точно рухнет при первом порыве ветра... хотя она уже много лет так выглядит. Над всем этим стоит Стена, грозная и неприступная. На ней кишат строители, приделывающие новую лестницу к остаткам старой, – они трудятся от зари до зари. Без лестницы на Стену можно подняться только в клетки с помощью ворота – а ну как одичалые вздумают напасть снова?

На Королевской башне реял, хлопая на ветру, золотой боевой штандарт дома Баратеонов. Еще недавно там стояли Джон с Атласом и Глухим Диком Фоллардом, осыпая стрелами теннов и вольный народ. На крыльце тряслись двое людей королевы, сунув руки под мышки и прислонив копья к двери.

– Тряпичные рукавицы никуда не годятся, – сказал им Джон. – Скажите Боуэну Муршу, чтобы выдал вам по паре кожаных на меху.

– Так и сделаем, – сказал тот, что постарше. – Спасибо, милорд.

– Если руки до тех пор не отвалятся, – добавил молодой. – Раньше я думал, что нет холоднее места, чем Дорнийские Марки, – много я знал!

«Ничего ты не знал, – подумал Джон. – Как и я».

На середине лестницы ему встретился идущий вниз Сэмвел Тарли.

– Ты от короля?

– Да. Мейстер Эйемон передал ему письмо.

– Ясно. – Некоторые лорды доверяют мейстерам читать свои письма, но Станнис вскрывает печати сам. – Хорошие новости?

– Не очень, судя по его виду, – понизил голос Сэм. – Хотя говорить об этом не полагалось бы.

– Ладно, не говори. – Хотел бы Джон знать, кто из отцовских знаменосцев отказал Станнису на сей раз. Когда к нему перешел Кархолд, король не преминул об этом оповестить. – Как поживает твой длинный лук?

– Я нашел хорошее пособие по стрельбе, но делать куда трудней, чем читать. Все руки в мозолях.

– Ничего, держись. Ты нам понадобишься, если Иные нагрянут ночью.

– Очень надеюсь, что этого не случится.

У королевской горницы тоже стояли часовые.

– К его величеству, милорд, нельзя входить при оружии, – сказал старший. – Прошу отдать нам меч и ножи.

Зная, что спорить бесполезно, Джон подчинился.

В горнице было тепло. На белой шее сидящей у огня леди Мелисандры мерцал рубин. Игритт огонь только поцеловал, а жрица – сама огонь, и волосы у нее цвета крови и пламени. Станнис стоял у грубо вытесанного стола, за которым когда-то ел Старый Медведь. Весь стол занимал кусок кожи с большой картой Севера: один край прижимала сальная свечка, другой – стальная перчатка.

В шерстяных бриджах и стеганом дублете король, видимо, чувствовал себя столь же неловко, как в кольчуге и латах. Лицо бледное, борода подстрижена так коротко, что кажется нарисованной, от черных волос осталась только кайма вокруг лысины, в руке пергамент со взломанной печатью из темно-зеленого воска.

Джон преклонил колено.

– Встань. – Король сердито тряхнул пергаментом. – Кто такая Лианна Мормонт?

– Дочь леди Мэг, ваше величество. Самая младшая. Ее называли в честь сестры моего лорда-отца.

– Чтобы добиться расположения твоего лорда-отца, несомненно. Знаю я эти штуки. Сколько девочке лет?

– Десять или около того, – подумав, ответил Джон. – Могу я узнать, чем она прогневила ваше величество?

– «Медвежий Остров не признает иного короля, – прочел вслух Станнис, – кроме Короля Севера, имя которому – СТАРК». Десятилетняя девочка смеет выговаривать своему законному королю! – Его борода лежала на впалых щеках, как тень. – Никому об этом не говорите, лорд Сноу. Людям довольно знать, что ко мне примкнул Кархолд. Не желаю, чтобы твои братья сплетничали об оплевавшем меня ребенке.

– Как прикажет ваше величество. – Джон знал, что Мэг Мормонт и ее старшая дочь ушли на юг с Роббом – но если даже обе они погибли, у Мэг есть еще дочери, некоторые уже с собственными детьми. Может, они тоже отправились с Роббом? Уж одну-то из взрослых

лых леди должна была оставить в замке как кастеляна. Непонятно, почему Станнису отвечает Лианна, младшая дочь. Будь письмо к Мормонтам запечатано лютоволком вместо коронованного оленя и подписано Джоном Старком, лордом Винтерфелла, ответ, возможно, был бы другим... Поздно сетовать: Джон сделал свой выбор.

– Сорок воронов разослано, – жаловался король, – а в ответ только молчание либо дерзости. Где почтение, которым каждый верноподданный обязан своему королю? Все знаменосцы твоего отца повернулись ко мне спиной, кроме Карстарков. Или Арнольф Карстарк – единственный человек чести на Севере?

Арнольф Карстарк приходится дядей покойному лорду Рикарду. Он остался кастеляном в Кархолде, когда Рикард и его сыновья ушли на юг с Роббом, и первым прислал ворона, присягнув на верность королю Станнису. «У Карстарков просто выбора нет, – мог бы сказать Джон. – Рикард предал лютоволка и пролил львиную кровь; олень – единственная надежда Кархолда».

– В столь смутные времена даже человек чести не сразу поймет, в чем его долг. Ваше величество – не единственный король, требующий, чтобы все повиновались только ему.

– Где были другие короли, лорд Сноу, – вступила в разговор Мелисандра, – когда одичалые напали на вашу Стену?

– За тысячу лиг отсюда, глухие к нашему зову, – признал Джон. – Я этого не забыл, миледи, и никогда не забуду. Но у отцовских знаменосцев есть жены, дети и простой люд, которым в случае неверного выбора грозит гибель. Его величество требует от них слишком многого. Дайте им срок.

– Для чего? Чтобы получить такой вот ответ? – Станнис скомкал письмо Лианны.

– Даже на Севере люди страшатся гнева Тайвина Ланнистера, и Болтонов тоже лучше не делать врагами: недаром эмблемой им служит человек с содранной кожей. Север стоял за Робба, проливал за него кровь, умирал за него, он сыт по горло горем и смертью, а теперь ваше величество предлагает северянам сменить короля. Стоит ли упрекать их за промедление? Некоторые из них, уж простите, видят в вас всего лишь еще одного претендента, обреченного на провал.

– Если его величество обречен, ваш Север обречен тоже, – сказала леди Мелисандра. – Помните об этом, лорд Сноу. Перед вами стоит единственный истинный король Вестероса.

– Да, миледи, – ответил с непроницаемым лицом Джон.

– Ты роняешь слова, точно золотые, – фыркнул Станнис. – Сознайся, сколько у вас припасено золота?

Золота? Уж не золотых ли драконов хочет пробудить красная женщина?

– Подати нам платят натурой, ваше величество. Дозор богат разве что репой – не золотом.

– Репой Салладора Саана не прельстишь. Мне требуется золото, на худой конец серебро.

– Тогда вам нужна Белая Гавань. С Королевской или со Староместом ей, само собой, не сравниться, однако она процветает. Лорд Мандерли – самый богатый из знаменосцев моего лорда-отца.

– Лорд, слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. – В письме от Вилиса Мандерли говорилось о его немощах и преклонных годах, более ни о чем. Станнис велел, чтобы Джон и о нем молчал.

– Быть может, его милость захочет жену-одичалую, – предположила леди Мелисандра. – Этот толстяк женат, лорд Сноу?

– Его леди-жена давно умерла. У лорда два взрослых сына и внуки от старшего. Он правда слишком толст, чтобы ездить верхом, не меньше тридцати стоунов. Вель за него не пойдет.

– Хоть бы раз сказал что-то приятное, лорд Сноу, – проворчал Станнис.

– Я думал, что вашему величеству приятнее всего правда. Для ваших людей Вель принцесса, а для вольного народа – всего лишь сестра покойной жены короля. Если принудить ее к

замужеству против воли, она скорее всего перережет мужу горло в первую ночь. И даже если она согласится, это еще не значит, что одичалые пойдут за ее мужем или за вами. Единственный, кто может их к вам привести, – Манс-Разбойник.

– Знаю, – вздохнул Станнис. – Я провел много часов в разговорах с ним. Он хорошо знает нашего истинного врага, и в хитрости ему не откажешь. Вся беда в том, что он останется клятв-
вопоступником, даже отрекшись от своего титула. Дай поблажку одному дезертиру – начнут бегать все остальные. Законы куются из железа, а не лепятся из хлебного мякиша, и ни один закон Семи Королевств не позволяет сохранить жизнь Мансу-Разбойнику.

– У Стены законы кончаются, ваше величество. Манс очень бы вам пригодился.

– Пригодится еще. Когда я сожгу его, Север увидит, как я поступаю с предателями. У одичалых найдутся другие вожди – и сын Манса тоже мой, не забудь. После смерти отца Королем за Стеной станет его щенок.

– Ваше величество заблуждается. – «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», – любила говорить Игритт, но кое-чему он все-таки научился. – Этот ребенок – такой же принц, как Вель-
принцесса. Титул Короля за Стеной не переходит от отца к сыну.

– И хорошо – я не потерплю в Вестеросе других королей. Ты подписал дарственную?

– Нет, ваше величество. – Вот оно, начинается. Джон согнул и разогнул обожженные пальцы. – Вы просите слишком много.

– Прошу? Я просил тебя стать лордом Винтерфелла и Хранителем Севера, а эти замки я *требую*.

– Твердыню Ночи мы отдали вам.

– Развалины, населенные крысами. Отделались, что называется. Ваш же Ярвик заявляет, что замок только через полгода будет готов для жилья.

– Другие ничем не лучше.

– Знаю, но это все, что у нас есть. У Стены девятнадцать фортов, а гарнизоны есть только в трех. Я намерен до конца года заселить все.

– Против этого я не возражаю, ваше величество, но говорят, будто вы намерены также жаловать эти замки своим лордам и рыцарям в их полную собственность.

– Король должен быть щедр со своими сторонниками. Разве лорд Эддард ничему не учил своего бастарда? Многие мои лорды и рыцари оставили на юге богатые земли и крепкие замки – их нужно как-то вознаградить.

– Если ваше величество хочет потерять всех знаменосцев моего лорда-отца, нет лучшего способа, чем раздавать северные поместья южанам.

– Как можно потерять то, чего не имеешь? Винтерфелл, если помнишь, я хотел отдать северянину. Сыну Эддарда Старка. Он бросил это предложение мне в лицо. – Если Станнис Баратеон затаит на кого обиду, то будет поминать о ней вечно. Как собака: не успокоится, пока не сгрызет кость до конца.

– Винтерфелл по праву переходит к моей сестре Сансе.

– Леди Ланнистер, ты хочешь сказать? Тебе так хочется увидеть Беса на высоком сиденье отца? Не бывать этому, покуда я жив!

Джон благоразумно не стал настаивать.

– Я слышал еще, будто вы хотите дать земли и замки Гремучей Рубашке и магнару теннов.

– Кто тебе это сказал?

Такие разговоры ходили по всему Черному Замку.

– Если ваше величество спрашивает, то Лилли.

– Что за Лилли такая?

– Кормилица, – пояснила Мелисандра. – Ваше величество даровали ей свободу в пределах замка.

– Не для того, чтобы она разносила слухи. Мне от нее нужны сиськи, а не язык. Больше молока, меньше сплетен.

– Лишние рты замку тоже ни к чему, – согласился Джон. – Я отправлю ее на юг с первым же кораблем из Восточного Дозора.

Леди Мелисандра потрогала рубин у себя на горле.

– Лилли кормит сына Даллы не хуже, чем собственного. Жестоко разлучать маленького принца с его молочным братом, милорд.

Теперь надо ступать осторожно.

– Не думаю. Сын Лилли больше и крепче. Он пинает принца, щипает, отпихивает его от груди. Его отцом был жестокий и алчный Крастер, вот кровь и сказывается.

– Я думал, кормилица – дочь этого Крастера? – удивился король.

– И дочь, и жена. Крастер женился на всех своих дочерях, от такого брака и родился сын Лилли.

– От родного отца? Да, таких нам не надо. Выродков я здесь не потерплю – это не Королевская Гавань.

– Мы найдем другую кормилицу. Если не среди одичалых, так в горных кланах. А пока будем искать, мальчик поживет на козьем молоке, ваше величество.

– Плохая еда для принца... но все лучше, чем молоко шлюхи. Вернемся, однако, к фортам, – постучал по карте король.

– Ваше величество, – начал Джон с ледяной любезностью, – я разместил ваших людей у себя, кормлю их из наших скудных зимних запасов, одеваю, чтобы они не замерзли...

– Да. Ты поделился с нами овсом, солониной и черных тряпок нам набросал. Эти тряпки сняли бы одичалые с ваших трупов, не приди я к Стене.

Джон пропустил это мимо ушей.

– Ваших лошадей я тоже кормлю. Строители, как только поставят лестницу, начнут восстанавливать вашу Твердыню Ночи. Я даже согласился поселить одичалых в Даре, отданном в вечную собственность Ночному Дозору.

– Ты отдаешь мне пустоши и развалины, а в замках для лордов и рыцарей упорно отказываешь.

– Эти замки строил Ночной Дозор...

– Он же их и забросил.

– ...чтобы защищать Стену, – не уступал Джон. – Они не замыслились как усадьбы для южных лордов. Стены этих фортов скреплены костями и кровью моих давно умерших братьев. Вам я не могу их отдать.

– Не можешь или не хочешь? – Жилы на шее короля напряглись. – Я предлагал тебе имя.

– У меня есть имя, ваше величество.

– Сноу¹. Можно ли вообразить более зловещее слово? – Станнис положил руку на рукоять меча. – Кем ты, собственно, себя возомнил?

– Дозорным на стене и мечом во тьме.

– Не играй со мной словами. – Станнис обнажил меч, который звал Светозарным. – Вот он, твой меч во тьме. – Клинок переливался красными, оранжевыми, желтыми бликами, раскрашивая лицо короля. – Даже молокоосу это должно быть ясно, если он не слепой.

– Я не слепой, ваше величество, и согласен с тем, что эти замки следует заселить...

– Мальчик согласен! Какая удача!

– ...гарнизонами Ночного Дозора.

– У тебя нет на это людей.

¹ Сноу (снег) – родовое имя, которое давали всем бастардам на Севере. – *Примеч. пер.*

– Так дайте мне их, ваше величество. Я поставлю в каждом форте своих офицеров, опытных командиров, хорошо знающих Стену и то, что за ней. Знающих, как выжить грядущей зимой. Взамен за все, что мы для вас сделали, дайте мне людей, чтобы заселить форты! Бойцов, арбалетчиков, зеленых мальчишек, кого угодно. Согласен даже на раненых и больных.

Станнис, недоверчиво глядя на Джона, рассмеялся, будто залаял.

– В смелости тебе не откажешь, Сноу, но ты безумен, если думаешь, что мои люди надеются на черное.

– Пусть себе носят любые цвета, но моих офицеров они должны слушаться, как своих.

– У меня на службе состоят лорды и рыцари, отпрыски древних благородных домов. Не станут они подчиняться крестьянам, убийцам, браконьерам...

«И бастардам, ваше величество?»

– У вас самого десница контрабандист.

– Был контрабандистом. Я ему за это пальцы урезал. Ты, я слышал, стал девятьсот девяносто восьмым по счету командующим – что, по-твоему, скажет насчет этих замков девятьсот девяносто девятый? Думаю, твоя голова на пике поможет ему стать сговорчивым. – Король положил меч на карту, расположив его вдоль Стены. Сталь мерцала, как солнечный свет на воде. – Ты остаешься лордом-командующим, лишь пока я тебя терплю, не забывай этого.

– Я стал им, потому что меня выбрали мои братья. – Порой, просыпаясь утром, Джон сам в это не верил и думал, что ему привиделся горячечный сон. «Это как новая одежда, – сказал ему Сэм. – Поначалу и жмет и тянет, а поносишь немного – глядишь, и привык».

– Аллисер Торне говорит, что выборы были неправильные, и я склонен в это поверить. – Карта, озаренная светящимся мечом, лежала между ними, как поле битвы. – Счет вел слепой старец, которому помогал твой жирный дружок. А Слинг именует тебя перевертышем.

«Кому и знать, как не Слинту», – подумал Сноу.

– Будь я перевертышем, то всячески угождал бы вам, а после бы предал. Вашему величеству известно, что выборы были честные. Мой отец всегда говорил, что вы человек справедливый. – «Суровый, но справедливый», – так на самом деле говорил Эддард Старк. Джон счел за лучшее подправить его слова.

– Лорд Эддард не был мне другом, но голова у него работала. Он бы отдал мне эти замки.

«Ага. Так бы и отдал».

– Стоит ли говорить о том, как поступил бы мой отец, ваше величество? Я принес присягу – Стена моя.

– Посмотрим, надолго ли. Оставь себе свои развалины, коли они тебе так дороги, но если хоть один замок останется незаселенным до конца года, я заберу его, с твоего соизволения или без. А если хоть один перейдет к врагу, головы тебе не сносить. Ступай вон.

– С позволения вашего величества, я провожу лорда Сноу, – сказала Мелисандра, поднявшись.

– К чему это? Он знает дорогу. А впрочем, как хочешь, – махнул рукой Станнис. – Деван, принеси мне поесть. Вареные яйца и лимонную воду.

На винтовой лестнице после теплой горницы пробирал холод.

– Ветер поднимается, миледи, – сказал сержант Мелисандре, возвращая Джону его оружие. – Вы бы надели плащ потеплее.

– Меня греет вера. – Они начали спускаться, и Мелисандра сказала: – Я вижу, его величество полюбил вас.

– Да уж. Всего-то дважды пригрозил лишить меня головы.

– Бойтесь его молчания, не его слов, – засмеялась красная женщина. Во дворе ветер бросил на нее черный плащ Джона, и она взяла спутника под руку. – Возможно, вы правы относительно короля одичалых. Я помолюсь Владыке Света, чтобы он указал мне путь. Глядя в огонь, я вижу сквозь камень, сквозь землю, проникаю в глубину человеческих душ. Говорю

с давно умершими королями и детьми, еще не родившимися на свет. Смотрю, как проходят годы, лета и зимы вплоть до конца времен.

– Ваш огонь никогда не ошибается?

– Никогда. Но мы, жрецы, всего лишь смертные и порой путаем неизбежное будущее с возможным.

Джон чувствовал ее жар даже сквозь шерсть и вареную кожу. На них, идущих рука об руку, поглядывали с любопытством – будет о чем языки почесать в казарме.

– Если вы и впрямь видите в пламени будущее, скажите, когда одичалые снова нагрянут. – Джон снял ее руку со своей.

– Видения мне посылает Рглор, но я поищу в огне вашего Тормунда. – Красные губы искривились в улыбке. – Я и вас видела там, Джон Сноу.

– Это что, угроза? Вы и меня сжечь хотите?

– Вы превратно истолковали мои слова. Я вижу, вам неловко рядом со мной, Джон Сноу? Он не стал этого отрицать.

– Женщинам на Стене не место.

– Ошибаетесь. Я давно мечтала на ней побывать. Великое знание воздвигло ее, и подолодом заключены великие чары. Стена – одна из дверных петель этого мира. – Мелисандра, дыша теплом, посмотрела вверх. – Я столь же уместна здесь, как и вы, и вскоре могу сослужить вам большую службу. Не отказывайтесь от моей дружбы, Джон. Я видела вас в вихре бури, окруженного врагами, которых у вас так много. Назвать вам их имена?

– Я их и без того знаю.

– Напрасно вы так уверены. – Рубин на горле Мелисандры вспыхнул красным огнем. – Бояться следует не тех, кто клянет вас в глаза, а тех, кто вам улыбается и точит ножи у вас за спиной. Не отпускайте от себя волка. Я вижу лед и кинжалы в ночи. Замерзшую кровь и обнаженную сталь. Там очень холодно.

– На Стене всегда холодно.

– Вы так думаете?

– Я знаю, миледи.

– Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, – прошептала она.

Бран

«Мы уже там?» Бран не спрашивал этого вслух, хотя ему очень хотелось. Они все шли и шли – через дубовые рощи, мимо высоченных страж-деревьев, темных гвардейских сосен и голых каштанов. Далеко ли еще? Ходор в очередной раз взбирался на каменный склон или спускался в трещину, где грязный снег хрустел под ногами. Далеко ли? Лось расплескивал наполовину замерзший ручей. Сколько еще осталось? Очень уж холодно тут. Где же трехглазая ворона?

Раскачиваясь в корзине на спине Ходора, Бран пригнулся под веткой дуба. Снег пошел снова, тяжелый и мокрый. У Ходора один глаз замерз и не открывался, борода заиндевела, на косматых усах висели сосульки. Он все время держался за ржавый меч, взятый в крипте под Винтерфеллом, и время от времени замахивался на ветку, поднимая фонтаны снега, стуча зубами и бормоча:

– Ход-д-дор.

Его голос, как ни странно, успокаивал мальчика. На пути от Винтерфелла к Стене Бран и его спутники коротали время, разговаривая и рассказывая истории, но здесь все было иначе. Даже Ходор это чувствовал, и его «ходоры» раздавались все реже. Бран не знал, что в лесу может быть так тихо. До снега палые листья, взметаемые северным ветром, шуршали вокруг, как тараканы в буфете, но теперь их плотно укрыла белая пелена. Пролетит порой ворон, хлопая крыльями, – вот и все здешние звуки.

Лось пробирался через сугробы, пригнув голову с обледенелыми рогами. На нем ехал разведчик, мрачный и молчаливый. «Холодные Руки», назвал его толстяк Сэм: руки у него, несмотря на бледность лица, черные, твердые и холодные, как железо. Все прочее, кроме них, одето в шерсть, кольчугу и вареную кожу, на голове капюшон, лицо до самых глаз замотано черным шарфом.

Позади него на лосе сидели Риды – Мира обнимала брата, согревая его. У Жойена под носом замерзли сопли, и временами он содрогался всем телом. «Каким же он кажется маленьким, – удивлялся Бран. – Меньше меня и слабее, хотя я калека».

Маленький отряд замыкал Лето с заиндевелою мордой, все еще припадающий на заднюю лапу, куда у Короны Королевы попала стрела. Бран чувствовал боль от раны всякий раз, как залезал в волчью шкуру. Последнее время он жил в теле лютovolка чаще, чем в своем собственном; волк, несмотря на густую шерсть, тоже мерз, но видел дальше, слышал лучше и чуял гораздо больше запахов, чем закутанный мальчик в корзине.

Когда Брану надоедало быть волком, он залезал в Ходора. Здоровенный конюх при этом ныл и мотал головой, хоть и не так сильно, как в первый раз, у Короны. «Он знает, что это я, – надеялся Бран, – и привыкает быть мной». Не сказать, чтобы в Ходоре было очень удобно: он не понимал, что происходит, и Бран все время чувствовал его страх. С Летом все получалось гораздо лучше. Он – это Бран, а Бран – это он. И чувствуют они одинаково.

Иногда Лето, следуя за лосем, думал, может ли он свалить такого большого зверя. В Винтерфелле он привык к лошадям, но лось – другое дело: это добыча. Чуя теплую кровь под лохматой лосиной шкурой, он пускал слюни, и рот Брана тоже наполнялся слюной.

На дубу каркнул ворон, к нему прилетел другой. Днем их сопровождало не больше полудюжины воронов – они перелетали с дерева на дерево или сидели на лосиных рогах. Остальная стая держалась впереди или позади, но на закате все слетались и рассаживались вокруг, занимая каждую ветку поблизости. Некоторые говорили что-то разведчику на своем языке, и Брану казалось, что тот понимает их. Вороны, как видно, докладывают ему обо всех опасностях, тающихся впереди или крадущихся сзади.

Вот как теперь. Лось внезапно остановился, и разведчик спрыгнул с него, уйдя по колено в снег. Лето, ошетилившись, зарычал на него – волку не нравилось, как пахнет Холодные Руки. Сухое мясо, сухая кровь, слабый запах гнили и холод. Холод – прежде всего.

– Что там такое? – спросила Мира.

– Позади нас, – глухо ответил Холодные Руки в свой черный шарф.

– Волки? – Бран знал, что те все время идут за ними. По ночам путники слышали жалобный вой, с каждой ночью чуть ближе. Охотники были голодны и чуяли слабость тех, за кем шли. Часто Бран просыпался еще до рассвета и слушал, как они перекликаются вдалеке. Волки просто так не ходят, они должны преследовать какую-то дичь. Он долго так думал, а потом понял: «Дичь – это мы».

– Люди. Волки пока держатся на расстоянии, люди смелее.

Мира откинула капюшон – мокрый снег с него обвалился наземь.

– Сколько их? Кто они?

– Враги. Я разберусь с ними.

– Я с тобой.

– Ты останешься и будешь охранять мальчика. Впереди замерзшее озеро. Поворачивайте по льду на север и идите вдоль берега. Как придете в рыбацью деревню, остановитесь и ждите меня.

Бран думал, что Мира сейчас начнет спорить, но ее брат сказал:

– Делай, как он говорит. Он знает эти места. – В темно-зеленых, как мох, глазах Жойена поселилась усталость, которой Бран ни разу не замечал прежде. Настоящий маленький старичок. Юный житель болот, к югу от Стены казавшийся не по годам мудрым, здесь был напуган и растерян не меньше всех остальных, но Мира все равно его слушалась.

Холодные Руки ушел в обратную сторону, четверо воронов улетели за ним. Щеки у Миры разгорелись, из ноздрей шел парок. Она толкнула пятками лося, и они двинулись дальше. Не проехав и двадцати ярдов, девушка оглянулась назад.

– Люди... Одичалые, что ли? Нет бы так и сказать.

– Он сказал, что сам разберется, – заметил Бран.

– Сказал, да. Он говорил еще, что отведет нас к трехглазой вороне. Могу поклясться, что сегодня утром мы перешли ту же самую реку, которую переходили четвертого дня. Мы ходим кругами!

– У рек много изгибов, – неуверенно сказал Бран, – а холмы и озера приходится обходить.

– Слишком много обходов. И тайн, – стояла на своем Мира. – Не нравится мне это, и он тоже не нравится. Я не доверяю ему. Взять одни его руки. Лицо он прячет, имени своего не назвал. Кто он и что он? Черный плащ любой может надеть. Он не ест, не пьет и холода, похоже, не чувствует.

Бран тоже замечал это, но боялся сказать. Во время ночевки они все жались друг к другу, кроме разведчика. Глаза он иногда закрывал, но Бран сомневался, что он когда-нибудь спит. И еще...

– Шарф. – Все вороны улетели вслед за разведчиком, но Бран на всякий случай понизил голос. – Шарф, которым завязан его рот, никогда не обмерзает, как борода у Ходора. Даже когда он говорит.

– Верно, – согласилась с ним Мира. – Мы ни разу не видели, как он дышит, ведь так?

– Не видели. – Хотя дыхание всех остальных, считая и лося, оставляет в воздухе белые облачка.

– Если он не дышит, значит...

Брану вспомнились сказки старой Нэн. «За Стеной живут великаны, людоеды, тени и ходячие мертвецы, – говорила она, укрывая его колючим шерстяным одеялом, – но сюда они не пройдут, покуда стоит Стена и несут свой дозор люди в черном. Сладких тебе снов, мой

маленький Брандон». Разведчик носит черный плащ Ночного Дозора, но что, если он и не человек вовсе? Что, если он ведет их на съедение другим чудищам?

– Он спас Сэма с девушкой от упырей, – все также нерешительно сказал Бран, – и ведет меня к трехглазой вороне.

– А почему она сама не прилетела к Стене, раз у нее крылья есть? Мой брат с каждым днем слабеет. Сколько еще нам идти?

– Пока не придем, – откашлявшись, сказал Жойен.

Придя вскоре к замерзшему озеру, они повернули на север, как велел разведчик. Это была сама легкая часть пути.

Снег, шедший столько дней, что Бран и счет потерял, превратил озеро в бескрайнюю белую пустыню. По ровному льду они продвигались быстро, но из-за снега трудно было скакать, где кончается лед и начинается берег. Даже деревья не могли служить вехами: на озере встречались лесистые островки, а берег зачастую был голым.

Лось шел, как сам считал нужным, не слушаясь всадников. Большей частью он держался под деревьями, но стоило береговой линии повернуть к западу, он опять спускался на лед, трещающий у него под копытами, и пробирался через заносы, которые Брана укрыли бы с головой. Северный ветер, свиставший над озером, пробирал до костей и слепил глаза снегом.

Между деревьями уже шевелились длинные пальцы сумерек. На севере дни короткие, каждый короче предыдущего – и если днем холодно, то ночью мороз становится просто убийственным.

– Пора бы ей уже быть, этой деревне, – после долгого молчания произнесла Мира.

– Может, мы мимо нее прошли? – сказал Бран.

– Надеюсь, что нет. Скоро стемнеет, нужно где-то укрыться.

Она, конечно, права. Щеки у нее из красных стали почти лиловыми, у Жойена синие губы, Бран почти не чувствует собственного лица. Ходор, бредущий по колено в снегу, оброс ледяной коркой. Если уж и он спотыкается...

– Лето найдет деревню, – неожиданно для себя самого сказал Бран. Не дожидаясь ответа Мира, он закрыл глаза и вышел из своего разбитого тела.

Как только он очутился в волчьей шкуре, мертвый лес ожил. Там, где раньше стояла полная тишина, слышался шум ветра, дыхание Ходора, лось, скребущий землю копытом в поисках корма. Нос наполнили знакомые запахи мокрых листьев, увядшей травы, сгнившей в подлеске белки, кислого человеческого пота, лосиной шкуры. Еда. Мясо. Лось, чуя его возбуждение, наставил на лютovolка рога.

«Нельзя, – шепнул мальчик зверю, делившему с ним одну шкуру. – Оставь лося. Беги».

И Лето побежал через озеро, взрывая лапами снег. Деревья, одетые в белое, стояли плечом к плечу, как солдаты в бою. Корни, камни, наносы старого снега. На холме росли сосны и пахло хвоей. Волк покругил на вершине, нюхая воздух, поднял голову и завыл.

Здесь пахло человеком.

Бран унюхал слабый, но явственный запах пепла, горелого дерева, сажи, угля. Угасший очаг.

Он отряхнул морду от снега. Ветер налетал порывами, мешая понять, откуда исходит запах. Кругом только снежные горы и белые деревья в строю. Волк подставил язык снежинкам, пробуя воздух на вкус, и потрусил в нужную сторону. Ходор не отставал, но лось медлил. Бран нехотя вернулся в тело мальчика и сказал:

– Поезжайте за Летом. Я чую жилье.

Когда сквозь тучи проглянул тонкий месяц, они наконец вошли в деревню у озера, которую нипочем бы не заметили без помощи Брана. Круглые каменные домики, замеченные снегом, легко было спутать с валунами или пригорками. Вчера Жойен принял за хижину бурелом – они долго раскапывали сугроб, но нашли только ветки да поваленные стволы.

Деревня, как и все, что встречались им на пути, была брошена. Некоторые свои селения одичалые жгли, чтобы отрезать себе все пути к возвращению, но это избежало огня. Под снегом обнаружили с десяток хижин и бревенчатый длинный дом под дерновой крышей.

– Хоть от ветра укроемся, – сказал Бран.

– Ходор, – сказал Ходор.

Мира и ее брат, спешившись, помогли ему вынуть Брана.

– Может, от одичалых что съестное осталось?

Напрасная надежда. В длинном доме с твердым земляным полом стоял пронизывающий холод, но крыша и стены все-таки защищали от ветра. Рядом журчал ручей – лось напился из него, проломив лед копытом, и Мира всем набрала льда для питья. Бран передернулся, взяв в рот свою льдинку.

Лето не пошел с ними в дом.

– Иди, иди охотиться, – сказал ему Бран, ощущая его голод, как тень своего, – только лося не трогай. – Часть его существа тоже хотела пойти на охоту – может быть, позднее он так и сделает.

Их ужин состоял из истолченных в кашу желудей. Бран ими давился, Жойен не стал и пробовать.

– Надо есть, Жойен, – сказала ему сестра.

– Потом, когда отдохну немного. Не в этот день мне суждено умереть, – заверил он с вымученной улыбкой.

– Ты чуть не свалился с лося!

– Но все-таки усидел. Я замерз и проголодался, в этом все дело.

– Тогда ешь.

– Желуди твои? Животу от них только хуже. Оставь меня, Мира – хочу увидеть во сне жареного цыпленка.

– Сном сыт не будешь, даже если это зеленый сон.

– Что ж делать, раз у нас нет ничего, кроме снов.

Вся еда у них вышла дней десять назад, и голод сопровождал их неотлучно. Даже Лето не мог найти дичи в этих лесах – путники жили на желудях и на сырой рыбе. Ручьев и мелких озер здесь было полно, и Мира промышляла со своей острогой не хуже, чем с удочкой. Порой она возвращалась вся синяя, однако с уловом, но вот уже три дня – три года, как склонен был считать пустой желудок Брана – ей ничего не удавалось поймать.

После скудной трапезы Мира прислонилась к стене и стала точить о брусок свой кинжал. Ходор сидел у двери на корточках, раскачивался и бормотал:

– Ходор, ходор, ходор.

Бран закрыл глаза. Говорить было холодно, огонь Холодные Руки разводить не велел. «Этот лес не такой пустой, как вы думаете, – сказал он. – Никогда не знаешь, что может прийти из тьмы на твой огонек». Бран вздрогнул, вспомнив об этом, несмотря на соседство теплого Ходора.

Сон не шел – какой уж тут сон. Только ветер, жгучий мороз и луна на снегу. Он снова вернулся в Лето, бегущего за много лиг от него, и ночь запахла кровью. Неподалеку убили что-то живое – мясо еще не успело остыть. Внутри ворочался голод, зубы омывала слюна. Нет, это не лось. Не олень.

Лютovolк поджарой серой тенью скользил от дерева к дереву, сквозь лужицы лунного света, через сугробы. Ветер, все такой же порывистый, то и дело менял направление. Лето потерял запах, нашел, потерял снова... и насторожил уши, услышав далекий звук.

Волк! Лето, соблюдая осторожность, пошел на голос. Запах крови вернулся, но теперь его сопровождали другие: моча, шкуры мертвых зверей, птичий помет, перья и волк, волк, волк. Стая. За мясо придется драться.

Они тоже его учуяли и смотрели, как он выходит на залитую кровью поляну. Самка, увидев его, бросила грызть сапог с застрявшей внутри ногой. Старый одноглазый самец с поседелой мордой вышел, ощерясь, навстречу чужому, молодой волк тоже оскалился.

Бледно-желтые глаза лютоволка вобрали в себя клубок внутренностей, перепутанный с ветками, пар из вскрытого живота, голову, глядящую на месяц пустыми глазницами, красную лужу замерзшей крови.

Люди. Только человек так воняет. Раньше их было как пальцев на человеческой лапе, теперь их нисколько. Обыкновенное мясо. Раньше на них были плащи с капюшонами, но волки все изодрали в клочья. На сохранившихся кое у кого лицах торчат бороды в застывших соплях. Трупы уже начал заметать снег, очень белый по сравнению с их лохмотьями.

За много лиг от лютоволка беспокойно зашевелился мальчик.

Черное. Братья Ночного Дозора.

Лютоволка это не волновало. Они были мясом, а его мучил голод.

Глаза трех волков загорелись желтым огнем. Лютоволк поводил головой, раздул ноздри, оскалился, зарычал. Молодой волк попятился, и Лето учуял его страх, но старый вышел наперез чужаку. Он не боялся лютоволка, хотя тот был вдвое больше его.

Их глаза встретились. Варг! Они покатались по снегу, терзая один другого. Двое других волков щерили зубы, следя за боем. Лютоволк куснул мех, сомкнул челюсти на тонкой как палка лапе, но одноглазый прошелся когтями по его животу, вырвался, перекувырнулся, снова ринулся в бой. Его желтые клыки щелкнули у самого горла, но лютоволк стряхнул старика, как крысу. Свежая кровь запятнала снег, прежде чем одноглазый лег и показал брюхо. Лютоволк, огрызнувшись еще пару раз, понюхал ему зад, задрал ногу и оросил побежденного.

Двое других подчинились ему без боя. Стая была его и добыча тоже.

Лютоволк, обнюхав убитых, остановился на самом большом, без лица, с черной железной в руке. Культия другой, лишенной кисти руки была обмотана кожей, из разреза на горле вытекала густая вязкая кровь. Волк полизал ее, прошелся языком по разодранному лицу и вырвал кусок из горла. Никогда он еще не пробовал такого вкусного мяса.

Покончив с этим человеком, он перешел к следующему и съел самые лакомые части тела. Вороны смотрели на него с деревьев, волки доедали добычу за ним: сначала одноглазый, потом волчица, потом молодой. Теперь они сделались его стаей.

«Нет, – прошептал мальчик, – у нас своя стая. Леди мертва и Серый Ветер скорее всего тоже, но где-то живут Нимерия, Лохматый Песик и Призрак. Помнишь Призрака?»

Падающий снег и кормящиеся волки начали меркнуть. Тепло касалось лица материнскими поцелуями. «Огонь, – отметил про себя мальчик, – дым». Нос дернулся от запаха жареного. Лес пропал окончательно: он снова был в длинном доме, в искалеченном теле, и смотрел на огонь. Красное мясо, которое поворачивала над пламенем Мира Рид, шипело и плевалось жиром.

– Чуть ужин не проспал, – сказала она. Бран протер глаза, оперся на стену, сел. – Разведчик принес свинью.

Ходор жадно поедая свою долю, бормоча «ходор, ходор». По бороде у него текли кровь и жир, меч он положил на пол рядом с собой. Жойен откусывал от свиной ноги по кусочку, тщательно их прожевывая.

Холодные Руки стоял у двери с вороном на руке. В двух парах черных глаз отражалось пламя. «Он ничего не ест и боится огня», – вспомнил Бран.

– Ты же сказал, что огонь нельзя зажигать, – сказал он разведчику.

– Здесь его прячут стены, да и рассвет близко. Скоро отправимся.

– Что случилось с теми людьми? С врагами?

– Они больше не опасны.

– Кто это был, одичалые?

Мира перевернула мясо другой стороной, Ходор жевал и глотал, не переставая бубнить, – только Жойен, кажется, понял, что здесь происходит.

– Это были враги, – ответил Холодные Руки.

«Люди Ночного Дозора».

– Ты их убил. Ты и вороны. У них лица изодраны, глаза выклеваны.

Холодные Руки ничего не стал отрицать.

– Это были твои братья, я видел. Волки сорвали с них всю одежду, но она была черная. Как твои руки.

Разведчик молчал.

– Кто ты? Почему у тебя руки черные?

Разведчик посмотрел на них так, будто видел впервые.

– Когда сердце человека перестает биться, кровь застаивается в руках и ногах. – Голос звучал еле слышно, такой же изможденный, как сам разведчик. – Они пухнут и чернеют, а все остальное тело становится белым, как молоко.

Мира Рид встала, держа в руке лягушачий трезубец с насаженным на него мясом.

– Покажи нам свое лицо.

Разведчик не шелохнулся.

– Он мертвый, Мира. – Горло Брану обожгла желчь. – Старая Нэн говорила, что нежить из-за Стены не может пройти сюда, покуда Стена стоит и несут свой дозор люди в черном. Он пришел за нами к Стене, но пройти не мог – послал вместо себя Сэма и одичалую девушку.

Мирин рука в перчатке еще крепче сжала древко остроги.

– А тебя кто послал? Кто эта трехглазая ворона?

– Мой друг. Сновидица, ведунья – назови как угодно. Последняя из древовидцев. – Дверь распахнулась. В ночи выл ветер и кричали вороны на деревьях. Холодные Руки не шелохнулся.

– Ты упырь, – сказал Бран.

Разведчик смотрел на него так, словно остальных вовсе не было.

– Твой упырь, Брандон Старк.

– Твой, – повторил ворон у него на плече, и вороны на деревьях подхватили, наполнив ночь жутким эхом: – Твой, твой, твой!

– Жойен, тебе это снилось? – Мира ухватила за плечо брата. – Что нам теперь делать?

– Мы зашли слишком далеко, Мира – до Стены уже не добраться. Надо идти дальше с упырем Брана, если мы хотим жить.

Тирион

Из Пентоса они выехали через Рассветные ворота, хотя рассвета Тирион Ланнистер не увидел.

– Как будто тебя вовсе не было в Пентосе, – говорил магистр Иллирио, задвигая пурпурные бархатные занавески носилок. – Никто не видел, как ты проник в этот город, никто не должен видеть, как ты его покидаешь.

– Никто, кроме матросов, запихнувших меня в бочонок, юнги, прибиравшего за мной, наложницы, которую ты мне прислал, и хитрой веснушчатой прачки. Да, охрану забыл! Если ты и мозги им не удалил вместе с яйцами, они знают, что ты здесь не один. – Носилки на толстых кожаных постромках раскачивались между восемью битюгами. С каждой стороны их шли по двое евнухов, остальные тянулись позади, охраняя обоз.

– Безупречные не болтают, а галера, доставившая тебя сюда, находится сейчас на пути к Асшаю. Вернется она не раньше чем два года спустя, если море будет к ней милостиво. Что до моей челяди, то они любят меня, и никто из них хозяина не предаст.

«Утешай себя этим, мой толстый друг – когда-нибудь эти слова высекут на твоей гробнице».

– Надо нам было сесть на нее, – сказал карлик. – Кратчайший путь до Волантиса лежит по морю.

– Море изменчиво. Осень – сезон штормов, на Ступенях гнездятся пираты. Мы не хотим, чтобы мой маленький друг оказался у них в руках.

– На Ройне тоже пираты водятся.

– Речные. – Торговец сырами зевнул, прикрыв рукой рот. – Тараканы, что кормятся крошками.

– Я слышал еще о каменных людях.

– Да, есть такие, но зачем о них говорить в такой прекрасный день? На берегах Ройна ты избавишься от Иллирио с его большим животом, а пока будем пить, спать и грезить. У нас вдоволь хорошего вина и вкусной еды – зачем думать о болезнях и смерти?

«И верно, зачем?» – спросил себя Тирион, вновь слыша гул тетивы арбалета. Носилки раскачивались, точно мать убаюкивала его на руках – в жизни, правда, ему этого не довелось испытать. Возлежал он на подушках из гусяного пуха, пурпурные стенки и потолок держали тепло, не пуская осень в передвижной домик.

Вьючные мулы везли за ними сундуки, бочонки и разные вкусности на потребу сырному лорду. Завтракали они пряной колбасой и пивом из дымной ягоды, в полдень запивали дорнийским красным угрей в желе, вечером ели ветчину, вареные яйца и жаворонков с начинкой из лука и чеснока, а пили светлый эль и огненную мирийскую брагу, улучшающую пищеварение. Носилки, несмотря на все свое удобство, двигались очень медленно – карлик просто чесался от нетерпения.

– Долго ли еще до реки? – спросил он Иллирио. – Если будем плестись таким ходом, твои драконы вырастут больше Эйегоновых.

– Твоими бы устами! Большой дракон страшней маленького. Очень бы мне хотелось приветствовать королеву Дейенерис в Волантисе, но приходится положиться в этом на тебя и на Гриффа. Я лучше послужу ей в Пентосе, готовя дорогу для ее возвращения. Ну, а пока мы вместе, надо же толстому старику как-то скрашивать себе путешествие. Выпей еще вина.

– Скажи, какое пентосскому магистру дело до того, кто носит вестеросскую корону? Где твоя выгода во всем этом, милорд?

Иллирио промокнул жирные губы.

– Я старый человек, уставший от измен этого мира. Так ли уж странно, что на исходе моих дней я хочу сделать что-то хорошее? Помочь прелестной девушке восстановить свои наследственные права?

«Как же, как же. Скажи еще, что у тебя есть волшебные доспехи и дворец в древней Валирии».

– Если Дейенерис не более чем прелестная девушка, Железный Трон порежет ее на прелестные маленькие кусочки.

– Не беспокойся, дружок. В ней течет кровь Эйгона Драконовластного.

«А также Эйгона Недостойного, Мейгора Жестокого и Бейелора Полоумного».

– Расскажи мне о ней.

Толстяк призадумался.

– Дейенерис, когда прибыла в Пентос, была еще наполовину ребенком, но красотой превосходила даже мою вторую жену. Я возжелал ее для себя, но ее робость и боязливость не предвещали радостей плоти. Я призвал наложницу и утешался с ней, пока безумие не прошло. По правде говоря, я думал, что у табунщиков Дейенерис протянет недолго.

– Это не помешало тебе продать ее кхалу Дрого.

– Дотракийцы куплей-продажей не занимаются. Верней будет сказать, что ее брат Визерис отдал девушку кхалу в обмен на дружбу. Тщеславный был юноша. Очень хотел сесть на отцовский трон, но сестру свою желал не менее страстно. В ночь перед свадьбой он пытался залезть к принцессе в постель – не руку, так хотя бы невинность ее получить. Не поставь я часовых у ее двери, он нарушил бы все мои многолетние планы.

– Полным дураком он был, что ли?

– Всего лишь сыном Безумного Эйериса. Дейенерис... совсем другая. – Иллирио сунул в рот жаворонка и разгрыз прямо с костями. – Испуганное дитя, которому я дал приют в своем доме, умерло в Дотракийском море, возродившись в крови и огне. Драконья королева, носящая ныне ее имя – истинная Таргариен. Когда я прислал ей корабли, чтобы ехать домой, она повернула к заливу Работоторговцев, где в считанные дни завоевала Астапор, подчинила себе Юнкай и разграбила Миэрин. Следующим, если она двинется по старым валирийским дорогам, будет Мантарис... если же выйдет в море, то ее флот должен будет запастись водой и провиантом в Волантисе.

– От Миэрина до Волантиса много лиг – что сушей, что морем.

– Пятьсот пятьдесят по прямой, как летает дракон, через пустыни, горы, болота и населенные демонами руины. Многие погибнут, но живые, достигнув Волантиса, станут крепче... а там будете ждать вы с Гриффом, и свежие силы, и достаточное число кораблей, чтобы переправить их через море в Вестерос.

Тирион стал припоминать, что известно ему о Волантисе, самом древнем и гордом из Девяти Городов. Что-то тут было не так – он чувал это даже своим ополовиненным носом.

– Говорят, что в Волантисе на каждого свободного человека приходится пять рабов. Зачем триархам помогать королеве, губящей работоторговлю? И если уж на то пошло, зачем это делаешь ты? Может, пентосские законы и запрещают рабство, но у тебя большой интерес в торговле живым товаром – и все же ты оказываешь Дейенерис поддержку. Что ты надеешься от нее получить?

– Снова-здорово... ох и въедлив же ты, дружок. – Иллирио со смехом хлопнул себя по животу. – Будь по-твоему. Король-Попрошайка сулил сделать меня своим мастером над монетой да к тому же и лордом. Как только он, дескать, наденет корону, я смогу выбрать себе любой замок... даже Бобровый Утес, если того пожелаю.

Тирион фыркнул так, что вино пролилось из носа.

– Жаль, батюшка мой не слышал.

– У твоего лорда-отца не было причин волноваться – на кой мне Утес? Мой особняк достаточно велик и гораздо удобнее ваших продуваемых насквозь замков. А вот мастер над монетой... – Толстяк облупил очередное яйцо. – Люблю золото – есть ли звук слаще его перезвона?

«Есть. Вопли дражайшей сестрицы».

– Ты так уверен, что Дейенерис сдержит обещание своего брата?

– То ли сдержит, то ли нет. – Иллирио откусил половину яйца. – Я тебе уже говорил, дружок: не все в мире совершается ради выгоды. Думай что хочешь, но даже у толстых стариков вроде меня есть друзья и долги, которые дружба обязывает платить.

«Врешь, толстяк, – подумал Тирион. – Что-то в этом деле влечет тебя больше, чем монета и замки».

– Как редко в наши дни люди ставят дружбу превыше золота.

– Твоя правда. – Магистр остался глух к иронии карлика.

– И с чего это наш Паук так тебе дорог?

– Мы земляки. Росли вместе.

– Варис родом из Мира.

– Верно. К нам он явился, сбежав от работарговца. Днем спал в сточных канавах, ночью лазил по крышам, как кот. А я, брави в грязных шелках, немногим богаче его, жил только своим клинком. Видел статую у меня в бассейне? Пито Маланон изваял ее, когда мне было шестнадцать. Красивая вещь, хотя теперь я не могу смотреть на нее без слез.

– Все мы с годами портимся – я до сих пор оплакиваю свой нос. Так что же Варис?

– В Мире он был принцем воров, пока один из соперников не донес на него. В Пентосе его выделял акцент. Потом узнали, что он евнух, и начали его бить и оплевывать. Почему он именно меня выбрал в защитники, я, возможно, никогда не узнаю, но мы пришли к соглашению. Варис шпионил за менее удачливыми ворами и забирал их добычу, а я за вознаграждение возвращал потерпевшим украденное. Вскоре все обворованные стали ходить ко мне, а все городские воры мечтали заполучить в руки Вариса. Одна половина – чтобы глотку ему перерезать, другая – чтобы продать ворованное. Мы с ним постепенно богатели и стали еще богаче, когда Варис натаскал своих мышек.

– В Королевской Гавани он держит пташек.

– Тогда мы их называли мышками. Другие воры думали сдуру, что мы весь свой слам пропиваем, а Варис тем временем обучал сироток – как мальчиков, так и девочек. Подбирал самых маленьких, кто пошустрее, и учил их лазить по стенам и дымоходам, а также читать. Золото и драгоценности они оставляли заурядным ворами, сами же искали письма, счетные книги, карты... Найденное прочитывали и клали на то же место. Тайны, уверял Варис, стоят дороже серебра и сапфиров. Меня так зауважали, что кузен принца Пентосского отдал за меня свою дочь, а слухи о талантах некоего евнуха пересекли Узкое море и дошли до ушей одного короля. Крайне подозрительного короля, не доверявшего ни жене, ни сыну, ни своему деснице – другу юности, который с годами чересчур о себе возомнил. Конец истории тебе, полагаю, известен?

– В основном. Я вижу теперь, что ты не простой торговец сырами.

– Как ты любезен, дружок, – насмешливо поклонился Иллирио. – Я тоже вижу, что лорд Варис не ошибся в тебе – ты и вправду смышлен. – Он выставил в улыбке все свои желтые зубы и потребовал еще кувшинчик мирийской.

Когда он уснул с кувшином под боком, Тирион умыкнул сосуд и налил себе чашечку. Выпил, зевнул, снова налил. Если выпить много огненного вина, могут присниться драконы.

Одинок подрастая в Бобровом Утесе, он часто летал по ночам на драконах, воображая себя потерянным принцем из рода Таргариенов или валирийским драконьим лордом. Когда дяди спросили, какой подарок он хочет на именины, он сказал, что дракона. «Можно совсем

маленького, такого как я». Дядя Герион решил, что ничего забавнее в жизни не слышал, а дядя Тигетт сказал: «Последний дракон умер сто лет назад, мальчуган». От такой чудовищной несправедливости мальчик проплакал всю ночь.

Однако у дочери Безумного Короля, если верить торговцу сырами, вылупились трое живых. На два больше, чем требуется кому бы то ни было, даже Таргариену. Тирион почти жалел, что убил отца. Какую он скроил бы мину, услышав, что одна из Таргариенов с тремя драконами держит путь в Вестерос при поддержке хитрого евнуха и купца толщиной с пол-Утеса!

Тирион так наелся, что пришлось распустить пояс и завязки на бриджах. В детских одежках он чувствовал себя колбасой в слишком тесной шкурке. Если так есть каждый день, он до встречи с драконьей королевой сравняется толщиной с Иллирио. Снаружи настала ночь, в носилках было темно. Тирион слышал храп Иллирио, поскрипывание упряжи, стук подкованных копыт по гладкой валирийской дороге, но сердце его жаждало шума кожистых крыльев.

Проснулся он, когда уже рассвело. Лошади шагали, носилки раскачивались. Тирион выглянул в щелку, но не увидел ничего, кроме полей цвета охры, голых вязов и самой дороги, прямой как стрела. Он читал о валирийских дорогах, но никогда их прежде не видел. Валирия некогда захватила Драконий Камень и остановилась на этом. Странно, у них ведь были драконы. Почему они не пошли дальше, на богатые земли западного материка?

Ночью он перебрал. В голове стучало, к горлу подкатывало даже от легкой качки.

– Давай-ка выпьем, – сказал Иллирио, хотя Тирион не жаловался. – Потребим, как говорится, чешуйку дракона, который тебя спалил. – Ежевичное вино было такое сладкое, что мухи слетались к нему, как на мед. Тирион разогнал их и выпил. Первую чашу он с трудом удержал внутри, потом пошло легче, но аппетита все равно не прибавилось.

– Мне снилась королева, – поведал он, отвергнув предложенную Иллирио ежевику со сливками. – Я стоял перед ней на коленях и присягал ей на верность, но она приняла меня за моего брата Джейме и скормила своим драконам.

– Будем надеяться, что сон не был вещим. Ты, как и говорил Варис, смысленный бесенок, а Дейенерис умные люди ох как нужны. Сир Барристан – храбрый и верный рыцарь, но хитростью сроду не отличался.

– У рыцарей на все вопросы один ответ: копыта наперевес и в атаку. Карлик по-другому смотрит на мир. Ну, а ты что же? Ты и сам далеко не глуп.

– Ты мне льстишь. Я, увы, не создан для путешествий, потому и отправляю тебя к Дейенерис вместо себя. Ты оказал ее величеству великую услугу, убив своего отца, – и, надеюсь, еще не одну окажешь. Дейенерис в отличие от своего брата не дурочка и сумеет оценить тебя по достоинству.

«Как растопку, видимо». Тирион только улыбнулся в ответ.

Лошадей они меняли три раза в день, но через каждые полчаса останавливались, чтобы Иллирио мог помочиться. Сам со слона, а пузырь у него, как видно, с орех. Во время одной такой остановки Тирион рассмотрел дорогу как следует. Он заранее знал, что увидит: не утоптаный грунт, не кирпич, не булыжник, а ленту из сплошного монолитного камня, поднятую на полфута над землей для стока осадков. В отличие от того, что сходило за дороги в Семи Королевствах, валирийский тракт износа не знал, и по нему могли проехать в ряд три повозки. Четыреста лет прошло с тех пор, как Рок сокрушил Валирию, а дорога все та же. Тщетно Тирион искал в ней вмятины или трещины – кроме лошадиного навоза, ничего не нашлось.

Навоз напомнил ему о лорде-отце. «Где ты теперь, отец, – в преисподней? В славном холодном местечке, откуда тебе видно, как я помогаю вернуть на Железный Трон дочь Безумного Эйериса?»

Они снова тронулись в путь, и магистр, грызя жареные каштаны, вернулся к разговору о королеве.

– Боюсь, что последние новости о ней давно устарели. По нашим расчетам, она должна была уже выйти из Миэрина. Теперь у нее есть войско, составленное из наемников, дотракийцев и Безупречных, – она, несомненно, должна повести их на запад, чтобы вернуть себе отцовский престол. – Иллирио открыл горшочек с улитками в чесноке, понюхал и улыбнулся. – Авось, в Волантисе ты услышишь что-нибудь поновее. – Он высосал улитку из скорлупы. – Драконы и молодые женщины, как известно, капризны – возможно, вам придется пересмотреть свои планы. Грифф знает, что делать. Попробуй улиток! Чеснок вырос в моем огороде.

Улитка и та двигалась бы резвей, чем эти носилки. Тирион отмахнулся.

– Ты здорово доверяешь этому Гриффу. С ним вы тоже вместе росли?

– Нет. Он, как выразился бы ты, наемник родом из Вестероса. Знаю, что ты скажешь! – вскинул руку Иллирио. – «Наемники ставят золото выше чести; Грифф того и гляди продаст меня сестре-королеве». Не думай так. Гриффу я в самом деле доверяю. Как брату.

«Еще одна роковая ошибка».

– Хорошо, последую твоему примеру.

– Золотые Мечи в это самое время идут к Волантису, где будут ждать прибытия нашей королевы с востока.

«Сверху золото, под ним жгучая сталь».

– Я слышал, Золотые Мечи заключили договор с одним из Девяти Городов.

– С Миром, – ухмыльнулся Иллирио. – Но договор и нарушить можно.

– На сырах можно заработать больше, чем я полагал. Как ты это устроил?

Магистр пошевелил жирными пальцами.

– Скажем так: одни договоры пишутся чернилами, другие кровью.

Золотые Мечи славились как лучший из наемнических отрядов. Учредил его сто лет назад Жгучий Клинок, побочный сын Эйгона Недостойного. Когда другой бастард Эйгона попытался отнять Железный Трон у законного брата, Жгучий Клинок поддержал мятеж. Но Деймон Черное Пламя погиб на Багряном Поле, и это положило конец восстанию. Его сторонники, не пожелавшие покориться, бежали через Узкое море. В их числе были младшие сыновья Эймона, Жгучий Клинок и сотни безземельных лордов и рыцарей: за морем они могли прокормиться только в качестве наемных солдат. Одни примыкали к Рваному Знамени, другие к Младшим Сыновьям или Воинам Девы. Жгучий Клинок, видя, как распыляются силы Черного Пламени, решил основать свой отряд и объединить всех изгнанников.

С тех пор и до сего времени Золотые Мечи жили и умирали на Спорных Землях, сражаясь то за Мир, то за Лисс, то за Тирош в их мелких бессмысленных войнах и мечтая об утраченной родине. Изгнанники и сыновья изгнанников, лишённые всего, непрощенные... и грозные воины.

– Твой дар убеждения прямо-таки восхищает меня, – сказал Тирион. – Как ты уговорил Золотых Мечей, чьи предки сражались с домом Таргариенов, поддержать нашу прелестную королеву?

Иллирио небрежно махнул рукой.

– Дракон остается драконом, красный он или черный. Когда Мейелис-Чудище погиб на Ступенях, мужская линия Черного Пламени пресеклась. А Дейенерис способна дать изгнанникам то, чего не сумели ни Жгучий Клинок, ни все бастарды Черного Пламени, – усмехнулся в раздвоенную бороду магистр. – Она вернет их домой.

Огнем и мечом. Тирион сам был не прочь вернуться домой таким образом.

– Десять тысяч мечей – королевский дар, отдаю тебе должное. Ее величество должна быть довольна.

Иллирио скромно колыхнул подбородками.

– Не беру на себя смелость судить, что приятно ее величеству, а что нет.

Что ж, разумно. Тирион кое-что знал о благодарности королей – почему с королевами должно быть иначе?

Иллирио вскоре уснул, оставив Тириона наедине с собственными мыслями. Что скажет Барристан Селми, когда ему предложат идти в бой вместе с Золотыми Мечами? На Войне Девятигрошовых Королей он прорубил кровавую дорогу сквозь их ряды и убил последнего из претендентов Черного Пламени. Мятежникам приходится заключать самые причудливые союзы – взять хоть Тириона и этого толстяка.

При смене лошадей купец пробудился и опять потребовал закусить.

– Что это за места? – спросил карлик, пока они подкреплялись холодным каплуном и десертом из моркови, изюма и апельсинов.

– Андалос, мой друг. Именно отсюда пришли ваши андалы. В свое время они отвоевали эту землю у волосатых родичей иббенийцев. К северу от нас лежат древние владения Хугора – мы сейчас проходим по их южной границе. В Пентосе их называют Плоскими землями. Восточнее их стоят Бархатные холмы, куда мы и направляемся.

Андалос. По его холмам, как учит религия, некогда ходили Семеро в человеческом облике.

– «Отец простер свою длань в небеса, – прочел по памяти Тирион, – и достал оттуда семь звезд, и возложил их одну за другой на чело Хугора, увенчав его блистающею короною».

– Не думал, что мой маленький друг так набожен, – удивился Иллирио.

– Воспоминания детства. Зная, что рыцарем мне не бывать, я решил стать верховным септоном. Его хрустальный венец добавляет человеку целый фут роста. Корпел над священным писанием и молился так, что коленки стер, но закончилось все это трагически. Я достиг известного возраста и влюбился.

– Знаю, знаю. – Иллирио достал из левого рукава серебряный медальон, раскрыл его и показал Тириону миниатюрный портрет голубоглазой женщины с бледно-золотыми, пронизанными серебром волосами. – Серра. Я взял ее из лисского перинного дома и в конце концов женился на ней. Это я-то, чья первая жена была родственницей принца Пентосского! Ворота дворца с тех пор закрылись передо мной, но я не печалился. За Серру я был готов заплатить и не такую цену.

– Как она умерла? – Тирион знал, что ее нет в живых: ни один мужчина не стал бы говорить с такой любовью о женщине, которая его бросила.

– В Пентос по пути с Яшмового моря зашла браавосская торговая галера «Сокровище». Она везла гвоздику, шафран, нефрит, яшму, алый атлас, зеленый шелк... и серую смерть. Мы убили сошедших на берег гребцов и сожгли корабль в гавани, но крысы слезли по веслам и разбежались. Чума забрала две тысячи человек. – Иллирио закрыл медальон. – Я храню у себя в спальне ее руки, такие нежные...

Тирион смотрел на поля, по которым когда-то ступали боги, и думал о Тише.

– Что это за боги, создающие чуму, крыс и карликов? – Ему вспомнился еще один отрывок из Семиконечной Звезды. – «И Дева привела ему отроковицу гибкую как ива, с глазами глубокими и синими, как озера, и Хугор пожелал взять ее в жены. Мать благословила чрево ее, и Старица предсказала, что она родит царю сорок четыре сына. И когда родились они, то Воин дал им великую силу, Кузнец же сковал железные доспехи для каждого».

– Ваш Кузнец не иначе был ройнаром, – заметил Иллирио. – Обрабатывать железо андалы научились у ройнаров, речных жителей – это известно.

– Только не септонам. Кто населяет эти Плоские земли?

– Крестьяне, возделывающие фруктовые сады и поля. Еще рудокопы. У меня самого здесь владения, но я в них почти не бываю – предпочитаю бесчисленные восторги Пентоса.

«Бесчисленные восторги и толстые стены». Тирион поболтал вино в чаше.

– Однако после Пентоса нам не встретилось ни единого города.

– Они все в руинах. – Иллирио повел окрест куриной ногой. – Здесь проходят кочевники каждый раз, как кому-то из кхалов втемяшится на море поглядеть. Дотракийцы городов не любят – это должны знать даже в Вестеросе.

– Перебили бы один кхаласар – может, у них и пропала бы охота ходить за Ройн.

– Дешевле откупаться от них съестным и подарками.

Взяв хорошую головку сыра в битву на Черноводной, Тирион мог бы сберечь свой нос. Лорд Тайвин к Вольным Городам всегда относился с презрением; «Они сражаются монетой вместо мечей, – говаривал он. – Золото полезный металл, но войны выигрываются железом».

– Дай врагу золота, и он вернется за новой порцией – так говорил мой отец.

– Тот самый, которого ты убил? – Иллирио выкинул куриную косточку. – Никакие наемники против визжащей орды не выстоят: Квохор доказал это.

– Даже твой бравый Грифф?

– Грифф – дело иное. У него есть обожаемый сын, молодой Грифф, благороднейший юноша.

Вино, сытная еда, солнце и жужжащие мухи действовали усыпляюще. Тирион засыпал, просыпался и пил. Иллирио, не отстававший от него в возлияниях, захрапел, как только небо стало пурпурным.

Ночью Тириону приснилась битва, окрасившая вестеросские холмы в алый цвет. Он сражался в самой гуще и махал топором с себя ростом рядом с Барристаном Смелым и Жгучим Клинком, а в небе кружили драконы. Во сне у него были две головы, обе безносые. Во главе вражеской рати стоял отец, и Тирион еще раз убил его. Потом изрубил в кашу лицо своего брата Джейме, смеясь при каждом ударе. Лишь когда бой закончился, он заметил, что вторая его голова проливает слезы.

Проснувшись, он обнаружил, что ноги у него затекли.

Иллирио ел оливки.

– Где мы сейчас?

– Все еще на Плоских землях, торопливый мой друг. Скоро дорога приведет нас в Бархатные холмы, и мы начнем подъем к Малому Ройну и Гойану Дроэ.

Гойан Дроэ, ройнарский город, валирийские драконы сожгли дотла. Тирион путешествовал не только в пространстве, но и во времени, прокладывая путь в седую древность, когда драконы правили миром.

Он спал, просыпался, опять засыпал – как днем, так и ночью. Бархатные холмы разочаровали его.

– У половины шлюх в Ланниспорте сиськи больше, чем эти горки. – Они миновали круг камней, воздвигнутый, по словам Иллирио, великанами, и глубокое озеро.

– Здесь устроили свое логово разбойники, нападавшие на всех, кто проходил мимо, – сказал Иллирио. – Предание гласит, что они до сих пор живут под водой. Всех, кто рыбачит на озере, они затягивают вглубь и съедают.

На следующий вечер у дороги возник валирийский сфинкс с туловищем дракона и головой женщины.

– Королева драконов, – сказал Тирион. – Добрый знак.

– Только короля ей недостает. – Иллирио показал на пустой, заросший плющом и мхом цоколь, где когда-то лежал второй сфинкс. – Кочевники поставили его на колеса и уволокли к себе в Вейес Дотрак.

«Тоже знак, но скорее дурной», – решил Тирион.

Ночью, выпив больше против обычного, он внезапно запел.

«Он помчался по улицам городским, // ненасытной страстью влеком. // Там жила она, его тайный клад, // наслаждение его и позор, // и он отдал бы замок и цепь свою // за улыбку и нежный взор».

Больше он ничего не помнил, только припев: «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». Руки Шаи били его, когда он вдавливал золотые ей в горло, – он не помнил, были они горячими или нет. Она теряла силы, и казалось, что о его лицо бьются бабочки, а он закручивал цепь, вгоняя золотые руки все глубже. Поцеловал ли он ее на прощание, когда она уже перестала дышать? Этого он тоже не помнил... но их первый поцелуй в палатке на Зеленом Зубце запомнился ему хорошо. Какими сладкими были ее уста.

Помнил он и свой первый поцелуй с Тишей. Она не лучше него знала, как это делается. Они все время сталкивались носами, но когда он коснулся ее языка своим, она задрожала. Тирион зажмурился, чтобы припомнить ее лицо, но вместо нее увидел лорда Тайвина, сидящего в нужнике с задранным на колени халатом. «Куда все шлюхи отправляются», – сказал он, и загудел арбалет.

Тирион повернулся на бок, зарывшись половинкой носа в шелковые подушки. Сон разверзся перед ним, как колодец; он бросился туда добровольно и дал тьме поглотить себя.

Купецкий приказчик

На «Приключении» имелось шестьдесят весел и один парус, длинный корпус обещал быстроту хода. Маловата лохань, но сойдет, решил Квентин – пока не взошел на борт и не принюхался к здешним запахам. Свиньи, была его первая мысль, но свиньи так не воняют. Здесь несло мочой, испражнениями, тухлым мясом, язвами и загнившими ранами – да так, что перешибало соль и рыбу, которыми пахла гавань.

– Блевать тянет, – сказал Квентин Геррису Дринквотеру. Они дожидались шкипера, задыхаясь от жары и от вони.

– Если капитан воняет так же, как его судно, он почтет твою блевотину за духи, – заметил на это Геррис.

Квентин хотел уже предложить поискать другую посудину, но тут шкипер наконец вышел к ним с двумя здоровенными матросами. Геррис встретил его улыбкой. По-волантински он говорил хуже Квентина, однако согласно их замыслу вести переговоры полагалось ему. В Дош-том городе виноторговца изображал Квентин, но это плохо у него получалось. В Лиссе, сменив корабль, они поменялись заодно и ролями. На «Жаворонке» Клотус Айронвуд был купцом, а Квентин – его слугой. В Волантисе, после гибели Клотуса, роль купца перешла к Геррису.

Он высокий, с зеленовато-голубыми глазами и выгоревшими на солнце светлыми волосами, и его самоуверенность не знает пределов. Не зная языков, он всегда добивается, чтобы его понимали. Квентин, коротконогий и коренастый, с волосами цвета свежевскопанной земли, рядом с ним выглядит незavidно. Лоб у него чересчур большой, подбородок тяжелый, нос широк. «Хорошее у тебя лицо, честное, – сказала ему одна девушка, – только улыбайся почаще».

Улыбки Квентину Мартеллу удавались не больше, чем его лорду-отцу.

– Быстрый ли ход у твоего «Приключения»? – на ломаном валирийском осведомился Геррис.

Капитан, узнав его акцент, ответил на общем языке Вестероса:

– Быстрее не найдете, почтенный. «Приключение» так и бежит само по ветру. Скажите, куда путь держите, и я вас мигом туда доставлю.

– Я с двумя моими людьми путешествую в Миэрин.

– Бывал я там, – помедлив, сказал капитан, – и мог бы снова его найти, только зачем? Какая мне выгода? Рабов там не возьмешь, серебряная королева всю торговлишку поломала. Она же и бойцовые ямы закрыла – бедному моряку, покуда его корабль грузится, и раз-влечься-то негде. Скажи мне, мой вестеросский друг, чего ты не видал в Миэрине?

«Самой прекрасной на свете женщины, – мысленно произнес Квентин. – Если боги будут милостивы, она станет моей женой». Иногда по ночам, воображая себе ее лицо и фигуру, он не понимал, зачем такой женщине нужен именно такой муж – мало ли других принцев. «Я – это Дорн, – напоминал он себе в таких случаях. – От Дорна она не откажется».

– Наш род издавна торгует вином, – ответил Геррис сообразно сочиненной ими истории. – Мой отец, у которого в Дорне обширные виноградники, желает, чтобы я нашел за морем новые рынки. Надеюсь, добрым миэринцам понравится мой товар.

– Дорнийское вино? – Речь Герриса капитана не убедила. – Между рабовладельческими городами идет война – неужто не знаешь?

– Это Юнкай с Астапором воюют, насколько мы слышали. Миэрин в стороне.

– Пока да, но и он скоро вяжется. Посол Желтого Города нанимает мечи в Волантисе. Длинные Копья уже отплыли в Юнкай, Сыны Ветра и Дикие Коты скоро отправятся, Золотые Мечи тоже идут на восток.

– Тебе лучше знать. Войны – не мое дело, у меня свой интерес. Всем известно, что гискарские вина никуда не годятся. Миэринцы выложат хорошие денежки за мой дорнийский нектар.

– Мертвецам все равно, что пить. Думаю, я не первый шкипер, к которому ты обращаешься – и не десятый.

– Верно, – сознался Геррис.

– Сколько ж вы обошли кораблей – сотню?

«Около того», – признал про себя Квентин. Волантинцы похваляются, что в их гавани можно потопить все сто островов Браавоса. Квентину в это верилось, хотя в Браавосе он не бывал. Богатый и порочный Волантис подобно смачному поцелую запечатывал устье Ройна, раскинувшись по обоим его берегам. Корабли, стоящие как на реке, так и в море, загружались и выгружались. Военные, китобойные, торговые, карраки, плоскодонки, большие и малые когги, ладьи, корабли-лебеди. Лисские, тирошйские, пентосские; квартийские перевозчики пряностей, громадные как дворцы, гости из Юнкая, Толоса, с островов Василиска. Их столько, что Квентин, увидев порт с палубы «Жаворонка», сказал друзьям, что они здесь задержатся не больше чем на три дня.

Однако вот прошло уже двадцать, а они до сих пор тут. Капитаны «Мелантинки», «Дочери триарха» и «Поцелуя русалки» им отказали; помощник на «Храбром мореходе» посмеялся над ними; шкипер «Дельфина» обругал их, хозяин «Седьмого сына» обозвал пиратами – все это в первый же день.

Доводы в пользу отказа привел только капитан «Лани».

«Это верно, я иду вокруг Валирии на восток, – сказал он за чашей разбавленного вина. – Запасемся в Новом Гисе водой и провизией, а там будем махать веслами до Кварта и Нефритовых Ворот. Всякое путешествие опасно, особенно долгое. Зачем мне наживать себе лишние хлопоты, сворачивая в залив Работорговцев? «Лань» – единственное мое достояние. Я не стану рисковать ею, везя трех сумасшедших дорнийцев в места, охваченные войной».

Квентин начинал сожалеть, что они не купили в Доцатом городе свой корабль, хотя это могло привлечь к ним нежелательное внимание. У Паука соглядатаи всюду, даже в чертогах Солнечного Копья. «Дорн будет залит кровью, если тебя обнаружат, – предупреждал отец, глядя, как резвятся дети в прудах и фонтанах Водных Садов. – Помни, что мы с тобой совершаем государственную измену. Доверяй только своим спутникам и старайся остаться незамеченным».

Поэтому в разговоре с капитаном «Приключения» Геррис пустил в ход свою самую обволакивающую улыбку.

– Отказавших нам трусов я не считал, но в гостинице слышал, будто ты человек отчаянный, готовый за хорошие деньги многим рискнуть.

Контрабандист – именно так отзывались об этом шкипере в «Купеческом доме». «Контрабандист, работорговец, полупират, полусводник – и ваша единственная надежда, возможно», – сказал им хозяин гостиницы.

Капитан потер большим пальцем указательный.

– И сколько же золота ты готов мне отсыпать?

– Втрое против обычной платы до залива Работорговцев.

– За каждого? – То, что задумывалось как улыбка, придало узкому лицу капитана хищный вид. – Что ж, пожалуй. Я посмелей других, это верно. Когда хотите отплыть?

– Да хоть бы и завтра.

– Идет. Будь здесь до рассвета с друзьями и бочками. Отчалим, пока город еще не проснулся, чтобы ненужных вопросов не задавали.

– Понял и буду в срок.

– Рад помочь. – Улыбка капитана сделалась шире. – Мы с тобой поладим, не так ли?

– Уверен, что да.

Капитан велел подать эля, и они с Геррисом выпили за успешное плавание.

– Не шкипер, а чистый мед, – сказал Геррис, идя с Квентином по пирсу к нанятому ими хатаю. Жаркий воздух был тяжел, солнце светило так, что приходилось щуриться.

– Как и весь этот город. – Да... такая сладость, что зубы ломит. Свеклу, растущую здесь в изобилии, суют всюду. Любимое блюдо Волантиса – холодный свекольник, густой и опять-таки сладкий, вина у них и те приторные. – Боюсь только, что путешествие наше будет коротким. Ни в какой Миэрин нас медовый шкипер не повезет. Сдерет тройную плату, а как только суша скроется из виду, перережет нам глотки и заберет остальное золото.

– Или прикует нас к веслу рядом с бедолагами, которые так славно пахнут. Надо бы поискать кого-нибудь покислее.

Хатай ждал их. От вестеросских воловьих повозок он отличался только резьбой, и везли его не вола, а карликовая слониха цвета грязного снега – отнюдь не редкость на улицах Старого Волантиса.

Квентин предпочел бы пройтись, но до гостиницы было несколько миль. Кроме того, хозяин «Купеческого дома» предупреждал, чтобы они не ходили пешком: это уронит их в глазах мореходов, а также и волантинцев. Порядочные люди здесь передвигаются либо в носилках, либо в хатаях... Родственник хозяина как раз владел несколькими такими экипажами и мог предоставить один постояльцам.

Возница, один из рабов этого родственника, носил на щеке татуировку колеса и был одет в сандалии и набедренную повязку. Кожа как тиковое дерево, глаза как осколки кремня. Усадив господ на мягкое сиденье между двумя громадными деревянными колесами, он взобрался на спину слонихе.

– В «Купеческий дом», – сказал ему Квентин, – только езжай вдоль берега. – Вдали от морского бриза человек рисковал утонуть в собственном поту, по крайней мере на этом берегу Ройна.

Возница крикнул что-то слонихе, и та тронулась с места, качая хоботом. Кучер орал на рабов и моряков, требуя убираться с дороги. Отличить одних от других не составляло труда. У всех рабов на лицах татуировки: синие перья, молния во всю щеку, монета, леопардовые пятна, череп, кувшин. Мейстер Кеддери говорил, что на каждого свободного человека в Волантисе приходится пять рабов, но проверить это на личном опыте не успел: он погиб в то утро, когда на «Жаворонка» напали пираты.

Квентин тогда потерял еще двух друзей – бесстрашного веснушчатого копейщика Вильяма Веллса и Клотуса Айронвуда. Ближе Клотуса у него не было никого. Брат во всем, кроме крови, красавец, несмотря на незрячий глаз, и большой весельчак. «Поцелуй от меня свою невесту», – прошептал он, прежде чем умереть.

Корсары нагрянули перед рассветом, когда «Жаворонок» стоял на якоре у Спорных Земель, – моряки отбились, потеряв двенадцать человек из команды. С убитых пиратов сняли сапоги, оружие, серьги, кольца и кошельки. Один был такой толстый, что перстни не снимались, и кок отрубил ему пальцы мясным тесаком. В море его спихивали втроем; остальные пираты отправились следом без всяких церемоний.

Со своими павшими обошлись уважительнее. Их зашили в парусину и привязали к ногам балласт, чтобы они сразу пошли на дно. Капитан, собрав всех на молитву, обратился к дорнийцам – их осталось трое из шести человек, взошедших на борт в Дошатам городе; даже большой детина, весь зеленый, ради такого случая вылез из трюма. «Скажите пару слов вашим людям, прежде чем мы отдадим их морю». Это сделал Геррис, привирая на каждом слове – выдавать, кто они и куда едут, было никак нельзя.

Не думали они, отправляясь в путь, что с ними может случиться нечто подобное. «Будет о чем внукам рассказывать», – сказал Клотус, когда они выехали из замка его отца. «Скорей

уж девкам в тавернах, чтоб юбки охотнее задирали», – скорчил гримасу Вилл. Клотус хлопнул его по спине. «Для внуков надо сперва детей завести, а этого, не задирая юбок, не сделаешь». После, в Дошатом городе, они пили за будущую невесту Квентина, отпускали соленые шуточки насчет первой ночи, толковали о будущих славных подвигах – а кончилось это парусиновым саваном с балластом у ног.

Квентин скорбел по Виллу и Клотусу, но мастера им не доставало больше всего. Кеддери владел языками всех Вольных Городов, даже диалектом гискарского, распространенном в заливе Работорговцев. «Мейстер Кеддери едет с вами, – сказал отец в их прощальный вечер. – Прислушивайся к его советам: он полжизни посвятил изучению Девяти Городов». Будь он сейчас с ними, им, возможно, пришлось бы не так тяжело.

– Мать бы родную продал за дуновение с моря, – сказал Геррис под грохот колес. – Влажно, как у Девы в щели, – и это еще до полудня. Ненавижу Волантис.

Квентин полностью разделял это чувство. Влажная жара Волантиса лишала его сил, и он все время ощущал себя грязным. Хуже всего было знание, что ночь тоже не принесет облегчения. На горных лугах в северных поместьях лорда Айронвуда вечера всегда свежи, как бы жарко ни было днем, а здесь...

– Завтра «Богиня» идет в Новый Гис, – напомнил Геррис. – Все-таки ближе к цели.

– Новый Гис – остров, и порт там куда меньше этого. Ближе-то ближе, но есть опасность застрять окончательно. Кроме того, они заключили союз с Юнкаем. – Квентина эта новость не удивила: и Юнкай, и Новый Гис – гискарские города. – Если и Волантис примкнет к ним...

– Надо найти вестеросский корабль, – сказал Геррис. – Торговца из Ланниспорта или Староместа.

– Немногие из них заходят так далеко. Да и эти немногие, набив трюмы шелком и пряностями с Яшмового моря, сразу гребут домой.

– Может, тогда браавосский? Пурпурные паруса видят и в Асшае, и на островах Яшмового моря.

– Браавосцы происходят от беглых рабов и в залив Работорговцев не ходят.

– Нашего золота хватит, чтобы купить корабль.

– А кто его поведет? Мы с тобой? – С тех пор, как Нимерия сожгла десять тысяч своих кораблей, дорнийцы никогда не славились как мореплаватели. – Море близ Валирии опасно и просто кишит пиратами.

– Да, пиратов с меня уже хватит. Уговорил: покупать не станем.

«Для него это так и осталось игрой, – понял Квентин. – Как в те дни, когда он повел нас шестерых в горы на поиски старого логова Короля Стервятников». Думать, что они могут потерпеть неудачу, а уж тем более умереть, не в натуре Герриса Дринквотера. Даже гибель троих друзей не отрезвила его. Осторожничать и размышлять он предоставляет Квентину.

– Возможно, наш здоровяк прав, – добавил Геррис. – Плюнем на море и двинемся дальше сушей.

– Ты же знаешь, почему он так говорит: ему легче умереть, чем снова сесть на корабль. – В Лиссе здоровяк четыре дня отходил после морской болезни. Мейстер Кеддери уложил его в гостинице на перину и пичкал бульоном с целебными зельями, пока тот не начал розоветь понемногу.

Это правда, в Миэрин можно ехать и сушей. Здесь пролегает много валирийских дорог. Их называют драконьими, но та, что ведет из Волантиса на восток, заслужила более зловещее имя: дорога демонов.

– Дорога демонов тоже опасна, и ехать по ней слишком долго. Тайвин Ланнистер подошел к королеве своих убийц, как только узнает, где она обретается. Если они доберутся туда раньше нас...

– Будем надеяться, ее драконы учуют их и сожрут. Корабль найти не удастся, сушей ты ехать не хочешь – можем с тем же успехом вернуться обратно в Дорн.

Приползти в Солнечное Копье побежденным, с поджатым хвостом? Отцовского разочарования и сокрушительного презрения песчаных змеек Квентин просто не вынесет. Доран Мартелл вручил ему судьбу Дорна – он не подведет отца, пока жив.

Воздух колебался от зноя, придавая гавани с ее складами, лавками и причалами сказочный вид. Здесь продается все, что душа пожелает: свежие устрицы, кандалы, фигурки кайвассы из кости и черного дерева. Храмы, где моряки приносят жертвы своим чужестранным богам, чередуются с перинными домами, где женщины зазывают мужчин с балконов.

– Глянь-ка на эту, – показал Геррис. – Мне сдается, она влюбилась в тебя.

Сколько может стоить такая любовь? Перед девушками, в особенности хорошенькими, Квентин, сказать по правде, робел.

Впервые приехав в Айронвуд, он влюбился по уши в Инис, старшую дочь лорда. Не говоря ни слова о своих чувствах, он годами мечтал о ней, пока ее не выдали за Раэна Аллириона, наследника Дара Богов. При их последней встрече один сын держался за ее юбку, а другой, грудной, лежал у нее на руках.

После Инис настал черед двойняшек Дринквотер. Этим смуглянкам нравилось охотиться, лазить по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них – он так и не разобрался, которая – подарила ему первый поцелуй. Для брака с принцем они как дочери простого рыцаря-землевладельца не подходили, но Клотус находил, что целоваться с ними вполне позволительно. «Вот женишься и возьмешь одну в любовницы. Или обеих, почему бы и нет». Квентин, хорошо зная «почему», стал избегать близнецов, и дело ограничилось тем единственным поцелуем.

В последнее время за Квентином стала ходить хвостом младшая из дочерей лорда Андерса. Темные волосы и глаза выделяли умненькую двенадцатилетнюю Гвинет из ее семейства, голубоглазого и белокурого. «Дождись, когда я расцвету, – твердила она, – и тогда мы поженимся».

Этого было еще до того, как принц Доран вызвал Квентина в Водные Сады. Теперь его ждала в Миэрине самая красивая в мире женщина, и он должен был исполнить свой долг, взяв ее в жены. Она ему не откажет. Дорн нужен ей для завоевания Семи Королевств, а значит, и Квентин нужен. Из этого, однако, еще не следует, что она полюбит его – может, он вовсе ей не понравится.

Там, где река впадала в море, продавали животных: украшенных драгоценностями ящеров, гигантских полосатых змей, обезьянок с розовыми лапками.

– Не хочешь купить обезьянку в подарок своей серебряной королеве?

Квентин понятия не имел, устроит ли Дейенерис такой подарок. Он обещал отцу привезти ее в Дорн, но все больше сомневался, может ли с этим справиться.

Сам бы он никогда напрашиваться не стал.

За широким голубым Ройном виднелась Черная Стена, поставленная валирийцами, когда Волантис был не более чем далекой окраиной их империи: огромный овал из расплавленного камня высотой двести футов. Ширина стены позволяла проехать в ряд шести упряжкам из четырех лошадей, что и делалось ежегодно в день основания города. Иноземцы и вольноотпущенники допускались в огороженное стеной пространство лишь по приглашению тех, кто там жил – потомков древних валирийских родов.

Движение здесь сделалось более оживленным. Хатай приближался к западному концу Длинного моста, связывающего две половинки города. Улицу запрудили повозки и экипажи, а рабов, выполняющих хозяйские поручения, было что тараканов.

Недалеко от Рыбной площади и «Купеческого дома» на перекрестке слышались крики. Откуда ни возьмись появилась дюжина Безупречных с копьями, в нарядных доспехах и плащах

из тигровых шкур: они расчищали дорогу для едущего на слоне триарха. Башенка на спине серого гиганта в позвякивающей эмалевой броне была так высока, что задела за арку, под которой слон проходил.

– Триархам во время их годового правления не разрешается ступать ногами на землю – считается, что они выше этого, – объяснил Геррису Квентин.

– Поэтому они загораживают всю улицу и оставляют за собой кучи навоза. Не пойму, зачем Волантису целых три принца – Дорну и одного хватает.

– Триархи – не короли и не принцы. В Волантисе республиканский строй, как в древней Валирии. Все свободнорожденные землевладельцы имеют право голоса, даже женщины, если у них есть земля. Триархи выбираются сроком до первого дня нового года из благородных семей, могущих доказать прямое валирийское происхождение. Ты бы сам знал все это, если бы потрудились прочитать книгу, которую дал тебе мейстер.

– Она без картинок.

– А карты?

– Карты не в счет. Она подозрительно смахивает на исторический труд – скажи он, что там говорится про слонов с тиграми, я бы, может, и попытался.

На краю Рыбной площади их маленькая слониха задрала хобот и затрубила, как белая гусыня, – ей не хотелось лезть в гущу повозок, паланкинов и пешеходов. Возница толкнул ее пятками, посылая вперед.

Торговцы рыбой, предлагая утренний улов, голосили вовсю. Квентин понимал их с пятого на десятое, но здесь можно было обойтись и без слов: треска, рыба-парус, сардины и бочонки с моллюсками сами за себя говорили. Один лоток украшали связки угрей, над другим висела на железных цепях гигантская черепаха. В чанах с соленой водой и водорослями скреблись крабы. Тут же рыбу жарили с луком и свеклой и продавалась в маленьких котелках сильно наперченная уха.

В центре площади под безголовой статуей давно умершего триарха собиралась толпа: какие-то карлики в деревянных доспехах готовились представить потешный турнир. Один сел верхом на собаку, другой вскочил на свинью и тут же свалился, к общему хохоту.

– Давай поглядим, – предложил Геррис. – Посмеяться тебе не повредит, Квент: ты похож на старика, который уже полгода запором мается.

«Какой же я старик, – хотел сказать Квентин. – Мне восемнадцать, я на шесть лет моложе тебя».

– На что мне карлики, если у них корабля нет, – ответил он вслух.

– Может, и есть, только малюсенький.

Четырехэтажный «Купеческий дом» высился над низкими портовыми зданиями. Здесь останавливались торговые люди из Староместа и Королевской Гавани, их конкуренты из Бравоса, Мира и Пентоса, волосатые иббенийцы, бледнолицые квартийцы, черные жители Летних островов в сшитых из перьев плащах и даже заклинатели теней из Асшая, прячущие лица под масками.

Квентин вылез из хатая. Плиты мостовой были горячими даже сквозь подошвы сапог. В тени гостиницы поставили стол на козлах; над ним развевались белые с голубым вымпелы, и четверо наемников окликали всех проходивших мимо мужчин и мальчишек. Сыны Ветра: им требуется свежее мясо для пополнения рядов перед отплытием в залив Работоторговцев. Каждый, кто запишется, станет юнкайским мечом и будет пускать кровь будущей Квентиновой невесте.

Один из Сынов Ветра и ему что-то крикнул.

– Не понимаю по-вашему, – сказал Квентин. Он умел читать и писать на классическом валирийском, но разговорной речью почти не владел, да и волантинское яблочко откатилось далеко от валирийского дерева.

– Вестеросцы? – спросил наемник на общем.

– Дорнийцы. Мой хозяин – виноторговец.

– Ты раб? Иди к нам – будешь сам себе господин. Мы научим тебя обращаться с копьем и мечом. Пойдешь в бой с Принцем-Оборванцем и вернешься богаче лорда. Будут тебе и девочки, и мальчики, что захочешь. Мы, Сыны Ветра, вставляем в зад богине резни!

Двое других наемников затянули военный марш. Квентин улавливал смысл: Сыны Ветра обещали полететь на восток, убить короля-мясника и поиметь королеву драконов.

– Будь с нами Клотус и Вилл, мы прихватили бы здоровяка и перебили бы всю их честную компанию, – сказал Геррис.

Но Клотус и Вилла нет больше.

– Не обращай внимания, – посоветовал Квентин. Купец и его приказчик вошли в гостиницу под дразнилки наемников, обзывающих их бабами и трусливыми зайцами.

Здоровяк ждал их в комнатах на втором этаже. Капитан «Жаворонка» отзывался об этой гостинице хорошо, но Квентин все-таки опасался оставлять без присмотра золото и другое добро. В каждом порту есть воры – в Волантисе даже поболее, чем в других.

– Я уж собирался идти искать вас, – сказал, отперев засов, сир Арчибальд Айронвуд. Здоровяком его прозвал кузен Клотус, и было за что: шесть с лишком футов росту, широченные плечи, огромное пузо, ноги как древесные стволы, ручки как окорока, а шеи, считай, вовсе нет. Из-за перенесенной в детстве болезни у него выпали волосы, и голова, совершенно лысая, напоминала Квентину розовый гладкий валун. – Ну как, наняли корыто? Что контрабандист вам сказал?

– Что готов отвезти нас... в ближнее пекло.

Геррис, сев на кровать, стянул сапоги.

– Дорн с каждым часом кажется мне все милее.

– Предлагаю выбрать дорогу демонов, – сказал Арч. – Может, там не так опасно, как говорят. А если опасно, то тем больше нам будет чести. Кто посмеет нас тронуть? У Дринка меч, у меня молот – такого ни один демон не переварит.

– А что, если Дейенерис умрет, не дождавись нас? – возразил Квентин. – Нет, надо плыть морем. Пойдем на «Приключении», раз ничего лучше нет.

– Сильно же ты любишь свою Дейенерис, раз готов терпеть эту вонь месяцами, – фыркнул Геррис. – Я, к примеру, дня через три начну молить, чтоб меня прирезали. Нет уж, мой принц, только не «Приключение».

– Можешь предложить что-то другое?

– Могу. Вот только сейчас пришло в голову. Тут есть свой риск, и чести мы себе этим не наживем... но к твоей королеве доберемся быстрее, чем по дороге демонов.

– Поделись, – сказал Квентин.

Джон

Он перечитывал письмо, пока слова не начали расплываться. Нет. Не может он подписать это и не подпишет.

Борясь с желанием сжечь пергамент на месте, он допил остатки эля от прошлого ужина. Придется все-таки подписать. Его выбрали лордом-командующим. Он отвечает за Стену и за Дозор, а Дозор ни на чью сторону не становится.

Джон испытал облегчение, когда Скорбный Эдд Толлетт доложил о приходе Лилли. Письмо мастера Эймона он на время отложил в сторону.

– Пусть войдет, и найди мне Сэма. – Джон боялся предстоящего разговора. – После нее я поговорю с ним.

– Он, должно быть, внизу, с книгами. Наш старый септон говаривал, что книги – это слова мертвецов, а я скажу, что лучше б они помолчали. Кому охота их слушать. – Эдд вышел, бормоча что-то о пауках и червях.

Лилли, войдя, тут же хлопнулась на колени. Джон встал из-за стола и поднял ее.

– Не надо этого делать, ведь я не король. – Лилли, хотя и успела родить, казалась ему ребенком – худышка, закутанная в старый плащ Сэма. В этой широченной хламиде поместилось бы еще несколько таких девочек. – Как ребяташки?

– Хорошо, милорд, – застенчиво улыбнулась из-под капюшона Лилли. – Я сперва боялась, что у меня молока на двоих не хватит, но они сосут, и оно прибывает.

– Хочу сказать тебе кое-что... не слишком приятное. – Джон чуть не произнес «хочу тебя попросить», но вовремя удержался.

– Про Манса, милорд? Вель умоляла короля его пощадить. Сказала, что пойдет за любого поклонника и резать его не станет, только бы Манс жил. Небось, Гремучую Рубашку не трогают! Крастер всегда грозился его убить – пусть, мол, только сунется к замку. Манс и половины того не сделал, что он.

«Да... Манс всего лишь хотел захватить страну, которую поклялся оборонять».

– Манс, присягнув Ночному Дозору, сменил плащ, женился на Далле и объявил себя Королем за Стеной. Его жизнь теперь в руках короля Станниса. Мы будем говорить не о нем, а о мальчике – сыне его и Даллы.

– О малыше? – Голос Лилли дрогнул. – Он-то ведь присяги не нарушал. Спит, кричит, грудь сосет, никому зла не делает. Не дайте ей его сжечь. Спасите его!

– Только ты одна можешь его спасти, Лилли, – сказал Джон и объяснил как.

Другая на ее месте раскричалась бы, стала ругаться, послала бы его в семь преисподних. Другая била бы его по щекам, лягалась, норовила глаза ему выпарапать. Другая отказала бы наотрез.

– Нет, – пролепетала Лилли. – Прошу вас, не надо так.

– Нет! – заорал ворон.

– Если откажешься, ребенка сожгут. Не завтра, не послезавтра, но скоро... как только Мелисандра захочется пробудить дракона, поднять бурю или сотворить еще какое-то колдовство, для которого нужна королевская кровь. Манс к тому времени станет пеплом, вот она и бросит в огонь его сына, а Станнис ни слова не скажет ей поперек. Если не увезешь мальчика, он погибнет.

– Давайте я увезу их обоих – и Даллиного, и своего. – У Лилли по щекам тихо катились слезы – без свечи Джон нипочем не узнал бы, что она плачет. Жены Крастера, как видно, учили своих дочерей плакать в подушку – или уходить подальше от дома, где отцовский кулак не достанет.

– Если возьмешь обоих, люди королевы погонятся за тобой и вернут назад. Мальчика все равно сожгут, и ты сгоришь вместе с ним. – Нельзя сдаваться, иначе она подумает, что Джона тронули ее слезы. Он должен проявить твердость. – Ты возьмешь одного мальчика: сына Даллы.

– А мой как же? Мать, бросившая сына, будет навеки проклята! Мы так хотели его спасти, Сэм и я. Прошу вас, милорд. Мы так долго несли его по морозу.

– Замерзать, говорят, не больно, а вот огонь... видишь свечку?

– Да... вижу.

– Протяни над ней руку.

Лилли, чьи карие глаза заняли пол-лица, не двинулась с места.

– Ну же. Давай. – «Убей мальчика», – мысленно добавил он.

Она протянула дрожащую руку высоко над огнем.

– Ниже. Ощути его поцелуй.

Лилли опустила руку на дюйм, потом на два. Когда пламя коснулось ее, она отдернула ладонь и расплакалась.

– Смерть в огне – жестокая смерть. Далла умерла, родив сына, но вскармливала его ты. Ты спасла своего ребенка от холода, спаси ее мальчика от костра.

– Тогда она моего сожжет, красная женщина! Раз Даллиного не будет, она отдаст огню моего.

– В твоём нет королевской крови – Мелисандра ничего не достигнет, предав его пламени. Станнис хочет привлечь вольный народ на свою сторону и не станет жечь невинное дитя без веской причины. С твоим мальчиком ничего не случится. Я найду ему кормилицу и выращу его здесь, в Черном Замке. Он будет ездить верхом, охотиться, научиться владеть мечом, топором и луком. Даже грамоту будет знать. – Сэм одобрил бы это. – Когда он подрастет, то узнает, кто его настоящая мать. Захочет найти тебя – вольная ему воля.

– Вы его сделаете вороной. – Лилли утерла слезы маленькой бледной рукой. – Не хочу. Не хочу!

«Убей мальчика», – подумал он.

– Ну так вот тебе мое слово: в тот день, когда сожгут сына Даллы, умрет и твой!

– Умрет, – подтвердил ворон. – Умрет, умрет.

Лилли съезжилась, не отрывая глаз от свечи.

– Можешь идти, – сказал Джон. – Будь готова отправиться в путь за час до рассвета, и чтоб никому ни слова. За тобой придут.

Лилли встала и вышла молча, ни разу не оглянувшись. Джон слышал, как она пробежала по оружейной.

Подойдя закрыть дверь, он увидел, что Призрак, лежа под наковальней, гложет говяжью кость.

– А, вернулся? Давно пора. – Джон снова взялся перечитывать письмо Эймона.

Вскоре явился Сэмвел Тарли с большой стопкой книг. Ворон Мормонта тут же налетел на него, требуя зерен. Сэм взял пригоршню из мешка у двери, и ворон чуть ладонь ему не проклюнул. Сэм взвыл, ворон взлетел, зерно рассыпалось по полу.

– Эта тварь тебя ранила?

Сэм осторожно снял перчатку с руки.

– Ну да. Вот, кровь идет!

– Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. – Джон ногой подвинул Сэму стул. – Сядь и прочти.

– Что это?

– Бумажный щит.

Сэм медленно начал читать.

– Письмо королю Томмену?

– В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечях. Его так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. – Джон подошел к окну, распахнул ставни. Небо было серое, но холодный воздух бодрил. – Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Сэм посмотрел на него как-то странно и хотел, кажется, что-то сказать, но передумал и снова взялся за чтение.

– Здесь нет твоей подписи.

Джон покачал головой:

– Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью – особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

– Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. Тут так и сказано.

– Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. – Джон забрал у Сэма письмо. – С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

– Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не украсит.

– Смерть и разрушение – вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств, – вслух прочел Джон. – Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди...»

– Так мы ведь и правда не его люди, – поерзав, заметил Сэм. – Верно?

– Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

– Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

– Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

– Да, но... если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной.

– Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если Станнис сумеет поднять Север...

– У Ланнистеров есть свои северяне, – сказал Сэм, помедлив. – Лорд Болтон и его бастард.

– А у Станниса – Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань...

– Если, – подчеркнул Сэм. – Если же нет... то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

– Пожалуй. – И Сэм туда же. Джон почему-то надеялся, что его друг рассудит иначе, чем Эймон. «Э, что там... это всего лишь чернильные каракули на пергаменте». Джон взял перо и поставил подпись. – Давай воск. – Сэм заторопился, боясь, что друг передумает. Джон приложил к воску печать лорда-командующего и вручил письмо Сэму. – Отнеси мейстеру Эймону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

– Хорошо, – с заметным облегчением сказал Сэм. – Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала...

– Вель снова присылала ее просить за Манса, – солгал Джон. Некоторое время они толковали о Мансе, Станнисе и Мелисandre из Асшая. Потом ворон, склевав последнее зернышко, каркнул «Крровь», а Джон сказал:

– Я отсылаю Лилли из замка. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

– Можно козым молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. – Разговор, коснувшийся женской груди, привел Сэма в смущение, и он начал вспоминать о других юных лордах-командующих, живших в незапамятные времена.

– Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге, – прервал его Джон.

– Иные... – Сэм облизнул губы. – Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непрочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел... а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, Рассветных Веках и Долгой Ночи, пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей... ну ты сам знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени – стало быть, его составили...

– Очень давно. Так что же Иные?

– Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда наступают холода, а может, это холода наступают, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью... или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях – им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Малыша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки – не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

– Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с ними бороться.

– Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

– Драконова сталь? Валирийская?

– Я тоже сразу так и подумал.

– Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно. – «Не труднее, чем уговорить их расстаться с замками и монетой», – с невеселой усмешкой подумал Джон. – Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

– Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что только возможно.

– Нет у нас времени. Собирай вещи, Сэм – ты поедешь вместе с Лилли.

– Поеду? – опешил Сэм. – Куда, в Восточный Дозор? Или...

– В Старомест.

– В Старомест! – чуть ли не взвизгнул Сэм.

– Эймон тоже едет с вами.

– Эймон? Как же так... ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

– Клидас. Он много лет провел рядом с Эйемоном.

– Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эйемон так стар. Путешествие по морю...

– Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь...

– Ох, – побледнел Сэм.

– В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут вам завоевать кого-нибудь из южан. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эйемон пристроит ее в Цитадель служанкой.

– Мой б-бастард... Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком, но Дареон может проводить ее до Староместа не хуже, чем я. Я учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. – Сэм показал Джону руку. – Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, хотя и остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

– Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся... как и луки со стрелами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

– Но моя работа здесь... книги...

– Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу.

– Милорд... В Цитадели заставляют резать трупы. И потом, я не смогу носить цепь.

– Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар, слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

– Если ты попросишь у Цитадели еще мейстеров...

– И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то просто. – Все шло не так, как задумал Джон. Он знал, что с Лилли придется трудно, но предполагал, что Сэм будет только рад сменить холодную Стену на тепло Староместа. – Я был уверен, что тебе это понравится. В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

– Нет. Читать я люблю, но мейстер должен был целителем, а я крови боюсь. – В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. – Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

– Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

– Его д-драконово стекло убило, не я.

– Успокойся, – отрезал Джон. Страхи толстяка после разговора с Лилли вызывали у него злость. – Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Староместские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

– Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл, он, он... Мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. Я не могу послушаться своего отца, Джон.

«Убей мальчика, – мысленно сказал Джон. – И в нем, и в себе. Убей обоих, чертов бастард».

– Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, – помнишь?

– Я... я попробую.

– Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

– Приказ, – подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями, и Сэм как-то сразу обмяк.

– Слушаюсь, милорд. А мейстер Эйемон уже знает?

– Мы с ним задумали это вместе. – Джон открыл перед Сэмом дверь. – Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета у кладбища.

Сэм улетучился, не уступая в быстроте Лилли.

Джон устал и хотел спать. Половину минувшей ночи он сидел над картами, писал письма и строил планы вместе с мейстером Эйемоном. Даже когда он улегся наконец на свою узкую койку, сон пришел далеко не сразу. Зная, что ему предстоит сегодня, Джон все время вспоминал то, что напоследок сказал ему Эйемон.

«Позвольте дать вам последний совет, милорд. Тот самый, который я дал своему брату, расставаясь с ним навсегда. Ему было тридцать три, когда Великий Совет избрал его королем. Он имел уже собственных сыновей, но в чем-то еще оставался мальчиком, невинным и очень добрым. Мы все любили его за это. «Убей в себе мальчика, – сказал я, садясь на идущий к Стене корабль. – Государством должен править мужчина – Эйегон, а не Эг. Убей мальчика и дай мужчине родиться». – Старик ощупал лицо Джона. – Тебе вполтину меньше, чем было Эгу тогда, и ноша твоя, боюсь, еще тяжелее. Твоя должность не принесет тебе радости, но я верю, что ты найдешь в себе силы сделать то, что должно быть сделано. Убей мальчика, Джон Сноу. Зима вот-вот настанет. Убей мальчика и дай мужчине родиться».

Джон надел плащ и начал свой ежедневный обход. Он расспрашивал часовых, получая сведения из первых рук, заходил на стрельбище к Ульмеру, толковал с людьми короля и людьми королевы, поднимался на Стену, оглядывал лес. Призрак трусил рядом, как белая тень.

Стену караулил Кедж Белоглазый, прослуживший в Дозоре тридцать из своих сорока с лишним лет. Один глаз у него был слепой, другой смотрел злобно. В глуши, верхом на пони и с топором в руке, он был ничуть не хуже других разведчиков, но с людьми ладил плохо.

– Все спокойно, – сказал он Джону. – Докладывать не о чем, кроме заплутавших разведчиков.

– Заплутавших? Как это?

Кедж ухмыльнулся.

– Двое рыцарей час назад выехали на юг по Королевскому тракту. Ну Дайвин и сказал: дураки, мол, не в ту сторону едут.

– Понятно, – сказал Джон и пошел к самому Дайвину. Старый лесовик ел ячменную похлебку в казарме.

– Точно, милорд. Хорп и Масси. Говорят, их Станнис послал, а куда, зачем и когда вернуться – молчок.

Сир Ричард Хорп и сир Джастин Масси – люди королевы и советники короля. Если бы Станнис хотел послать кого-то в разведку, вполне хватило бы вольных всадников; рыцари могут быть скорее гонцами или послами. Коттер Пайк из Восточного Дозора прислал известие, что Луковый Лорд и Салладор Саан отплыли в Белую Гавань на переговоры с лордом Мандерли, – ничего удивительного, если Станнис отправил куда-то других послов. Его величество не из числа терпеливых.

Вернутся ли эти заплутавшие, вот вопрос. Они, конечно, рыцари, но Север им незнаком. Вдоль Королевского тракта много глаз, и не все они дружеские. Джона, впрочем, это не касается. Пусть Станнис секретничает – Джон, видят боги, тоже не без греха.

Призрак этой ночью спал у него в ногах, и Джон в кои веки не приснился себе в шкуре волка, но кошмар ему все же привиделся. Лилли, рыдая, умоляла не трогать ее детей, но он выхватил у нее младенцев, обезглавил, поменял головы местами и велел ей пришить их обратно.

Когда он проснулся, над ним высился Скорбный Эдд.

– Пора, милорд. Час волка. Вы наказывали вас разбудить.

Джон откинул одеяло.

– Принеси горячего что-нибудь.

Он успел одеться к возвращению Эдда с дымящейся чашкой. Ожидая подогретого вина, Джон с удивлением глотнул жидкий бульон с запахом морковки и лука-порея при отсутствии того и другого. В волчьих снах он ощущал запах и вкус гораздо сильнее: Призрак жил более полной жизнью. Пустую чашку Джон оставил на горне в кузнице.

У двери нес караул Кегс.

– Приведи ко мне Бедвика и Яноса Слинта, как рассветет, – сказал ему Джон.

Мир за дверью был темен и тих. Мороз пока еще не грозил смертью: когда взойдет солнце, станет теплей, и Стена по милости богов начнет плакать. Отъезжающие уже собрались у кладбища. Конвоем из дюжины конных разведчиков командовал Черный Джек Бульвер. В одной тележке лежали сундуки и мешки с припасами на дорогу, в другой, с верхом из вареной кожи, сидел мейстер Эймон – его укутали в медвежий мех, как ребенка. Лилли с красными опухшими глазами стояла рядом с Сэмом, держа на руках мальчика, укутанного не менее тщательно – поди разбери, ее это сын или Даллы. Джон всего несколько раз видел их вместе: сын Лилли постарше, сын Даллы покрепче, но посторонний глаз все равно не отличит одного от другого.

– Лорд Сноу, – окликнул мейстер, – у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквиус Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

– Непременно прочту, – пообещал Джон.

Мейстер вытер прохудившийся на холоде нос.

– Знание – наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

– Хорошо. – Ощувив щекой холодное мокрое прикосновение, Джон поднял глаза. Снег пошел – дурной знак. – Поезжайте как можно быстрее, – сказал он Черному Джеку, – но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец – присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

– И о другом малыше позаботьтесь, милорд. – Лилли не спешила садиться в повозку. – Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы мальчик Даллы... маленький принц... вырос большим и сильным.

– Даю слово.

– И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета – нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

– Как скажете, госпожа моя.

– Не называйте меня так. Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера – и мать. – Вручив ребенка Скорбному Эдду, Лилли села в тележку, укрылась полостью, дала мальчику грудь. Сэм, покраснев, отвернулся и сел на свою кобылу.

– Тронулись, – скомандовал Бульвер, щелкнув кнутом. Тележки покатались по тракту.

– Прощайте, – сказал Сэм провожающим.

– Счастливо, Сэм, – откликнулся Скорбный Эдд. – Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

– Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, – вспомнил Джон, – худышку с большим животом. Призрак накинута на ее кроликов – я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

– У нее больше мужества, чем она полагает, – ответил Сэм.

– У тебя тоже. Счастливого тебе пути, Сэм. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. – Тающие на лице снежинки напомнили Джону о прощании с Роббом в Винтерфелле – он не знал тогда, что больше они не увидятся. – И надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Когда маленькая колонна скрылась из виду, восточный небосклон совсем почернел, и снег повалил хлопьями.

– Великан ждет милорда, – напомнил Эдд. – И Янос Слинг тоже.

– Иду. – Джон посмотрел на ледовую громаду Стены. Сто лиг в длину, семьсот футов в высоту. В высоте ее сила, в протяженности – слабость. Отец сказал когда-то, что Стена опирается на людей, которые ее защищают. Храбрости Ночному Дозору не занимать, но слишком их мало для стоящей перед ними задачи.

Великан ждал в оружейной. По-настоящему его звали Бедвик, и ростом он был меньше всех в Дозоре.

– Нам нужно побольше глаз вдоль Стены, – сразу приступил к делу Джон. – Побольше замков, где патрульные смогут согреться, поесть горячего и сменить лошадей. Будешь командовать гарнизоном в Ледовом Пороге.

Великан выковырнул воск из уха.

– Кто, я? Милорд не забыл часом, что я из крестьян и на Стену за браконьерство попал?

– Ты в разведчиках больше десяти лет. Выжил на Кулаке Первых Людей и вернулся назад с докладом о том, что произошло в Замке Крастера. Молодежь на тебя равняется.

– Разве что карлики, – засмеялся Бедвик. – Я и читать не умею, милорд, – имя свое, правда, могу написать.

– Я уже послал в Старомест за мастерами. Для срочных случаев у тебя будут два ворона, а если дело терпит, пришлешь гонца. Я намерен поставить сигнальные маяки вдоль Стены, пока мы не разживемся мастерами и птицами.

– И сколько же несчастных парней будет у меня под началом?

– Двадцать дозорных, десять людей Станниса. – «Раненые, старики и юнцы», – добавил мысленно Джон. – Не лучшие из королевских рядов, и черное они не будут носить, но Станнис им велит тебя слушаться. Хоть маленькая, да польза. Четверо братьев, которых я тебе дам, приехали из Королевской Гавани с лордом Слингом. Следи за ними одним глазком, а другим высматривай скалолазов с той стороны.

– Последить-то можно, милорд, но если на Стену заберется много народу, тридцать человек их не скинут.

«Может, и триста не скинут», – подумал Джон, но вслух этого не сказал. Скалолазы уязвимее всего, пока лезут. Сверху на них бросают камни, копья и горшки с кипящей смолой, а они только и могут что цепляться за лед. Порой кажется, будто сама Стена их стряхивает с себя, точно собака блох. Джон своими глазами видел, как треснула она под Ярлом, возлюбленным Вель.

Но если одичалые взберутся на Стену обнаруженными, все будет совсем по-другому. Укрепившись наверху, они спустят вниз веревки и лестницы для тысяч своих братьев. Именно так поступил Реймун Рыжебородый, бывший Королем за Стеной во времена прапрадеда Джона. Лордом-командующим тогда был Джек Масгуд – до нашествия одичалых Джек-Весельчак, а после на все времена Джек-Засоня. Войско Реймуна нашло свой кровавый конец на берегах Длинного озера, зажатое между лордом Виллемом из Винтерфелла с одной стороны,

и Хармондом Амбером, Пьяным Гигантом, с другой. Самого Реймуна убил Артос Неумолимый, младший брат обезглавленного в бою лорда Виллема. В гневе и горе он приказал людям Ночного Дозора, опоздавшим на поле сражения, похоронить всех убитых.

Джон не хотел остаться в веках как Сноу-Засоня.

– Лучше тридцать, чем совсем никого, – заметил он Бедвику.

– Это верно. Милорд только в Ледовый форт пошлет гарнизон или в другие тоже?

– Я намерен со временем заселить все, но пока что отправлю людей только в Ледовый Порог и Серый Дозор.

– Кто будет в Сером командовать?

– Янос Слинг. – «Да помогут нам боги». – Полного дурака начальником городской стражи не поставили бы. Слинг хоть и родился от мясника, стал капитаном Железных ворот, а после смерти Манли Стокворта Джон Аррен доверил ему защиту всей Королевской Гавани. – «К тому же его надо убрать подальше от Аллисера Торне».

– Может, оно и так, но я бы его лучше на кухню наладил – резать репу Трехпалому Хоббу.

Джон побоялся бы есть эту репу.

Лорд Янос на зов командующего отнюдь не спешил. Прошла уже половина утра, и Джон чистил Длинный Коготь. Другой на месте Джона поручил бы эту работу стюарду или оруженосцу, но лорд Эддард учил своих сыновей заботливо относиться к оружию. Когда Эдд и Кегс привели к нему Слинга, он поблагодарил их и предложил лорду сесть.

Тот скрестил руки и нахмурил чело, невзирая на обнаженный меч в руках лорда-командующего. Джон, вода масляной тряпицей по играющему при свете утра мечу, думал, как легко было бы отделить безобразную голову Слинга от туловища. Человек, надевая черное, очищается от всех своих преступлений и отрекается от всех прежних союзников, но Джону трудно было смотреть на Яноса как на брата. Их разделяла кровь. Слинг приложил руку к смерти лорда Эддарда и чуть было не расправился с самим Джоном.

– Лорд Янос, – Джон убрал меч в ножны, – я назначаю вас командующим форта Серый Дозор.

– Серый Дозор? – удивился Слинг. – Это там вы перебрались со своими одичалыми через Стену...

– Именно. Крепость в плачевном состоянии, не стану скрывать – вам предстоит восстановить ее по возможности. Начните с вырубки леса. Берите камни из построек, которые совсем развалились, и чините те, что еще стоят. – «Это тяжелый труд, – мог бы добавить Джон. – Будешь засыпать прямо на камне, слишком устав для жалоб и козней; забудешь, что такое тепло, но вспомнишь, быть может, что значит быть мужчиной». – В гарнизоне у вас будет тридцать человек – десять от меня, десять из Сумеречной Башни, десять от короля Станниса.

Слинг потемнел, как чернослив, и затряс мясистыми брылами.

– Думаешь, я не вижу, что ты задумал? Яноса Слинга не проведешь. Я охранял Королевскую Гавань, когда ты еще пеленки марал. Оставь свои руины себе, бастард.

«Я всего лишь хотел оказать тебе милость, – подумал Джон. – Мой отец от тебя ее не дождался».

– Вы неверно меня поняли. Это не предложение, милорд, это приказ. До Серого Дозора сорок лиг. Собирайте оружие и доспехи, прощайтесь с друзьями и будьте готовы отбыть туда завтра, как рассветет.

– Так я тебе и пошел подыхать на морозе. – Янос вскочил, перевернув стул. – Не станет Янос Слинг повиноваться ублюдку изменника! Да, у меня есть друзья – как в Королевской Гавани, так и здесь. Я лорд Харренхолла! Отдай свои развалины кому-нибудь из тех дураков, кто голосовал за тебя, а мне их даром не надо. Слышишь, мальчишка? Я туда не пойду!

– Нет, пойдите.

Слинг, не удостоив его ответом, пнул опрокинутый стул и вышел.

«Он все еще видит во мне мальчишку, – сказал себе Джон. – Ребенка, который уймется, если на него накричать. Остается лишь надеяться, что на следующее утро лорд Янос придет в себя».

Утром выяснилось, что надеялся Джон напрасно.

Слинт завтракал с Аллисером Торне и своими поддипалами. Они смеялись над чем-то, когда Джон сошел в трапезную с Железным Эмметом и Скорбным Эддом. Следом шли Малли, Конь, Рыжий Джек Крэб, Расти Флауэрс и Оуэн Олух. Трехпалый Хобб разливал из котла овсянку. Люди королевы, люди короля и черные братья сидели отдельно. Одни ели кашу, другие набивали животы ветчиной и поджаренным хлебом. За одним столом Джон заметил Пипа и Гренна, за другим Боуэна Мурша. Пахло дымом и жиром, ножи и ложки стучали вовсю.

При появлении Джона все разом умолкли.

– Лорд Янос, – сказал он, – говорю вам в последний раз: отложите ложку и ступайте на конюшню. Я уже велел оседлать вам коня. Путь в Серый Дозор труден и долог.

– Вот и отправляйся туда, мальчуган, – захихикал Слинт, брызгая овсянкой на грудь. – Серый Дозор для таких, как ты, самое место: подальше от порядочных богобоязненных людей. На тебе клеймо зверя, бастард.

– Вы отказываетесь подчиниться приказу?

– Засунь свой приказ в свою бастардову задницу, – посоветовал Слинт, тряся брылами.

Аллисер Торне улыбнулся углами губ, не сводя черных глаз с Джона. За другим столом ржал Годри Победитель Великанов.

– Воля ваша. – Джон кивнул Железному Эммету. – Отведите лорда Слинта к Стене...

«...И заключите его в ледяную камеру», – мог бы сказать Джон. Неделя во льду усмирит Слинта как нельзя лучше – но, выйдя оттуда, он тут же снова начнет злоумышлять вместе с Торне.

«...И привяжите его к седлу», – мог бы сказать Джон. Не хочет ехать в Серый Дозор командиром, пусть едет в качестве повара. Но вскоре он дезертирует – и скольких еще уведет с собой?

– ...И повесьте его, – сказал Джон.

Слинт, побелев, выронил ложку. Эдд и Эммет двинулись к нему, звонко шагая по камню. Боуэн Мурш открыл рот и снова закрыл. Сир Аллисер Торне взялся за меч. «Давай, – подумал Джон. – Доставай. Дай мне случай обнажить свой».

Многие поднялись из-за столов – как южане, так и люди Ночного Дозора. Одни братья голосовали за Джона, другие – за Боуэна Мурша, сира Денниса Маллистера, Коттера Пайка... и Яноса Слинта. Последних, насколько Джон помнил, было несколько сотен – многие ли из них сейчас здесь? Все балансировало на острие клинка.

Аллисер Торне убрал руку и посторонился, пропустив Эдда.

Эдд и Эммет, взяв Слинта под локти, подняли его со скамьи.

– А ну отпустите! – возмутился, брызгая овсянкой, лорд Янос. – Он всего лишь мальчишка, бастард, сын изменника. На нем волчье клеймо. Руки прочь! Вы пожалеете, что осмелились тронуть Яноса Слинта. У меня друзья в Королевской Гавани, предупреждаю... – Он не умолкал ни на миг, пока его волокли вверх по ступеням.

Джон вышел следом, остальные тоже повалили наружу. У клетки Слинту удалось вырваться, но Эммет взял его за горло и стукнул несколько раз о железные прутья. Вокруг уже собрался весь Черный Замок. Вель смотрела в окно, перекинув золотую косу через плечо, Станнис в окружении рыцарей стоял на крыльце Королевской башни.

– Мальчишка ошибается, думая, что может меня напугать, – клокотал Слинт. – Он не посмеет меня повесить. У меня есть могущественные друзья... – Остаток его слов унес ветер.

«Нет, – подумал Джон. – Это неправильно».

– Стойте!

– Милорд? – оглянувшись на него, нахмурился Эммет.
– Не стану я его вешать. Ведите его сюда.
– Смилуйтесь, Семеро, – вырвалось у Боуэна Мурша.
Улыбка Яноса Слинта напоминала прогорклое масло.
– Эдд, раздобудь мне плаху, – сказал Джон, вынув Длинный Коготь из ножен.
Увидев, как несут мясную колоду, Янос залез в клеть, но Эммет его мигом вытащил.
– Нет! – кричал Слинг. – Отпусти... вы все поплатитесь, когда Тайвин Ланнистер услышит об этом...
Эммет поставил его на колени у плахи, Эдд уперся ему в спину ногой.
– Ведите себя смирно, – сказал Джон. – Вы все равно умрете, только мучиться дольше будете. Положите голову как следует. – Высоко занесенный меч сверкнул на бледном утреннем солнце. – Если хотите что-то сказать, теперь самое время.
Он ожидал проклятий, но Слинг залепетал, глядя ему в глаза:
– Умоляю, милорд... Пощадите. Я согласен, согласен...
«Поздно», – подумал Джон, и меч опустился.
– Можно мне его сапоги взять? – спросил Оуэн Олук, когда голова Слинта упала в грязь. – Новые почти, на меху.
Джон на миг встретился глазами со Станнисом. Король кивнул и ушел в свою башню.

Тирион

Он проснулся в одиночестве. Носилки стояли, на подушках остался отпечаток тела Иллирио. В пересохшем горле саднило. Ему что-то снилось, но он забыл что.

Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. Тирион спустил ноги, прыгнул. Над Иллирио возвышались два всадника в кожаных рубашках и плащах из темно-коричневой шерсти. Их мечи оставались в ножнах, и толстяку, похоже, ничего не грозило.

– Я по нужде. – Тирион сошел с дороги, развязал бриджи и стал поливать колючий кустарник. Продолжалось это довольно долго.

– Ну, ссать он мастер, во всяком разе, – заметил кто-то.

– Это что, – сказал Тирион, завязывая тесемки, – видели бы, как я сру. Ты знаешь этих двоих, магистр? На разбойников смахивают. Может, топор достать?

– Топор? – повторил дюжий ярко-рыжий всадник с растрепанной бородой. – Слыхал, Хелдон? Человечек хочет сразиться с нами!

Второй был постарше, с чисто выбритым аскетическим лицом и стянутыми в хвост волосами.

– Маленькие люди часто хвастаются, чтобы придать себе мужества, – сказал он. – Утку он, думаю, не убьет.

– Подавайте сюда утку – увидите.

– Как скажешь. – Тот, что постарше, посмотрел на своего спутника, и рыжий, обнажив меч, сказал:

– Я и есть Утка, болтун писучий.

«Боги!»

– Предпочел бы утку поменьше.

– Слыхал, Хелдон? – заржал рыжий. – Поменьше бы предпочел!

– Он поменьше, а я потише. – Хелдон, оглядев Тириона холодными серыми глазами, спросил Иллирио: – Для нас есть что-нибудь?

– Сундуки и мулы, которые их повезут.

– Мулы слишком медленно тащатся. У нас лошади, перенесем сундуки на них. Займись, Утка.

– Вечно Утка. – Рыжий спрятал меч в ножны. – Кто тут рыцарь, ты или я? – Высказав свое недовольство, он зашагал к мулам.

– Как наш парень? – спросил Иллирио. Дубовые, окованные железом сундуки Утка таскал, взваливая их себе на плечо. Тирион насчитал шесть штук.

– С Гриффа вымахал. На днях кинул Утку в поилку для лошадей.

– Ничего он не кинул. Я сам упал, чтоб его насмешить.

– Твоя шутка имела успех – я тоже смеялся.

– В одном из сундуков для него есть подарок, засахаренный имбирь. Мальчик его любит, – с непонятной Тириону грустью сказал Иллирио. – Поеду, пожалуй, с вами до Гойан Дроз – устроим прощальный пир.

– Недосуг пировать, милорд. Грифф отправится вниз, как только дождется нас. Снизу идут недобрые вести. У Кинжального озера замечены дотракийцы из кхаласара старого Мото, а следом, через Квохорский лес, движется Зекко.

Толстяк изобразил неприличный звук.

– Зекко каждые три года навещает Квохор. Там ему дают мешок золота, и он поворачивает обратно. А у Мото почти нет воинов моложе его самого – их с каждым годом все меньше. Угроза не в них...

– ...а в Поно, – закончил Хелдон. – Мото и Зекко, если слухи правдивы, бегут как раз от него. В последний раз Поно видели у истоков Селхору с тридцатитысячным кхаласаром, вот Грифф и опасается, как бы кхал его не застукал на переправе. Твой карлик ездит верхом не хуже, чем ссыт?

– Ездит, – ответил Тирион, – но в особом седле и на лошади, которую хорошо знает. Говорить он тоже умеет.

– Ну-ну. Я Хелдон, целитель в нашем маленьком братстве. Иногда меня зовут Полумейстером. А мой напарник – сир Утка.

– Сир Ройли, – поправил рыжий. – Ройли Уткелл. Рыцарь может посвятить в рыцари кого хочет – Грифф посвятил меня. А ты, карлик, кто?

– Его зовут Йолло, – быстро ответил Иллирио.

Йолло? В самый раз для обезьянки. Хуже того, имя пентосское, хотя всякому дураку видно, что Тирион вовсе не пентошиец.

– Это в Пентосе я так называюсь, – сказал он, предупреждая возможные замечания. – Мать нарекла меня Хугор Хилл.

– Так кто ж ты, бастард или царь?

С этим Хелдоном Полумейстером ухо надо держать востро.

– Всякий карлик – бастард в глазах своего отца.

– Не сомневаюсь. Ответь-ка мне, Хугор Хилл: как Сервин Зеркальный Щит победил дракона Урракса?

– Заслонился щитом. Урракс видел только свое отражение, и Сервин вонзил копье ему в глаз.

– Это даже Утка знает. А можешь ли ты назвать рыцаря, который применил ту же уловку к Вхагару во время Пляски Драконов?

– Сир Бирен, – ухмыльнулся Тирион. – Потом его поджарили за труды, только убил он Сиракс, а не Вхагара.

– Боюсь, ты ошибаешься. Мейстер Манкен в «Подлинной истории Пляски Драконов» пишет, что...

– ...что это был Вхагар, но ошибается он, а не я. Оруженосец сира Бирена видел, как погиб его господин, и написал о том его дочери. В письме говорится, что это была Сиракс, дракон Рейениры, и смысла в этом больше, чем в версии Манкена. Сванн был сыном марочного лорда, Штормовой Предел поддерживал Эйегона, на Вхагаре летал брат Эйегона принц Эйемонд. Зачем бы Сванн стал убивать Вхагара?

– Постарайся не свалиться с коня, – поджал губы Хелдон, – а если свалишься, сразу трюхай обратно в Пентос. Наша робкая дева не ждет ни карликов, ни рослых мужчин.

– Люблю робких – и бойких тоже. Скажи, куда отправляются шлюхи?

– Я похож на человека, который их посещает?

– Где ему, – засмеялся Утка. – Лемора его заругает, парень захочет пойти вместе с ним, Грифф отрежет ему хрен и засунет в глотку.

– Ну и что ж. Мейстеру хрен не нужен.

– Он всего только полумейстер.

– Раз этот карлик так тебя забавляет, пусть он и едет с тобой, – сказал Хелдон, поворачивая коня.

Когда Утка погрузил сундуки Иллирио на трех лошадей, Хелдон успел скрыться из глаз. Сев на свою лошадь, сир Ройли сгреб Тириона за ворот и посадил впереди себя.

– Держись крепче, и все будет ладно. У кобылы ход ровный, драконья дорога гладкая, как девичий задок. – С этими словами он пустил лошадь рысью.

– Удачи вам! – крикнул вслед Иллирио. – Скажи мальчику: я сожалею, что не смогу быть у него на свадьбе. Встретимся в Вестеросе! Клянусь в том руками моей милой Серры.

Тирион оглянулся. Иллирио Мопатис стоял у носилок, ссутулив могучие плечи. С каждым мигон он удалялся, делаясь почти маленьким в клубах пыли.

Через четверть мили они нагнали Хелдона Полумейстера и поехали бок о бок с ним. Тирион держался за высокую луку седла. Ногам было неудобно: в недалеком будущем его ждали судороги и стертые ляжки.

– Любопытно, что сделают с нашим карликом пираты Кинжального озера? – сказал Хелдон.

– На похлебку пустят, – предположил Утка.

– Хуже всех там Уро Немытый, – сообщил Хелдон. – Одной своей вонью может человека убить.

– Я, к счастью, безносый, – сказал Тирион.

– Если мы у Ведьминых Зубов повстречаемся с леди Коррой, можешь лишиться и других частей тела. Ее прозвали Коррой Жестокой. Команда у нее сплошь из юных красавиц, и они кастрируют всех мужиков, которые им попадутся.

– Ужас. Сейчас штаны намочу.

– Лучше не надо, – мрачно предостерег Утка.

– Как скажешь. При встрече с леди Коррой я мигон надену юбку и скажу, что я Серсея, знаменитая бородатая красотка из Королевской Гавани.

Утка на это засмеялся, а Хелдон сказал:

– И забавник же ты, малыш Йолло. Говорят, Лорд-Покойник награждает всех, кто сумеет его рассмешить, – авось и тебе найдется местечко среди каменного двора его серой милости.

– Не годится над ним шутить так близко от Ройна, – забеспокоился Утка. – Он слышит.

– Утиным клювом глаголет мудрость. Не бледней так, Йолло, это я к слову. Горестный Принц серые поцелуи так просто не раздаст.

Серый поцелуй... прямо мурашки по коже. Смерти Тирион больше не боялся, а вот серая хворь... «Это всего лишь легенда, – сказал он себе, – вроде призрака Ланна Мудрого, который будто бы является в Бобровом Утесе», – но язык все-таки придержал.

Утка, не замечая внезапной молчаливости карлика, стал рассказывать ему историю своей жизни. Отец его был оружейником у Горького Моста; родился он под звон стали и с ранних лет учился владеть мечом. Лорд Касвелл взял его в свою гвардию, но парню хотелось большего: он видел, как хилый сын лорда стал пажом, оруженосцем, а там и рыцарем.

– Глиста глистой, зато единственный сын, кроме четырех дочек, – старый лорд не позволял о нем слова худого сказать. Другие оруженосцы на учебном дворе пальцем его тронуть не смели.

– Но ты был не столь послушен. – Тирион уже догадывался, чем закончится эта история.

– В шестнадцать лет отец выковал мне длинный меч, а Лорент его забрал – папаша не осмелился ему отказать. Я жаловаться, а Лорент мне: тебе, мол, молот держать, а не меч. Ну, я взял в кузне молот и отделал его – переломал половину ребер и обе руки. После этого я, в большой спешке покинув Простор, переправился через море и вступил в отряд Золотых Мечей. Сколько-то лет был у кузнеца в подмастерьях, пока сир Гарри Стрикленд меня в оруженосцы не взял. Потом Грифф прислал весть, что ему нужен человек обучать его сына военному мастерству, и Гарри выбрал меня.

– А Грифф посвятил тебя в рыцари.

– Ага, год спустя.

– Расскажи нашему дружку, как получил свое имя, – с ехидной улыбкой предложил Хелдон.

– У рыцаря должно быть, кроме нареченного, и родовое имя. После обряда посвящения я поглядел вокруг, увидел уток, ну и... чур не смеяться.

На закате они свернули с дороги на заросшую каменную площадку. Тирион соскочил поразмяться, Утка и Хелдон пошли поить лошадей. Замшелые стены вокруг говорили о том, что некогда здесь стояла большая усадьба. Обойдя животных, путники поужинали солониной и холодными бобами, запивая их элем. Простая пища служила приятным разнообразием после деликатесов, которые Тирион вкушал у Иллирио.

– Я сперва подумал, что в сундуках золото для Золотых Мечей, – сказал он, – но сир Ройли их таскал на одном плече – стало быть, нет.

– Там всего лишь доспехи, – ответил Утка.

– И одежда, – добавил Хелдон. – Придворное платье для всех нас. Тонкая шерсть, бархат, шелковые плащи. К королеве не подобает являться в убогой одежде или с пустыми руками. Магистр по доброте своей прислал нам приличествующие дары.

Взошла луна, и они снова пустились в путь под звездным пологом неба. Старая валирийская дорога мерцала впереди серебряной лентой, и Тирион чувствовал нечто вроде умиротворения.

– Ломас Странник правду сказал: эта дорога – настоящее чудо.

– Ломас Странник?

– Когда-то он объехал весь мир, – пояснил Хелдон, – и описал увиденное в двух книгах: «Чудеса света» и «Рукотворные чудеса».

– Один мой дядя дал мне их еще в детстве, – сказал Тирион. – Я их до дыр зачитал.

– «У богов семь чудес, смертные же сотворили девять», – процитировал Хелдон. – Нехорошо смертным опережать богов, но что делать. Валирийские каменные дороги – одно из девяти рукотворных чудес. Пятое, кажется.

– Четвертое. – Все шестнадцать чудес Тирион заучил наизусть. Дядя Герион во время пиров ставил его на стол и заставлял называть их. Тириону это нравилось, насколько он помнил. Нравилось стоять под устремленными на него взорами и доказывать, какой он умный бесенок. Годами он лелеял мечту объехать мир самому и увидеть чудеса Странника своими глазами.

Лорд Тайвин положил этим надеждам конец накануне шестнадцатилетия сына, когда Тирион попросил отпустить его в Вольные Города, – все его дяди в этом возрасте совершали такую поездку. «Мои братья дом Ланнистеров не позорили, – заявил отец. – Не женились на шлюхах». Когда же Тирион заметил ему, что через десять дней станет взрослым мужчиной и будет свободен ехать куда пожелает, лорд Тайвин сказал: «Никто не свободен – иначе думают только дети да дураки. Поезжай, если хочешь. Надевай шутовской наряд и становись на голову, потешая королей пряностей и сырных лордов, – помни только, что за дорогу туда будешь сам платить, а обратная дорога тебе заказана. – На этом мечтам Тириона пришел конец. – Тебе надо заняться чем-то полезным, вот что». И Тириона в ознаменование его взрослости поставили надзирать над стоками и цистернами Бобрового Утеса – может, отец надеялся, что сын в одну из этих емкостей свалится. Если так, его ожидало разочарование: никогда еще воды не стекали из замка так исправно, как это было при Тирионе.

Он охотно выпил бы вина, чтобы убрать изо рта вкус Тайвина. Лучше всего целый мех.

Они ехали всю ночь. Тирион засыпал, привалившись к луке, и просыпался опять. Когда он начинал соскальзывать вбок, сир Ройли рывком возвращал его на седло. К рассвету ноги у него отнялись, натертые щеки горели.

До Гойан Дроэ они добрались днем.

– Вот и сказочный Ройн, – сказал карлик, глядя с высокого берега на медленные зеленые воды.

– Малый Ройн, – поправил сир Ройли.

– Ну да. – Ничего речка, но любой из зубцов Трезубца вдвое шире ее, и текут они гораздо быстрее. Разочаровал Тириона и город. Из истории он знал, что Гойан Дроэ никогда не был

велик, но славился своей красотой, фонтанами и садами. До войны, до нашествия драконов. Теперь, тысячу лет спустя, каналы заилились и заросли тростником, над стоячими заводями роились мухи. Развалины дворцов и соборов ушли глубоко в землю, по берегам торчали кривые старые ивы.

Немногочисленные жители разводили огороды среди сорняков. Заслышав стук кованых копыт по старой дороге, они попрятались в свои норы – лишь самые смелые проводили всадников тусклыми нелюбопытными взглядами. Голая девчушка с грязными по колено ногами не сводила глаз с Тириона. «Что, не видела раньше карликов, да еще и безносых?» Он скорчил страшную рожу, высунул язык, и девочка разревелась.

– Чего это она? – спросил Утка.

– Я ей послал поцелуй. Девушки всегда плачут, когда я целую их.

У прибрежных ив дорога оборвалась. Всадники повернули и поехали вдоль реки до полузатопленного каменного причала.

– Хелдон! – позвал кто-то. – Утка!

Тирион огляделся. С крыши деревянной хибарки махал соломенной шляпой парнишка лет пятнадцати-шестнадцати, худенький, с гривой темно-синих волос.

Крыша, на которой он стоял, принадлежала, как оказалось, каюте «Робкой девы», ветхой плоскодонки с единственной мачтой. Широкое, с малой осадкой судно должно было легко пробираться по мелким протокам и переваливать через песчаные мели. Дева не из приглядных, решил Тирион, ну да ладно: дурнушки в постели бывают лучше красавиц. В Дорне такие лодки обычно ярко расписывают и украшают резьбой, но «Деву», явно не без умысла, выкрасили в зеленовато-бурый илистый цвет. Краска сильно облупилась, руль на корме был самой простой.

Утка отозвался. Кобыла вошла в мелкую воду, ломая тростник. Мальчик спрыгнул на палубу, где собралась вся команда. У руля стояла пожилая пара, по виду ройнары; из каюты вышла очень недурная собой септа в белых одеждах.

– Хватит орать, – сказал еще один. Это, несомненно, был Грифф. Над рекой опустилась глубокая тишина.

Тирион сразу понял, что с ним шутки плохи.

На плечах шкура красного ройнского волка с головой и лапами, под ней бурая кожа с железными кольцами. Кожа на бритом лице точно такая же, с морщинками в углах глаз. Волосы синие, как у сына, но корни рыжие, как и брови. На бедре меч и кинжал. Если он радовался Утке и Хелдону, то хорошо скрывал это, а на Тириона смотрел с нескрываемым отвращением.

– Это еще что такое?

– Знаю: ты надеялся увидеть хороший круг сыра. Синие волосы хороши в Тироше, – заметил Тирион юному Гриффу, – но в Вестеросе детишки забросают тебя камнями, а девушки засмеют.

– Моя мать была тирошийка, – опешил парень. – Я крашу волосы в память о ней.

– Что за уродец?! – не унимался его отец.

– Иллирио передал тебе письмо с объяснениями, – вмешался Хелдон.

– Давай сюда, а карлика отведи в каюту.

Усевшись напротив Гриффа за дощатый стол с сальной свечкой, Тирион рассмотрел поближе его глаза – бледно-голубые, как лед. Карлик не любил светлых глаз: у лорда Тайвина они были бледно-зеленые, с золотыми искрами.

Однако Грифф умел читать – многие ли наемники могут этим похвастаться? Даже губами почти не шевелил.

– Значит, Тайвин Ланнистер умер от твоей руки? – спросил он, щуя свои ледяные глаза.

– От пальца. Вот этого, – показал Тирион. – Лорд Тайвин сидел на толчке, и я выстрелил ему в брюхо из арбалета – посмотреть, вправду ли он срет золотом. Оказалось, что нет, а жаль. Золотишко бы мне пригодилось. Мать я тоже убил, только раньше. Еще племянника,

Джоффри. Отравил его на собственной свадьбе и смотрел, как он задыхается. Неужто торговец сырами его пропустил? Хочу еще внести в список брата с сестрой, если это порадует твою королеву.

– Порадует... Рехнулся Иллирио, что ли? Зачем ее величеству нужен изменник и цареубийца, открыто сознающийся в своих преступлениях?

Хороший вопрос. Тирион ответил на него так:

– Король, которого я убил, занимал ее трон, а предал я одних только львов, что опять-таки на руку королеве. Ты не бойся, тебя мне убивать незачем. – Тирион почесал половинку носа. – Мы с тобой не родня. Можно взглянуть, что пишет тебе торговец сырами? Люблю почитать о себе самом.

Грифф, не обратив на его просьбу никакого внимания, сжег пергамент на свечке.

– Между Таргариенами и Ланнистерами лежит кровь. Зачем тебе поддерживать одну из Таргариенов?

– Ради золота и славы, – весело сказал Тирион. – Еще из-за ненависти. Если б ты знал мою сестрицу, то понял бы.

– Ненависть мне понятна.

«Правду говоришь, – решил Тирион. – Ты много лет ужинаешь ненавистью и греешься ею по ночам».

– Значит, у нас есть нечто общее, сир.

– Я не рыцарь.

«А вот теперь ты лжешь, причем неумело. Глупо, сир».

– Утка говорит, что ты сделал рыцарем его самого.

– Утка слишком много болтает.

– Не странно ли, что утка вообще говорит? Ладно, Грифф, будь по-твоему. Ты не рыцарь, а я Хугор Хилл, маленькое чудовище. Твое собственное, если тебе угодно. Мое единственное желание – послужить твоей королеве драконов. Слово даю.

– Каким образом?

– Языком. – Тирион облизал пальцы один за другим. – Я могу сообщить ей, что на уме у моей сестры, если это можно назвать умом. Могу подсказать ее капитанам, как победить моего брата Джейме. Знаю, кто из лордов смел, а кто трус, кто предан трону, и кто замышляет месть. Могу обеспечить ей пару союзов. И в драконах я кое-что смыслю – справься у своего полумейстера. Еще я умею смешить и ем мало. Кто не захочет завести себе такого чудесного беса?

Грифф поразмыслил.

– Усвой вот что, карлик. Ты последний и наименее ценный в нашей компании. Держи язык за зубами и делай, что тебе говорят, не то пожалеешь.

«Да, отец», – чуть было не сказал Тирион.

– Как скажешь, милорд.

– Я не лорд.

«Врешь».

– Я говорю так из вежливости, мой друг.

– И не твой друг.

«Не рыцарь, не лорд и не друг».

– Экая жалость.

– Избавь меня от своей иронии. Докажешь свое послушание и полезность по дороге в Волантис – сможешь послужить королеве. Доставишь нам хоть малейшую неприятность – отправишься на все четыре стороны.

«Скорей всего на Ройна, где рыбы доедят то, что осталось от носа».

– Валар дохаэрис.

– Спать будешь на палубе или в трюме, выбирай сам. Изилла устроит тебе постель.

– Как мило с ее стороны. – Тирион откланялся и добавил с порога: – А что, если окажется, что эти драконы – всего лишь выдумка пьяных матросов? Мало ли сказок по свету ходит. Грамкины, снарки, призраки, русалки, горные тролли, крылатые кони, крылатые свиньи... крылатые львы.

– Я тебя предупредил, Ланнистер, – отрезал Грифф. – Держи язык на привязи, если не хочешь его потерять. На кону стоят королевства, наши жизни и наша честь. Думаешь, мы затеяли эту игру, чтобы тебя позабавить?

«Игру престолов? Почему бы и нет».

– Как скажешь, капитан, – произнес Тирион с новым поклоном.

Давос

Молния расколола северный небосклон, выделив черную башню Ночного Фонаря на голубоватом небе. Шесть мгновений спустя прокатился гром.

Стражники провели Давоса Сиворта по черному базальтовому мосту, под тронутой ржавчиной решеткой ворот. Над глубоким рвом висел на цепях другой мост, подъемный. Во рву билась о фундамент замка морская вода, караульная будка на той стороне обросла водорослями. Давос со связанными впереди руками заковылял через грязный двор. Холодный дождь заливал глаза. Подталкиваемый сзади копьями, он взобрался на ступени Волнолома.

Внутри капитан повесил свой плащ на колышек, чтобы не оставлять луж на потертом мирийском ковре. Давос сделал то же самое, повозившись с застежкой связанными руками. На Драконьем Камне его научили приличным манерам.

Лорд, сидя в сумрачном чертоге один, ел сестринскую похлебку, макая в нее хлеб и запивая пивом. Факелы были вставлены только в четыре из настенных светильников, и ни один из них не горел – скудный мигающий свет давали лишь две сальные свечи. По стенам хлестал дождь, где-то капало с прохуdivшейся крыши.

– Милорд, – сказал капитан, – этот человек предлагал в «Китовом брюхе» деньги, чтобы уплыть с острова. При нем нашли двенадцать драконов и это. – Капитан положил на стол широкую ленту из черного бархата с парчой по краям и тремя печатями. Коронованный олень на золотом воске, пылающее сердце на красном, рука на белом.

Промокший насквозь Давос ждал. Вережка впивалась в кожу. Одно слово этого лорда, и его вздернут на систертонской виселице, но тут хоть дождя нет, и под ногами твердый камень, а не колеблющаяся палуба. Горе, предательство и морские бури до смерти его измотали.

Лорд вытер рот рукой и прищурился, разглядывая ленту вблизи. В амбразурах снова сверкнула молния. Когда Давос сосчитал до четырех, грянул гром. В сменившейся его тишине опять послышалась капель и гул под ногами, где волны захлестывали темницы замка. Давос мог вскорости там оказаться: его прикуют к полу, и он утонет, когда начнется прилив. Нет-нет. Так может умереть контрабандист, но не королевский десница. Лорд добьется большего, если продаст его своей королеве.

Лорд ощупал печати. Он был некрасив – здоровенный, мясистый, плечищи как у гребца, шеи нет вовсе. Щеки и подбородок покрывала жесткая седая щетина, над массивным лбом простиралась лысина. Нос бугристый, в лопнувших жилках, губы толстые, между тремя пальцами правой руки перепонка. Давос слышал, что у некоторых лордов Трех Сестер есть перепонки на руках и ногах, но относил это к числу морских баек.

– Развяжите его, – приказал лорд. – И перчатки снимите. Покажите мне его руки.

Капитан повиновался. Когда он поднял вверх левую руку пленника, новая молния бросила тень от укороченных пальцев Давоса Сиворта на рубленое лицо Годрика Боррела, лорда Пригожей Сестры.

– Ленту украсть всякий может, но пальцы твои не лгут. Ты Луковый Рыцарь.

– Меня и худшими именами называли, милорд. – Давос, сам теперь лорд, рыцарем стал давно, но в глубине души остался тем же контрабандистом низкого звания, купившим себе рыцарство за груз соленой рыбы и лука.

– Ну да. Предатель, мятежник, перебежчик.

Последнее имя Давосу не понравилось.

– Я ни к кому не перебежал. Всегда служил одному королю.

– Если Станнис – король, то да. – Черные глаза лорда тяжело оглядели Давоса. – Рыцари, причаливающие к моим берегам, приходят ко мне в чертог, а не в «Китовое брюхо», этот контрабандистский притон. Вернулся к старому ремеслу, Луковый Рыцарь?

– Нет, милорд, просто искал судно, идущее в Белую Гавань. У меня поручение от короля к ее лорду.

– Тогда ты попал не в то место и не к тому лорду, – почти весело указал лорд Годрик. – Это Систертон на Пригожей Сестре.

– Знаю. – «Ничего пригожего в твоём Систертоне нет, – добавил про себя Давос. – Суший хлев, провонявший свиным навозом и тухлой рыбой». Давос хорошо помнил этот городишко по своему преступному прошлому. На Трёх Сестрах веками собирались контрабандисты, а еще раньше острова были пиратским гнездом. Улицы Систертонна – это брошенные в грязь доски, дома – крытые соломой мазанки, у Виселичных ворот всегда болтаются люди с выпущенными кишками.

– У тебя здесь, конечно, есть дружки, как у всякого контрабандиста. Некоторые из них и мои друзья тоже, а прочих я вешаю. Удавливаю медленно, с хлопающими о колени кишками. – Молния снова осветила чертог, и гром ударил уже на счет два. – Если тебе нужна Белая Гавань, что привело тебя в Систертон?

«Приказ короля и предательство друга», – подумал Давос и ответил вслух:

– Шторм.

От Стены отплыло двадцать девять кораблей. Давос удивился бы, узнав, что хотя бы половина из них уцелела. Ненастное небо, резкий ветер и ливни преследовали их вдоль всего побережья. Галеи «Оледо» и «Старухин сын» напоролись на рифы у Скагоса, острова единого рогов и каннибалов, куда опасался заходить даже «Слепой бастард», большой когг, потопленный Салладором Сааном у Серых Скал. «Станнис мне заплатит золотом за каждый корабль», – кипятился Салла. словно некий разгневанный бог взимал с них дань за легкий переход от Драконьего Камня на север. Новый шторм сорвал снасти с «Обильной жатвы», и пришлось взять ее на буксир. В десяти лигах севернее Вдовьего Дозора море снова разыграло; «Жатву» бросило на одну из ведущих ее галей, и обе пошли ко дну. Весь остальной лиссеный флот разбросало по Узкому морю. Одни корабли, возможно, дотащатся до какой-нибудь гавани, других никто уже не увидит.

«Салладор Нищий, вот кем сделал меня твой король, – жаловался Салла, когда остатки его флотилии ковыляли через Укус. – Салладор Разбитый. Где мои корабли? Где золото, которое мне обещали?» Давос уверял, что ему непременно заплатят, но Саллу это не умилило. «Когда же это? Завтра, в новолуние, при новом пришествии красной кометы? Он обещает мне золото и драгоценные камни, а я и в глаза их не вижу. Может ли Салладор Саан быть сыт королевским словом? Может ли утолить жажду пергаментами и восковыми печатями? Может ли уложить обещания на перину и драть их до поросычьего визга?»

Давос уговаривал его сохранить верность Станнису. Бросив его, Салла обещанного золота и вовсе никогда не получит: победоносный король Томмен вряд ли станет платить долги своего побежденного дядюшки. Единственная надежда – набраться терпения и поддерживать Станниса до восшествия его на Железный Трон.

Возможно, какой-нибудь сладкоречивый лорд убедил бы пирата, но речи Лукового Рыцаря еще больше взбесили Саллу. «Я терпел на Драконьем Камне, когда красная женщина жгла деревянных богов и вопящих людей. Терпел по пути к Стене. Терпел холод в Восточном Дозоре. Тыфу на твоё терпение и на твоего короля! Мои люди изголодались. Они хотят снова лечь со своими женами, пересчитать своих сыновей, увидеть Ступени и увеселительные сады Лисса. Лед, шторм и пустые обещания в перечень их желаний не входят. На Севере чересчур холодно и становится все холоднее».

Давос знал, что рано или поздно это случится. Он любил старого негодяя, но доверять Салле мог только полный дурак.

– Шторм, – нежно, как имя возлюбленной, повторил лорд. – До прихода андалов на Сестрах поклонялись штормам. Нашими богами были Владычица Волн и Владыка Небес. Совокуп-

ляясь, они каждый раз порождали бурю. Королям до Сестер дела никогда не было, мы ведь бедны, – однако шторм почему-то занес тебя именно к нам.

«Меня привез сюда друг», – поправил мысленно Давос.

– Можешь идти, – сказал капитану лорд Годрик, – и помни: этого человека здесь не было.

– Так точно, милорд. – Капитан удалился, оставляя на ковре мокрые отпечатки сапог. Море рокотало под полом. Вдали гроыхнула дверь, за окнами, словно в ответ, вспыхнула молния.

– Если вы переправите меня в Белую Гавань, милорд, – сказал Давос, – король сочтет это актом дружбы.

– Туда или в холодную мокрую преисподнюю – это уж мне решать.

«Можно подумать, в Систертоне у тебя рай». Давос боялся худшего. Три Сестры, суки этакие, верны только себе самим. Присягали они вроде бы Арренам из Долины, но вассалы из них никудышные.

– Сандерленд вытребует тебя, если прознает. – Боррел, лорд Пригожей Сестры, Лонг-сторп, лорд Длинной, и Торрент, лорд Малой, подчинялись Тристону Сандерленду, лорду всех трех островов. – И продаст тебя королеве за горшок ланнистерского золота. У бедняка с семьей сыновьями, которые все метят в рыцари, каждый дракон на счету. – Лорд, взяв деревянную ложку, снова принялся за похлебку. – Я проклинал богов, посылавших мне одних дочерей, пока не услышал, как Тристон жалуется на цены боевых скакунов. Знал бы ты, сколько рыбы требуется отдать за одни-единственные доспехи.

Давос из семи своих сыновей потерял четверых.

– Лорд Сандерленд присягал Гнезду и по правилам должен передать меня леди Аррен. – Лучше уж ей, чем Ланнистерам. Лиза Аррен не принимала участия в Войне Пяти Королей, но она дочь Риверрана, и Молодой Волк ей приходился племянником.

– Лиза Аррен убита каким-то певцом. Теперь в Долине правит Мизинец. Говори, где твои пираты? – Лорд, не дождавшись ответа, стукнул по столу ложкой. – Где лиссенийцы? Флинты из Вдовьего Дозора и Торрент с Малой Сестры видели их паруса – зеленые, розовые, оранжевые. Салладор Саан. Где он?

– В море. – Сейчас он, наверное, огибает Персты, возвращаясь на Ступени с немногими оставшимися у него кораблями. Быть может, по дороге он разживется еще несколькими, если повезет встретить мирных торговцев. Маленькое пиратство, чтобы скоротать путь. – Его величество отправил его на юг – беспокоить Ланнистеров и ланнистерских приспешников. – Давос долго репетировал эту ложь, гребя под дождем к Систертону. Рано или поздно мир все равно узнает, что Салладор Саан бросил Станниса Баратеона, но не из уст Давоса Сиворта.

Лорд помешал похлебку.

– А тебя старый пират вплавь на берег отправил?

– К берегу я приплыл на лодке, милорд. – Салла дождался, когда Ночной Фонарь осветит валирийский мол в гавани, и лишь тогда спустил шлюпку. Их дружбы хватило хотя бы на это. Лиссениец предлагал идти вместе с ним на юг, но Давос не захотел. «Станнис полагается на то, что его десница переманит к нему Вимана Мандерли, и я королевского доверия не предаю», – заявил он Салле. «Его доверие тебя погубит, дружище, – ответил на это пират. – Помяни мое слово».

– Никогда еще не принимал под своим кровом королевского десницу, – сказал лорд Годрик. – Пожелает ли Станнис тебя выкупить, хотел бы я знать.

Давос тоже хотел бы. Станнис наделил его землями, титулами и почетными должностями, но готов ли он платить золотом за его жизнь? Было бы у него это золото, Салла бы остался при нем.

– Можете спросить его сами, милорд. Его величество в Черном Замке.

– А Бес? Тоже там?

– Бес? – не понял Давос. – Он сидит в Королевской Гавани, приговоренный к смерти за убийство племянника.

– На Стене всё последними узнают, говаривал мой отец. Карлик бежал. Пролез сквозь решетку и голыми руками растерзал родного отца. Гвардеец видел, как он убегает, весь в крови с головы до ног. Того, кто его убьет, королева сделает лордом.

Давос не поверил своим ушам.

– Вы хотите сказать, что Тайвин Ланнистер погиб?

– От руки своего сына, да. – Лорд хлебнул пива. – Когда на Сестрах правили короли, карликов не оставляли в живых. Бросали в море, в жертву богам. Септоны, благочестивые дураки, отменили этот обычай. Зачем сохранять жизнь тем, кого боги сотворили чудовищами?

Тайвин умер... это меняет всё.

– Милорд позволит мне послать к Стене ворона? Хочу, чтобы его величество узнал о смерти Тайвина Ланнистера.

– Узнает когда-нибудь, только не от меня. И не от тебя, пока ты пребываешь под моим протекающим кровом. Никто не сможет сказать, что я оказал Станнису хоть какую-то помощь. Сандерленды втравили Сестер в два мятежа Черного Пламени, и все мы горько поплатились за это. Сядь, сир, пока не упал. – Лорд Годрик махнул ложкой в сторону стула. – В моих чертогах сыро, холодно и темно, но кое-какие манеры мы соблюдаем. Сухая одежда тоже найдется, когда поешь. – На его зов в чертог вошла женщина. – У нас гость. Тащи сюда пиво, хлеб и сестринскую похлебку.

Пиво было темное, хлеб черный, похлебка в корытце из черствой буханки – молочно-белая. Лук-порей, морковь, ячмень, желтая и белая репа сочетались в ней с моллюсками, крабами и треской, а заправлялось все это маслом и сливками. Это блюдо прогревает едока до костей – в самый раз для холодной дождливой ночи. Давос, преисполненный благодарности, погрузил ложку в хлебную миску.

– Едал раньше такую?

– Доводилось, милорд. – Эту похлебку подавали во всех тавернах и гостиницах Трех Сестер.

– А я тебе скажу, что такой ты еще не пробовал. Ее Гелла готовит, дочь моей дочери. Ты сам женат, Луковый Рыцарь?

– Женат, милорд.

– Жаль. Гелла у нас незамужняя, а из дурнушек выходят самые лучшие жены. Крабы тут трех видов: красные, паучьи и победители. Паучьих я только в похлебке ем, чтоб не чувствовать себя каннибалом. – Лорд показал на знамя, висевшее над холодным очагом: белый паучий краб, вышитый на серо-зеленом поле. – Мы слышали, будто Станнис сжег своего десницу.

Верно, сжег. Алестера Флорента, который занимал этот пост перед Давосом. Мелисандра отдала его своему богу, чтобы обеспечить попутный ветер до самой Стены. Лорд Флорент, пока люди королевы привязывали его к столбу, был спокоен и сохранял достоинство, насколько это доступно полуголому человеку, но как только огонь лизнул его ноги, начал кричать. Эти-то крики, если верить красной женщине, и принесли их благополучно в Восточный Дозор. Давосу ветер не пришелся по вкусу: он отдавал горелым мясом и человеческим голосом был в снاستях. На месте Алестера вполне мог оказаться и сам Луковый Рыцарь.

– Я, как видите, не сгорел – разве что едва не замерз в Восточном Дозоре.

– Стена, она такая. – Женщина принесла горячий, только что из печи, хлеб. Лорд, заметив, как уставился Давос на ее руку, сказал: – У всех Боррелов такая отметина, вот уже пять тысяч лет. Это дочь моей дочери – не та, что похлебку варила. – Он разломил хлеб и дал половину Давосу. – Ешь, это вкусно.

Хлеб и впрямь был хорош, но Давос бы и черствой корке порадовался: это означало, что его принимают как гостя хотя бы на эту ночь. У лордов Трех Сестер темная репутация, осо-

бенно у Боррела, лорда Пригожей Сестры, Щита Систертон, владельца Волнолома и хранителя Ночного Фонаря. Но даже лорды-разбойники и грабители потерпевших крушение кораблей подчиняются древним законам гостеприимства. До рассвета Давос, отведав хлеба и соли этого дома, во всяком случае, доживет.

Похлебку, однако, одобрили не одной только солью.

– Никак, шафран? – Эту пряность, ценившуюся дороже золота, Давос пробовал только раз: король Роберт, пируя на Драконьем Камне, угостил его приправленной шафраном рыбой.

– Да, квартирный. Перец тоже бери. – Лорд Годрик поперчил собственную похлебку. – Черный волантинский, не первый сорт, зато можно не скупиться. У меня его сорок сундуков, а еще гвоздика, мускатный орех и фунт шафрана. Всё от одной черноглазой девицы. – Лорд засмеялся, и Давос заметил, что все зубы у него целы – желтые, правда, а один совсем почернел. – Она шла в Браавос, но шторм занес ее в Укус и разбил о мои скалы. Ты у меня не единственный штормовой дар: море жестоко и коварно.

Не столь коварно, как человек. Предки Годрика, пока Старки не обрушились на них с огнем и мечом, пиратствовали в открытую. Теперь сестринцы, предоставляя это занятие Салладору Саану и прочим заморским жителям, ограничиваются разбитыми кораблями. Маяки, горящие на Трех Сестрах, должны предупреждать моряков о мелях и рифах, но в штормовые и туманные ночи здесь порой зажигают ложные огни, заманивая неосмотрительных капитанов на скалы.

– Шторм сделал тебе добро, пригнав тебя к моему порогу. В Белой Гавани тебя бы холодно приняли. Опоздал ты, сир. Лорд Виман хочет склонить колено, но не перед Станнисом. Мандерли по сути не северяне. Они пришли на Север каких-то девятьсот лет назад со своим золотом и своими богами. Они были большими господами на Мандере, но чересчур занеслись, и зеленые руки их свергли. Волчий король взял их золото, а взамен дал им землю и разрешил сохранить богов. – Годрик подобрал хлебом остатки похлебки. – Толстяк на оленя не сядет – зря Станнис надеется. Двенадцать дней тому в Систертон зашла «Львиная звезда» набрать пресной воды. Знаешь такую? Багряные паруса и золотой лев на носу. На борту полно Фреев, едущих в Белую Гавань.

Этого Давос ожидал меньше всего.

– Фреи убили сына лорда Вимана!

– Да, и толстяк дал обет не брать в рот ничего, кроме вина и хлеба, пока не свершит свою месть. К вечеру того же дня он уже обжирался крабами и сладостями. Между Сестрами и Белой Гаванью постоянно ходят суда. Мы им – рыбу, крабов и козий сыр, они нам – дерево, шерсть и шкуры. Его милость, насколько я слышал, стал еще толще, вот тебе и обет. Слова – это ветер, а изо рта Мандерли исходят те же ветры, что из его зада. – Лорд подобрал всю похлебку дочиста. – Фреи везут ему кости сына. Некоторые называют это учтивостью. Будь это мой сын, я сказал бы спасибо, а потом повесил их всех, но толстяк для этого чересчур благороден. – Лорд прожевал хлеб. – Я позвал Фреев на ужин. Один сидел на том самом месте, где ты сейчас. Звать его Рейегар – я чуть не фыркнул ему в лицо, как услышал. Он потерял жену, и в Белой Гавани его ждет невеста. Вороны тучами летали туда-сюда: лорд Виман и лорд Уолдер намерены скрепить свой союз браком.

Давосу показалось, что Годрик двинул его в живот. Если это правда, Станнис – конченный человек. Королю до зарезу необходима Белая Гавань. Если Винтерфелл – сердце Севера, то город лорда Мандерли – его рот. Залив там не замерзает даже в лютые холода, что с приходом зимы будет значить куда как много. Не меньшее значение имеет и серебро. Ланнистеры мало того что сами купаются в золоте, так еще и с богатым Хайгарденом породнились, а Станнисова казна пуста. Нужно хотя бы попытаться остановить назревающую в Белой Гавани свадьбу.

– Мне очень нужно в Белую Гавань. Умоляю, помогите, милорд.

Годрик принялся за размягчившуюся хлебную миску.

– Не люблю северян. С поругания Трех Сестер, как говорят септоны, прошло две тысячи лет, но Систертон не забыл. Раньше мы были вольные, и короли у нас были свои, а после нам пришлось склониться перед Гнездом, чтобы прогнать северян. Сокол и волк дрались за нас тысячу лет и обглодали бедные острова до косточек. А Станнис в бытность свою мастером над кораблями у Роберта поставил свой флот в моей гавани без моего на то позволения и заставил повесить дюжину славных ребят вроде тебя. И со мной грозил поступить так же, если Ночной Фонарь не зажжется и хоть один корабль сядет на скалы. Пришлось мне все это проглотить. – Лорд проглотил хлеб. – Теперь он является на Север с поджатым хвостом и просит о помощи. С какой стати мне ему помогать?

«С такой, что он твой законный король. Сильный, справедливый – единственный, кто способен восстановить государство и защитить его от угрозы, грядущей с Севера. Владеющий волшебным мечом, сияющим, как само солнце». Вслух Давос ничего не сказал, понимая, что этим лорда Годрика не проймет и к Белой Гавани не приблизится. Так как же быть? Пообещать ему золота, которого у них нет? Знатного мужа для одной из дочерей его дочерей? Посулить земли, почести, титулы? Алестер Флорент вел как раз такую игру, за что и сгорел.

– Вижу, у десницы язык отнялся. Сестринская похлебка ему не по вкусу и правда тоже. – Годрик вытер рот.

– Правда в том, милорд, что лев умер, – медленно произнес Давос.

– И что с того?

– Кто правит в Королевской Гавани вместо него? Не Томмен, он ведь еще ребенок. Сир Киван?

В черных глазах лорда отражались огни свечей.

– Будь это он, тебя заковали бы в цепи. Королева там главная.

«Лорд Годрик колеблется, – понял Давос. – Не хочет оказаться на стороне проигравших».

– Станнис удержал Штормовой Предел против Тиреллов, объединившихся с Редвинами. Отнял Драконий Камень у последних Таргариенов. Разбил Железный Флот у Светлого острова. Маленький король нипочем не одолеет его.

– В распоряжении этого мальчика богатство Бобрового Утеса и сила Хайгардена. Болтоны и Фреи держат его сторону. Однако в этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. – Годрик потер подбородок. – Так сказал моему отцу Нед Старк в этом самом чертоге.

– Нед Старк был здесь?

– На заре поднятого Робертом мятежа. Безумный Король потребовал у Гнезда голову Старка. Джон Аррен ответил отказом, но Чаячий город остался верен короне. Чтобы вернуться домой и созвать знамена, Нед перевалил через горы и на Перстах нанял рыбацью лодку для переправы через Укус. В пути их застал шторм, рыбак утонул, но его дочка привела лодку к Сестрам. Говорят, Нед оставил ей кошель серебра и бастарда в утробе. Она назвала мальчика Джоном Сноу в честь Аррена.

Так вот, когда лорд Эддард прибыл в наш замок, мой отец сидел там же, где я сейчас. Наш мастер уговаривал нас отправить голову Старка Эйерису, чтобы доказать нашу преданность. Король вознаградил бы нас: он, когда находил нужным, был щедр. Однако мы уже знали тогда, что Джон Аррен взял Чаячий город; Роберт взобрался на стену первым и собственной рукой убил Марка Графтона. «Этот Баратеон бесстрашен, – сказал я, – и сражается, как подобает королю». Мейстер усмехнулся на это и заявил, что принц Рейегар скоро подавит мятеж. Вот тогда Старк и молвил: «В этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. Конечно, мы можем потерять головы, но что, если мы победим?» И отец отпустил его с миром, сказав на прощание: «В случае чего помни: тебя тут не было».

– Как и меня, – сказал Давос.

Джон

Короля за Стеной вывели со связанными руками, с петлей на шее. Конец веревки был привязан к седлу сира Годри Фарринга. И Победитель Великанов, и его конь были облачены в доспехи из серебристой стали с чернью, на Мансе-Разбойнике была только рубаха, оставлявшая обнаженными руки и ноги. «Хоть бы плащ ему оставили, – подумал Джон Сноу, – тот, который залатала красным шелком одна одичалая. Неудивительно, что Стена плачет».

«Манс знает Зачарованный лес лучше любого разведчика, – сказал Джон Станнису при последней попытке убедить короля, что живой Манс полезнее мертвого. – Дружен с Тормундом Великаньей Смертью. Сражался с Иными. И не подул в рог Джорамуна, владея им, – не свалил Стену».

Станнис остался глух ко всему. Закон прост: дезертирство карается смертью.

– Все мы должны выбирать, – провозгласила леди Мелисандра, воздев белые руки под льющей слезы Стеной. – Мужчины и женщины, молодые и старые, крестьяне и лорды, мы должны выбрать одно из двух: свет или тьму. – Красная женщина стояла на деревянном помосте рядом с королем, и ее голос напоминал Джону анис, гвоздику, мускатный орех. – Добро или зло. Истинного или ложного бога.

Ветер бросил Мансу волосы на глаза. Он с улыбкой отвел их связанными руками, но, когда увидел клетку, его мужество дрогнуло. Люди королевы, наведавшись в Зачарованный лес, соорудили ее из стволов молодых деревьев, из смолистых сосновых веток, из белых перстов чардрев и подвесили кружевной остоу над ямой, полной бревен и хвороста.

– Смилуйтесь! – крикнул вождь одичалых. – Так не годится. Я не настоящий король...

Сир Годри дернул за веревку, затянул петлю и поволок осужденного за собой к месту казни.

– **ВОЛЬНЫЙ НАРОД!** – воскликнула Мелисандра, глядя, как поднимается в воздух клетка с окровавленным Мансом. – Вот стоит ваш ложный король, а вот рог, будто бы способный обрушить Стену. – Двое людей королевы предъявили рог Джорамуна – черный, окованный старым золотом, восьми футов в длину. На золотых обручах были вырезаны руны Первых Людей. Со смерти Джорамуна прошло несколько тысяч лет, но Манс отыскал его могилу под ледником, где-то в Клыках Мороза. Джорамун протрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов... Игритт лгала, говоря, что Манс так и не нашел этот рог – или Манс держал это в тайне даже от собственных воинов.

Тысяча голодных, оборванных пленников смотрели из-за своего частокола на высоко поднятый рог. В Семи Королевствах их зовут одичалыми, сами же они именуют себя вольным народом. Сейчас они не казались ни дикими, ни свободными – испуганные, остолбеневшие люди, ничего более.

– Рог Джорамуна? – продолжала Мелисандра. – Скажем лучше, Рог Тьмы. Если Стена падет, на мир опустится долгая ночь без конца и края. Этого нельзя допустить! Владыка Света, видя своих детей в бедственном положении, послал им защитника, возрожденного Азора Ахаи. – Она указала на Станниса, и большой рубин у нее на шее начал пульсировать, излучая свет.

Станнис – камень, она – пламя. Глаза Станниса синели, как кровоподтеки, на изнуренном лице. На сером панцире над его собственным сердцем пылало еще одно, широкие плечи окутывал парчовый, на меху, плащ. Выше бровей сидела корона красного золота с зубцами в виде языков пламени. Рядом с ним стояла прямая, высокая Вель. Простой бронзовый обруч на голове придавал ей более царственный вид, чем золотой венец Станнису.

Ее серые немигающие глаза смотрели без страха, под горностаевым плащом виднелось белое с золотом платье, медовая коса, перекинутая через плечо, свисала до пояса, щеки от холода разругались.

Мелисандра короны не носила, но всем было ясно, что настоящая королева Станниса – это она. Не та некрасивая женщина, что мерзнет в Восточном Дозоре. Поговаривали, что король не намерен посылать за королевой Селисой и дочерью, пока Твердыня Ночи не станет пригодной для жизни. Джон жалел их обеих. На Стене мало удобств, к которым привыкли жены и дочери южных лордов, а в Твердыне Ночи и вовсе никаких. Эта крепость даже в лучшие времена была донельзя мрачным местом.

– Смотри же, вольный народ, что ждет выбравших тьму!

Рог Джорамуна вспыхнул, весь охваченный желто-зеленым огнем. Мохнатый конек заплясал под Джоном, другие всадники тоже с трудом сдерживали своих лошадей. У одичалых, чьи надежды сгорали у них на глазах, вырвался дружный стон. Некоторые – их было немного – выкрикивали проклятия, остальные молчали. Когда высветились руны на обручах, люди королевы сбросили рог в яму.

Манс-Разбойник, кое-как ослабив петлю у себя на шее, кричал о предательстве и колдовстве. Отрекался от королевского сана, своего народа и своего имени. Молил о пощаде и проклинал красную женщину. Хохотал как безумный.

Джон смотрел, не отводя глаз, опасаясь проявить слабость. Он вывел сюда двести человек, почти половину гарнизона. Грозные черные ряды щетинились копьями, за низко надвинутыми капюшонами скрывались седые бороды и безусые мальчишечьи лица. Одичалые боятся Ночного Дозора – пусть помнят о своем страхе, отправляясь в новые поселения южнее Стены.

Дрова в яме сразу воспламенились от горящего рога. Манс плакал и молил, вцепившись в прутья клетки связанными руками. Еще немного, и огонь позвал его танцевать. Крики страдальца слились в сплошной бессловесный вопль. Он порхал в клетке, как лист, как мотылек, угодивший в пламя свечи.

Братя, вышел мой срок, мой конец недалек,
Не дожить мне до нового дня,
Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,
Коль дорнийка любила меня,

– вспомнилось Джону.

Вель стояла на помосте как соляное изваяние. Взгляд ее оставался твердым, глаза сухими. Что сделала бы Игритт на ее месте? Женщины сильнее мужчин. Джон думал о Сэме, о мейстере Эйемоне, о Лилли. Она проклянет его в час своей смерти, но другого выхода у него просто не было. Из Восточного Дозора сообщают о бурях на Узком море. Джон хотел уберечь их, а вместо этого, может статься, послал на корм крабам. Ночью ему снился тонущий Сэм, Игритт, смертельно раненная его, Джона, стрелой (ту стрелу пустил не он, но во сне все иначе), плачущая кровавыми слезами Лилли.

«Хватит с меня», – решил он и скомандовал:

– Пли.

Ульмер из Королевского леса воткнул копьё в землю, снял с плеча лук, достал черную стрелу из колчана. Милашка Доннел Хилл, Гарт Серое Перо, Бородатый Бен сделали то же самое. Они натянули луки, наложили стрелы и выстрелили.

Одна стрела попала Мансу в грудь, вторая в живот, третья в горло. Четвертая застряла в дереве и загорелась. Под рыдания кого-то из женщин пылающий король одичалых сполз на пол клетки.

– Ныне его дозор окончен, – тихо промолвил Джон. Манс был братом Дозора, пока его черный плащ не подшили полосками красного шелка.

Станнис хмурился, Джон старался на него не смотреть. Днище из клетки выпало, рдеющие прутья и ветки сыпались в костер градом.

– Владыка света создал солнце, луну и звезды, чтобы освещать нам путь. Даровал нам огонь, чтобы отгонять ночь, – продолжала проповедовать Мелисандра. – Огонь всегда побеждает.

– Огонь всегда побеждает, – повторили хором люди королевы.

Алые одежды красной женщины развевались, медные волосы окружали голову нимбом. На пальцах вздетых рук вспыхнули желтые огоньки.

– **ВОЛЬНЫЙ НАРОД!** Твои ложные боги бессильны. Твой рог обманул тебя. Твой ложный король привел тебя к отчаянию и смерти, но здесь перед тобой король истинный. **УЗРИТЕ СЛАВУ ЕГО!**

Станнис Баратеон обнажил Светозарный.

От меча шел красный, желтый, оранжевый свет. Сияния такой силы Джон ни разу еще не видел – Светозарный из стального сделался солнечным. Люди отворачивались, прикрывали руками глаза, лошади бесились, один из всадников не удержался в седле. Костер в яме скукожился, как маленькая собака перед большой, даже Стена зарделась. Что это – неужели королевская кровь взаправду себя оказывает?

– На Западе только один король, – сказал Станнис. Его голос после переливов Мелисандры звучал особенно резко. – Этим мечом я защищаю своих подданных и караю всех, кто им угрожает. Всякому, кто склонит колено, я обещаю землю, пищу и правосудие. Поклонитесь – будете жить, уйдете – погибнете. – Король убрал меч в ножны, и мир померк, словно солнце зашло за тучу. – Открыть ворота.

– **ОТКРЫТЬ ВОРОТА!** – взревел, как боевой рог, сир Клэйтон Сагс.

– **ОТКРЫТЬ ВОРОТА!** – отозвался эхом сир Корлисс Пенни, командующий гвардией.

– **ОТКРЫТЬ ВОРОТА!** – закричали сержанты.

Солдаты бросились выворачивать колья, перекидывать через ров доски. В частоколе образовался широкий проем. Когда Джон поднял и опустил руку, ряды черных братьев раздались, очистив проход к Стене. Скорбный Эдд Толлетт, стоявший там наготове, отворил железные ворота в ледяной толще.

– Идите же, – призвала Мелисандра. – Вперед, к свету, или назад, во тьму – выбор за вами. – Огонь трещал у нее под ногами. – Все, кто выбирает жизнь, идите ко мне.

И они пошли – робко на первых порах. «Хотите есть – идите ко мне, – думал Джон. – Не хотите замерзать и умирать с голоду – подчинитесь». Первые шли робко, опасаясь подвоха. Другие, видя, что с ними ничего не случилось, двинулись следом. Вскоре поток одичалых, выходящих из частокола, стал нескончаемым. Каждому – мужчине, женщине и ребенку – люди королевы в стеганых колетах и полушлемах вручали частицу чардрева: прутик, похожую на кость ветку, пригоршню красных листьев. Частицу старых богов, чтобы накормить нового. Правая рука Джона сжалась в кулак.

Жар от костровой ямы чувствовался даже на расстоянии; одичалым никогда еще не было так тепло. Дети плакали, кое-кто из взрослых поворачивал к лесу. Молодая женщина с двумя детьми на руках все время оглядывалась – убедившись, что за ней никто не гонится, она пустилась бегом. Старик использовал врученный ему сук как дубину и махал им, пока его не пронзили копьями. Труп обходили, пока сир Корлисс не велел бросить его в огонь. После этого в лес стало уходить чуть больше народу – примерно один из десяти человек.

Позади ожидали холод и смерть, впереди манила надежда. Одичалые шли, бросая в огонь свои прутья и ветки. Рглор – ревнивое, вечно голодное божество – мигом пожрал труп старика. На красно-рыжую Стену падали гигантские тени Станниса и Мелисандры.

Первым колено преклонил плешивый Сигорн, новый магнар теннов – уменьшенная копия своего отца, в бронзовых наручах и кожаной рубаше с бронзовой чешуей. Следующим подошел Гремучая Рубашка, в костяной клацающей броне и великанском черепе вместо шлема. Под этими доспехами скрывался жалкий человечек с гнилыми зубами и желтыми белками глаз, злобный, тупой и жестокий. Джон знал, что его присяга гроша ломаного не стоит. Что-то чувствует Вель, видя, как Костяной Лорд получает прощение?

За ними двигались другие. Двое вождей Рогоногих с черными ступнями, известная на Молочной знахарка, двенадцатилетний сынишка Альфина Убийцы Ворон, Халлек, брат Хармы Собачьей Головы (с ее свиньями).

Холодно для такого спектакля. «Вольный народ презирает поклонщиков, – говорил Станнису Джон. – Поощадите их гордость, и они вас полюбят». – «Мне нужны их мечи – без поцелуев как-нибудь обойдусь», – ответил король.

Воздав почести Станнису, одичалые шагали между рядами черных братьев к воротам. Джон поставил в туннеле с факелами Коня, Атласа и еще полдюжины человек. На той стороне приготовлены миски с горячим луковым супом, черный хлеб, колбаса. Одежда тоже: плащи, рубахи, штаны, сапоги, прочные кожаные перчатки. Спать одичалые лягут на чистой соломе у жарких костров; в методичности королю не откажешь. Посмотрим, однако, на чью сторону станут новые королевские подданные, когда Тормунд снова пойдет на Стену. Вольный народ, сколько ни осыпай его милостями, сам выбирает себе королей, и выбрал он Манса – не Станниса.

К Джону подъехал Боуэн Мурш.

– Не думал я, что доживу до этого дня. – Лорд-стюард сильно похудел, получив ранение в голову на Мосту Черепов и лишившись части одного уха. Его побледневшую физиономию теперь никто не принял бы за гранат. – Стоило сдерживать одичалых у Теснины ценой такой крови. Чего ради гибли хорошие люди, братья, друзья?

– Страна проклянет нас за это, – подхватил сир Аллисер Торне. – Все порядочные люди Вестероса будут плевать при одном упоминании Ночного Дозора.

«Кто бы высказывался от имени порядочных-то людей».

– Тишина в строю! – Сир Аллисер несколько поутих после казни Яноса Слинты, однако вся его злоба осталась при нем. Джон одно время подумывал назначить его начальником гарнизона вместо покойного Слинты, но лучше было держать его при себе: из этих двоих Торне всегда был опаснее. Командующим Серого Дозора Джон сделал пожилого стюарда из Сумеречной Башни и надеялся, что создание двух новых гарнизонов поможет делу.

Дозор способен пустить одичалым кровь, но остановить их бессилён. Сожжение Манса-Разбойника ничего не меняет: дозорных по-прежнему слишком мало по сравнению с одичалыми, и без разведчиков Дозор слеп. Придется вскоре выслать за Стену новую партию, и неизвестно, вернется она или нет.

Одичалые, среди которых было много стариков, раненых и больных, медленно продвигались по узкому извилистому проходу. Последние из них преклоняли колени уже в темноте. Костер в яме стал угасать, тень короля на Стене съжилась вчетверо против прежнего. Джон видел в воздухе пар от собственного дыхания – представление затянулось.

За частоколом задержались около полусотни пленных, в том числе четверо великанов – громадные, волосатые, на плоскостопых, толстых как деревья ногах. Под Стеной они бы протиснулись, но один из них не хотел бросать своего мамонта, а трое других не хотели бросать его. У отказчиков обычного роста умер или умирал кто-то из близких – это оказалось сильнее, чем луковый суп.

– Вы свободны, – прогремел над горсткой озябших людей голос Станниса. – Идите и расскажите своему народу о том, что видели здесь. Скажите, что король готов принять в свое коро-

левство всех, кто обязуется соблюдать мир, прочие же пусть уходят подальше – я не потерплю больше нападений на мою Стену.

– Одно государство, один бог, один король! – возгласила леди Мелисандра.

– Одно государство, один бог, один король! – подхватили люди королевы, стуча копьями по щитам. – Станнис! Станнис! ОДНО ГОСУДАРСТВО, ОДИН БОГ, ОДИН КОРОЛЬ!

Ни Вель, ни братья Ночного Дозора не присоединились к их хору. Вереницу уходящих в лес одичалых замыкали великаны – двое на мамонте, двое пешком. В загоне остались одни только мертвые. Станнис сошел с помоста; Мелисандра красной тенью сопровождала его. Почетная гвардия – сир Годри, сир Клэйтон и еще с дюжину рыцарей, сплошь люди королевы – сомкнула кольцо вокруг них. Доспехи блестели при луне, плащи колыхались от ветра.

– Лорд-стюард, – сказал Джон, – разберите частокол на дрова и сожгите тела.

– Слушаюсь, милорд. – Мурш отдал приказ, и стюарды, выйдя из рядов, направились к частоколу. – Вы полагаете, эти одичалые сдержат клятву?

– Сдержат, но не все. У них, как и у нас, есть свои трусы и плуты, слабодушные и глупцы.

– Мы с вами поклялись защищать государство...

– Вольный народ, поселившись в Даре, станет частью этого государства, – напомнил Джон. – Отчаянные времена, в которые мы живем, становятся все отчаянней. Мы видели лицо нашего истинного врага: оно белое, с глазами как синие звезды. Вольный народ его тоже видел. Враг у нас общий – в этом Станнис, во всяком случае, прав.

– Враг общий, согласен – но это еще не значит, что десятки тысяч оголодавших дикарей нужно пускать за Стену. Пусть возвращаются в свои деревни и бьются с Иными там, пока мы обороняем Стену. Отелл говорит, что ворота запечатать не так уж трудно. Завалить туннели щебенкой, налить туда воду сквозь амбразуры – Стена завершит остальное. По прошествии одной луны ворота станут непроходимыми, как и не было их. Врагу придется прорубать толщу скованного льдом камня.

– Или лезть через Стену.

– Навряд ли. Это ведь не легкий отряд – похватали женщин, взяли что плохо лежит и обратно. С Тормундом будут дети, старухи, козы и овцы, те же мамонты. Без ворот ему зарез, а их всего-то трое осталось. Ну, допустим, он и верхолазов пошлет, так что же? Переловим их, как рыбу в котле.

«Рыба не вылезит из котла и не втыкает копьё тебе в брюхо». Джон сам перебрался через Стену не так давно.

– Лучники Манса-Разбойника пустили в нас около десяти тысяч стрел – я сужу по количеству собранных, – продолжал Мурш. – А до верха Стены долетело не больше ста, подхваченных ветром. Мы потеряли одного только Рыжего Алина, да и того не стрела убила: он упал и разбился, когда она оцарапала ему ногу. А вот Донал Нойе погиб, защищая ворота... героически, спору нет, но будь они запечатаны, наш храбрый оружейник и поныне бы пребывал с нами. Пока мы наверху, а неприятель внизу, никакое войско нам не опасно. Хоть сто человек, хоть сто тысяч.

В чем-то он был прав. Войско Манса разбилось о Стену, как волна о скалистый берег, хотя защищала ее всего-то горстка стариков, юнцов и калек. Но предложение Мурша насчет ворот...

– Запечатав ворота, мы не сможем высылать разведчиков на ту сторону, – сказал Джон. – Это все равно что ослепнуть.

– Последняя вылазка лорда Мормонта стоила Дозору четверти братьев, милорд. Надо беречь те немногие силы, которые у нас еще есть. Кто высоту займет, тот и битву выиграет, как говорил мой дядя, – а выше Стены нет ничего, лорд-командующий.

– Станнис обещал землю, пищу и правосудие всякому, кто склонит колено. Он нам не позволит закрыть ворота.

– Я не сплетник, лорд Сноу, – помявшись, ответил Мурш, – но у нас говорят, что вы чересчур дружны с лордом Станнисом. Некоторые заявляют даже, что вы...

«Смутяи и перебежчик, ну да. А вдобавок бастард и оборотень». Янос Слинг умер, но его клевета жива.

– Знаю я, о чем они шепчутся. – Люди часто отворачиваются, когда Джон идет через двор. – Не могу только понять, что им надо. Чтобы я вступил в бой со Станнисом и с одичалыми заодно? У его величества людей втрое больше, притом он наш гость, и мы в долгу перед ним.

– Лорд Станнис помог нам, когда мы нуждались в помощи, – упорствовал Мурш, – но он мятежник, и дело его обречено на гибель. Если Железный Трон и нас заклеит как изменников, нам тоже несдобровать. Неразумно было бы становиться на сторону проигравшего.

– Я не собираюсь становиться ни на чью сторону, но теперь, когда лорд Тайвин мертв, мне уже меньше верится в победу Железного Трона. – Десницу короля, судя по слухам с Королевского тракта, убил прямо в нужнике его сын, карлик. Джон был знаком с Тирионом Ланнистером – тот пожимал ему руку и называл своим другом. Трудно было поверить, что у коротышки достало духу убить собственного родителя, но сама кончина лорда Тайвина сомнений как будто не вызвала. – Львенок, что сидит в Королевской Гавани, совсем еще мал, а Железный Трон и взрослых резал на ломти.

– Мал-то он мал, милорд, но король Роберт пользовался любовью в народе, и многие до сих пор полагают, что Томмен – родной его сын. Лорда Станниса полюбить куда как труднее, не говоря уж о леди Мелисандре с ее кострами и суровым красным богом. Люди жалуются, вот что я вам скажу.

– На Мормонта тоже жаловались. На лордов и на жен всегда жалуются – он мне сам так сказал. А если жен нет, то лордам достается вдвое больше положенного. – Стюарды уже повалили две стороны загородки и рушили третью. – Заканчивайте без меня, Боуэн, и проследите, чтобы мертвецов сожгли всех до последнего. Спасибо вам за совет: обещаю хорошенько его обдумать.

Из ямы все еще шел дым с хлопьями пепла. У ворот Джон спешился и повел коня под уздцы на южную сторону. Впереди шагал Скорбный Эдд с факелом, с потолка капали холодные слезы.

– Отрадно было видеть, как горит этот рог, милорд, – сказал Эдд. – Вчера мне приснилось, будто я сикаю со Стены, а тут кто-то возьми да и затруби. Нет, я не жалею – лучше уж такой сон, чем тот, где Харма Собачья Голова скормила меня своим свиньям.

– Харма мертва.

– Но свиньи-то живы. И глядят на меня, как Смертоносный на ветчину. Зато одичалые ничего плохого как будто не замышляют. Мы, правда, порубили и велели сжечь их богов, но взамен накормили луковым супом. Разве может бог сравниться с миской горячего хлеба? Я и сам бы не отказался.

Черный плащ Джона пропах дымом и горелым мясом. Да, поесть не мешало бы, но он изголодался не по еде. Посидеть бы за чашей вина с мейстером Эйемоном, перекинуться парой слов с Сэмом, посмеяться с Пипом, Гренном и Жабой. Эйемона и Сэма больше нет здесь, но остальные его друзья...

– Сегодня я буду ужинать с братьями.

– Вареная говядина и свекла. – Эдд, похоже, всегда знал, чем будут кормить. – Только хрен у Хобба весь вышел – кому сдалось вареное мясо без хрена?

Старую трапезную сожгли одичалые – теперь братья Ночного Дозора ели в каменном погребе под оружейной. Два ряда мощных колонн подпирали сводчатый потолок, вдоль стен лежали бочки с вином и элем. За ближним к лестнице столом играли в плашки четыре строителя, ближе к огню разведчики толковали о чем-то с людьми королевы, у другого стола собралась молодежь.

– Ночь темна и полна репы, – вещал Пип, тыча в репку ножом. – Помолимся об оленине, дети мои, об оленине с подливкой и луком. – Гренн, Жаба, Атлас и прочие дружно ржали.

Джон не присоединился к ним.

– Глупо смеяться над чужой верой, Пип. И опасно.

– Чего ж тогда красный бог меня не сразил?

– Мы не над ним смеемся, милорд – над жрицей, – заверил красавец Атлас, бывшая шлюха мужского пола из Староместа.

– У вас свои боги, у нее свой. Оставьте ее в покое.

– Она-то наших богов в покое не оставляет, – заспорил Жаба. – Послушать ее, так все они ложные – что Семеро, что старые. Одичалых она заставила жечь ветки чардрев, сами видели.

– Леди Мелисандра мне не подчиняется, а вот вы – да. Недоставало еще, чтоб вы передрались с людьми королевы.

– Ни кваку более, храбрый Жаба – внемли словам лорда Сноу. – Пип отвесил Джону шутовской поклон. – Отныне я и ухом не шевельну без приказа вашего пресветлого лордства.

Он думает, это игра. Треснуть бы его как следует, чтоб дошло.

– Ушами шевели сколько хочешь, только языком не мели.

– Я за ним пригляжу, – пообещал Гренн. – Надо будет, так и побью. Не отужинаете ли с нами, милорд? Подвинься, Оуэн, дай Джону сесть.

Джон только этого и хотел, но понимание того, что теперь это ему недоступно, повернулось в животе словно нож. Они сами выбрали его командовать ими. «Лорд может любить своих подчиненных, – сказал в голове отец, – но дружба с ними ему заказана. Нельзя дружить с людьми, которых ты судишь или посылаешь на смерть».

– В другой раз, – сказал Джон. – Ты, Эдд, оставайся и ужинай – у меня еще есть дела.

Снаружи, как ему показалось, стало еще холоднее. В окнах Королевской башни мерцали свечи, на крыше стояла Вель. Станнис держал ее прямо над своими покоями, но на крышу разрешал выходить. Девушка смотрела на вершину Стены. Как она одинока и как красива, подумал Джон. Рыжая Игритт, поцелованная огнем, тоже была по-своему хороша, когда улыбалась, а Вель и улыбаться не надо. От нее и так все мужчины при любом королевском дворе лишатся рассудка.

Хотя стражники не сказать чтобы без ума от нее. Она их обзывает поклонщиками и уже трижды пыталась бежать. Зазевался один латник, а она хватить кинжал у него из ножен да и воткнула в шею. Еще дюйм влево, и ему бы конец.

Одинокая, красивая, опасная, она могла бы достаться Джону. Она, и Винтерфелл, и имя его лорда-отца. Вместо всего этого он выбрал черный плащ и ледяную стену. Выбрал честь, по своему бастардову разумению.

Стена нависала над ним справа, когда он шел через двор – мерцающая вверху и накрывающая все внизу своей тенью. За решеткой ворот, где часовые укрывались от ветра, светилось рыжее зарево. Клеть, поскрипывая на цепях, шуршала по льду. Там наверху часовые, не иначе, сидят в будке вокруг жаровни и либо орут в голос из-за ветра, либо вовсе молчат. Надо бы и Джону подняться туда, на свою Стену.

Он шел мимо сгоревшего остова башни командующего, мимо места, где умирала на его руках Игритт. Прибежал, дыша паром, Призрак; его красные глаза горели во тьме, как угли. Убил что-то, понял Джон, ощутив горячую кровь во рту, и сплюнул. «Я человек, не волк, – сказал он себе. – Так нельзя».

Под воронятником по-прежнему жил Клидас. На стук Джона он приоткрыл дверь со свечкой в руке.

– Можно? – спросил Джон.

– Разумеется. – Клидас открыл дверь пошире. – Я как раз грею вино, не желаете ли?

– Охотно. – Руки совсем застыли; Джон снял перчатки, согнул и разогнул пальцы.

Клидас, вернувшись к огню, помешал в котелке с вином. Шестьдесят ему стукнуло как пить дать – молодым он казался лишь по сравнению с Эйемоном. Низенький, тучный, глаза розовые, как у ночного создания, на черепе редкие белые волосы. Джон взял протянутую им чашу обеими руками, вдохнул аромат, испил. В груди разлилось тепло. Он выпил еще, смывая вкус крови во рту.

– Люди королевы говорят, что Король за Стеной умер как трус. Молил о пощаде и отрекался от королевского титула.

– Так и было. И Светозарный горел небывало ярко, как солнце. За Станниса Баратеона с его волшебным мечом, – поднял чашу Джон. Вино отозвалось горечью.

– У его величества нрав тяжелый. Трудно быть легким, когда носишь корону. Из хороших людей выходят порой дурные короли, по словам мастера Эймона, а из дурных – хорошие.

– Кому и знать, как не ему. – При Эйемоне Таргариене на Железном Троне сменилось девять правителей. Королевский сын, королевский брат, королевский дядя. – Я полистал книгу, которую он мне оставил – «Яшмовый ларец». Почитал про Азора Ахаи, которому принадлежал Светозарный. Он закалил меч кровью своей жены, если верить Вотару. С тех пор Светозарный стал теплым, как Нисса-Нисса, и ни разу не остывал, а во время битвы он раскаляется. Когда Азор Ахаи пронзил им брюхо одного чудища, кровь бестии закипела, из пасти повалил дым, глаза вытекли и все тулово вспыхнуло будто факел.

– Клинок, который нагревается сам собой... – сморгнул Клидас.

– ...На Стене был бы весьма полезен. – Джон отставил чашу, надел перчатки из черной кротовой шкуры. – Жаль, что у Станниса меч холодный – любопытно бы поглядеть, каков он в бою. Спасибо за вино, Клидас. Призрак, ко мне. – Джон покрыл голову капюшоном и опять вышел в ночь вместе с волком.

В оружейной было темно и тихо. Джон, кивнув часовым, прошел мимо стоек с копьями в свои комнаты. Повесил пояс с мечом на один колышек, плащ на другой. Снял перчатки и долго зажигал свечи заочевенными пальцами. Призрак тут же свернулся на своем коврике, но Джон пока не мог лечь. На обшарпанном сосновом столе ждали карты земель к северу от Стены, список разведчиков и письмо из Сумеречной Башни, написанное летящим почерком сира Денниса Маллистера.

Джон перечел письмо, заострил перо, откупорил пузырек густых черных чернил. Одно послание сире Деннису, другое Коттеру Пайку. Оба просят дать им людей. На запад в Сумеречную Башню отправятся Халдер и Жаба, в Восточный Дозор – Гренн и Пип. Перо спотыкалось, слова выходили корявыми со всех смыслах, но Джон не сдавался.

Справившись наконец с письмами, он ощутил холод. Стены будто смыкались вокруг него. Ворон Старого Медведя смотрел с насеста над окном пронзительными черными глазками. Только этот друг у него и остался. Если Джон умрет первым, ворон и ему глаза выклюет. Призрак не в счет, Призрак больше чем друг – он часть самого Джона.

«Таков мой жребий, – сказал себе лорд-командующий, ложась на узкую койку Донала Нойе. – Отныне и до конца моих дней».

Дейенерис

– Что случилось? – вскричала она, когда Чхику потрясла ее за плечо. За окнами было черным-черно. – Даарио? – Во сне они, простые люди, муж и жена, жили в домике с красной дверью, и он целовал ее всю – губы, шею и грудь...

– Нет, кхалиси. Пришел твой евнух, Серый Червь, и с ним Лысый. Впустить их?

– Да. – Волосы у Дени растрепались, простыни сбились комом. – Но сначала помоги мне одеться и дай вина. Надо прочистить голову. – «И смыть сон». – Кто это плачет?

– Твоя раба Миссандея. – Чхику держала свечку в руке.

– Служанка. У меня нет рабов. Что с ней такое?

– Брата оплакивает.

Остальное ей рассказали Скахаз, Резнак и Серый Червь. При одном взгляде на безобразную рожу Лысого Дени поняла, что ничего хорошего не услышит.

– Сыны Гарпии?

Скахаз мрачно кивнул.

– Сколько у нас погибших?

– Девять, ваше великолепие, – заломил руки Резнак. – Страшное зло совершилось. Ужасная ночь.

Девять! Как кинжал в сердце. Каждую ночь под ступенчатыми пирамидами Миэрина идет тайная война. Каждое утро солнце озаряет свежие трупы и гарпий, намалеванных кровью на кирпиче. Каждому вольноотпущеннику, слишком дерзкому или внезапно разбогатевшему, грозит гибель, но девять за одну только ночь?

– Рассказывайте.

– Слуги вашего величества, хранящие покой Миэрина, были вооружены полностью, – начал Серый Червь. – Копья, короткие мечи и щиты. Они выходили в город парами и умирали попарно. Ваших слуг Черного Кулака и Сетериса убили из арбалета в лабиринте Маздана. На ваших слуг Моссадора и Дурана сбросили камни со стены, что выходит на реку. Ваших слуг Эладона Златовласого и Верное Копье отравили в винной лавке, которую они посещали при каждом обходе.

«Моссадор. Проклятие!» Миссандею и ее братьев пираты увезли с родного острова Наат и продали в Астапоре. Девочку, способную к языкам, добрые господа сделали писцом, Моссадора с Марслином оскостили и отдали в Безупречные.

– Удалось схватить кого-нибудь из убийц?

– Ваши слуги взяли хозяина винной лавки и его дочерей. Они уверяют, что невиновны, и просят помиловать их.

«Все они так».

– Отдайте их Лысому, а ты, Скахаз, допроси каждого по отдельности.

– Слушаюсь, ваше великолепие. Как допрашивать, с пристрастием или без?

– Сначала без. Послушай, что они будут говорить и какие имена назовут. Может, они и впрямь непричастны. Благородный Резнак сказал «девять» – еще кто?

– Трое вольноотпущенников убиты в своих домах, – доложил Лысый. – Ростовщик, сапожник и арфистка Рилона Ри. Ей перед смертью пальцы отрезали.

Дени поморщилась. Рилона Ри играла на арфе, как сама Дева. Рабыней она услаждала слух всех знатных семей Юнкая, на свободе представляла юнкайских вольноотпущенников в королевском совете.

– Кроме виноторговца, никто не взят?

– Увы. Ваш слуга нижайше просит прощения.

«Помиловать, значит? – подумала Дени. – Скоро они на себе узнают, что такое драконово милосердие».

– Я передумала, Скахаз. Отца допроси с пристрастием.

– Можно его, а можно и дочек – у него на глазах. Быстрее сознается.

– Делай как считаешь нужным, только имена мне добудь. – Ярость полыхала огнем у нее в животе. – Недопустимо, чтобы Безупречных и впредь убивали. Серый Червь, отведи своих людей обратно в казармы. Отныне они будут охранять лишь мой дворец и мою персону, а на улицах пусть несут дозор миэринцы. За эту новую стражу, Скахаз, отвечаешь ты. Набери в нее поровну лысых и вольноотпущенников.

– Как прикажете. Сколько людей можно взять?

– Сколько тебе потребуется.

– Где же я наберу монеты на жалованье стольким солдатам, ваше великолепие? – ужаснулся Резнак мо Резнак.

– В пирамидах. Налог на кровь, так сказать. Сто золотых с каждой из пирамид за каждого вольноотпущенника, убитого Сынами Гарпии.

– Будет сделано, – заулыбался Лысый, – но вашей блистательности следует знать, что великие господа Цхак и Меррек намерены уехать из города.

Цхак и Меррек вкупе со всеми миэринцами, простыми и знатными, сидели у Дени в печенках.

– Пусть едут, но взять им позволяется лишь то, что на них. Их золото и съестные припасы останутся нам.

– Мы не уверены, что эти вельможи хотят примкнуть к врагам вашего великолепия, – заметил Резнак мо Резнак. – Скорее всего они попросту направляются в свои загородные имения.

– Тем целее будет их золото. В холмах его все равно тратить не на что.

– Они боятся за своих детей, – предположил Резнак.

«Как и я», – мысленно добавила Дени.

– Детей тоже побережем. Возьмем у них по мальчику и по девочке. И в других домах тоже.

– В заложники, – возрадовался Скахаз.

– В пажи и чашницы. Если великие господа начнут возражать, объясни им, что в Вестеросе родителям оказывают большую честь, беря ко двору их ребенка. Ступайте и выполняйте. Я должна оплакать погибших.

Миссандея рыдала на своей койке, стараясь всхлипывать как можно тише.

– Иди спать ко мне, – позвала Дени. – Утро еще не скоро.

– Ваше величество так добры к своей покорной слуге. – Миссандея скользнула под простыню. – Он был хорошим братом.

– Расскажи мне о нем, – обняла ее Дени.

– Он учил меня лазить по деревьям. Умел ловить рыбу руками. Однажды он уснул в нашем саду, и на него сели целых сто бабочек. Так красиво. Ваша слуга... я... любила его.

– Он тебя тоже любил, – сказала Дени, глядя девочку по голове. – Если захочешь, милая, я найду корабль и отправлю тебя домой, на твой остров, прочь из этого ужасного города.

– Я лучше с вами останусь. На Наате мне будет страшно – вдруг работоторговцы опять нагрянут? А с вами я ничего не боюсь.

Глаза Дени наполнились слезами.

– Хорошо, оставайся. Я буду заботиться о тебе. Обо мне-то, когда я была маленькая, никто не заботился. Разве что сир Виллем, но он рано умер, а Визерис... Трудно это – оберегать кого-то, быть сильной, но мне приходится. Больше ведь у них никого нет, а я королева...

– ...и мать, – завершила девочка.

– Мать драконов, – передернулась Дени.

– Нет. Всем нам мать. – Миссандея прижалась к ней еще крепче. – Усните, ваше величество. Скоро настанет день, двор соберется...

– Уснем обе и будем видеть сладкие сны. Закрой глаза.

Миссандея послушалась. Дени поцеловала ее веки, и у девочки вырвался тихий смешок.

Поцелуи даются просто, не то что сон. Дени старалась думать о доме, о Драконьем Камне, Королевской Гавани и других местах, знакомых ей по рассказам Визериса, но мысли, точно корабли, застигнутые неблагоприятным ветром, все время возвращались к заливу Работоторговцев. В конце концов она выпустила из рук крепко спящую Миссандею и вышла на воздух. Внизу простирались посеребренные луной крыши.

Где-то там, под одной из них, собираются Сыны Гарпии. Они замышляют убить ее и всех, кто ей дорог, хотят снова заковать в цепи ее детей. Где-то плачет и просит молока голодный ребенок, где-то умирает старуха, где-то страстно обнимаются мужчина и женщина. Здесь, наверху, ничего – только луна и одинокая Дени.

Она от крови дракона. Когда-нибудь она расправится с Сынами Гарпии, с детьми их, с внуками, с правнуками – но голодное дитя дракон не накормит и умирающих не утешит. И кто же осмелится полюбить его самого?

Ее мысли вновь обратились к Даарио. Золотой зуб блестит, борода расчесана натрое, сильные руки лежат на парных золотых эфесах в виде нагих женщин – араках и стилет. Прощаясь с ней, он легонько провел большими пальцами по этим фигурам, и Дени ощутила ревность к золотым женщинам. Она мудро поступила, отослав его от себя. Она королева, а Даарио из простых.

«Как он долго, – сказала Дени сиру Барристану вчера. – Что, если он изменил мне, переметнулся к врагу? – *Три измены ты должна испытать.* – Что, если встретил какую-нибудь знатную лхазарянку?»

Она знала, что старик не любит Даарио и не доверяет ему, но ответил он, как пристало галантному рыцарю: «Прекраснее вашего величества нет никого на свете. Только слепой может судить иначе, а Даарио Нахарис не слеп».

Верно, не слеп. Глаза у него густо-синие, почти лиловые, улыбка сверкает золотом.

Сир Барристан уверен, что он вернется, – ей остается лишь молиться, чтобы старик оказался прав.

Дени прошлепала босиком к бассейну, вошла в его успокоительную прохладу. Рыбки пощипывали ей руки и ноги. Закрыв глаза, она легла на воду и тут же встрепенулась от легкого шороха.

– Миссандея? Ирри? Чхику?

– Они спят, – ответили ей.

Под хурмой стояла женщина в длинном плаще. Лицо под капюшоном казалось блестящим и твердым. Маска. Деревянная маска, крытая красным лаком.

– Куэйт? Не сон ли это? – Дени ущипнула себя за ухо: больно. – Ты мне снилась на «Балерионе», когда мы пришли в Астапор.

– Тогда это был не сон, теперь тоже.

– Что ты здесь делаешь? Как прошла мимо стражи?

– Твоя стража меня не видела.

– Если я их кликну, тебя убьют.

– Они повторят тебе, что никого здесь не видят.

– Но ты же здесь?

– Нет. Слушай меня, Дейенерис Таргариен: стеклянные свечи зажглись. Скоро явится сивая кобыла, а за ней и другие. Кракен, темное пламя, лев, грифон, сын солнца и кукольный дракон. Не верь никому. Помни Бессмертных. Остерегайся душистого сенешаля.

– Резнака? Почему? – Дени, выйдя из водоема, вся покрылась мурашками. – Если хочешь предостеречь меня, говори прямо. Зачем ты пришла, Куэйт?

В глазах колдуньи отразилась луна.

– Указать тебе путь.

– Я все помню. На юг, чтобы попасть на север, на восток, чтобы попасть на запад, назад, чтобы продвинуться вперед. Пройти через тень, чтобы достичь света. – Дени выжала свои серебристые волосы. – Меня уже тошнит от загадок. Я больше не нищенка, какой была в Кварте, – я королева. Приказываю тебе...

– Вспомни Бессмертных, Дейенерис. Вспомни, кто ты.

– Кровь дракона... – Но ее драконы режут в ночи. – Я помню Бессмертных. «Дитя троих», так называли они меня. Обещали мне трех коней, три огня, три измены. Одну из-за золота, другую из-за крови, третью...

– С кем ваше величество разговаривает? – Миссандея с лампой появилась на пороге опочивальни.

Дени оглянулась: под хурмой никого. Никакой женщины в маске.

Тень. Воспоминание. Она от крови дракона, но кровь эта, по словам сира Барристана, порочна. Не сходит ли королева с ума? Ее отца в свое время прозвали безумным.

– Я молилась, – сказала Дени служанке. – Скоро уже рассвет – надо бы поесть до приемных часов.

– Я принесу завтрак, ваше величество.

Снова оставшись одна, Дени обошла вокруг пирамиды в поисках Куэиты. Обгоревшие деревья и выжженная земля напоминали о том, как ловили Дрогона, но в садах слышался только ветер, и единственными живыми существами были ночные бабочки.

Миссандея принесла дыню и вареные яйца, но аппетит у Дени пропал. Небо светлело, звезды гасли одна за другой. Ирри и Чхику облачили королеву в лиловый шелковый токар с золотой каймой.

На Резнака и Скахаза Дени смотрела недоверчиво, памятуя о трех изменах. «Остерегайся душистого сенешаля», – вспомнила она, подозрительно припохиваясь к Резнаку. Не приказать ли Лысому арестовать его и подвергнуть допросу? Помешает это пророчеству сбыться, или измены все равно не миновать? Пророчества коварны – возможно, Резнак ни в чем не повинен.

Ее тронную скамью щедро устлали подушками. Сир Барристан постарался, с улыбкой подумала Дени. Хороший он человек, но порой понимает все чересчур буквально. Дени просто шутила – но на подушке и правда сидеть приятнее, чем на голой скамье.

Бессонная ночь не замедлила сказаться: Дени сдерживала зевки, слушая доклад Резнака о ремесленных гильдиях. Каменщики ею недовольны: бывшие рабы снижают расценки и подмастерьям, и мастерам.

– Вольноотпущенников можно нанять по дешевке, ваше великолепие, притом некоторые из них объявляют себя мастерами, что незаконно. Обе гильдии, по камню и кирпичу, просят поддержать их права и обычаи.

– Голод вынуждает вольноотпущенников ценить свой труд дешево, – заметила Дени. – Если запретить им тесать камень и класть кирпич, то свечники, ткачи и золотых дел мастера потребуют таких же запретов. Решим так: мастерами и подмастерьями могут именоваться лишь члены гильдий, но взамен гильдии обязаны принимать к себе всех бывших рабов, доказавших свое умение.

– Да будет так. Угодно ли вашему великолепию выслушать благородного Гиздара зо Лорака?

«Опять! Экий настырный».

– Мы выслушаем его.

Гиздар сегодня был не в токаре, а в простом серо-голубом длинном хитоне. Бороду он сбрил, волосяные крылья состриг.

– Ваш цирюльник поработал на славу, Гиздар. Надеюсь, вы пришли лишь затем, чтобы показаться мне в новом виде, и не будете ничего говорить о бойцовых ямах?

– Боюсь, что буду, ваше величество, – с низким поклоном ответил он.

Дени скривилась. Даже собственные приближенные не дают ей покоя с этими ямами. Резнак мо Резнак твердит о высоких налогах, Зеленая Благодать уверяет, что ямы угодны богам, Лысый полагает, что их открытие прибавит им сторонников против Сынов Гарпии. «Пусть себе дерутся», – бурчит Силач Бельвас, сам бывший боец. Сир Барристан предлагает устроить турнир, где его сиротки будут попадать копьями в кольца и сражаться тупым оружием в общей схватке – мысль столь же безнадежная, сколь и благая. Рыцарские искусства миэринцам ни к чему, им кровь подавай – иначе бойцы в ямах тоже бы облачались в доспехи. Королеву, похоже, поддерживает одна Миссандея.

– Я вам отказывала шесть раз, – напомнила Дени.

– У вашего величества семь богов – быть может, на седьмой вы будете ко мне благосклоннее. Нынче я пришел не один: не изволите ли послушать моих друзей, коих тоже семеро? Это Храз, – начал представлять Гиздар одного за другим, – это отважная Барсена Черновласая, Камаррон Три Счета, Гогор-Великан, Пятнистый Кот, Бесстрашный Итхок и, наконец, Белакуо-Костолом. Все они присоединяют свой голос к моему и просят ваше величество открыть наши бойцовые ямы.

Дени знала их всех – не в лицо, так по имени. Самые знаменитые из бойцов Миэрина. Именно бойцовые рабы, освобожденные ее «крысами из клоаки», подняли бунт внутри городских стен и помогли ей взять город. Она перед ними в долгу.

– Мы слушаем, – молвила королева.

Все они обращались к ней с одной просьбой.

– Зачем это вам? – спросила Дени, когда Итхок сказал свое слово. – Вы больше не рабы, обязанные умирать по приказу хозяина. Я вас освободила. Зачем вам расставаться с жизнью на багряном песке?

– Меня учили драться с трех лет. Убиваю с шести, – сказал Гогор. – Мать Драконов сказала, что я свободен – почему тогда драться мне не дают?

– Хочешь драться – дерись за меня. Вступай в ряды Детей Неопалимой, Вольных Братьев или Крепких Щитов. Учи других вольноотпущенников сражаться.

– Раньше я дрался за хозяина. Ты говоришь – за тебя, а я хочу за себя. – Боец постучал себя по груди кулаком величиной с окорок. – Чтобы золото. Чтобы слава.

– Мы все так думаем, – сказал Пятнистый Кот в перекинутой через плечо леопардовой шкуре. – Последний раз меня продали за триста тысяч онеров. Рабом я спал на мехах и ел красное мясо, свободным сплю на соломе и ем соленую рыбу, да и ту не всегда.

– Гиздар клянется отдавать победителю половину сборов, – подхватил Храз. – Он человек слова, Гиздар.

«Хитрец он, вот кто». Дени почувствовала, что ее приперли к стене.

– А побежденному что достанется?

– Его имя высекут на Вратах Судьбы среди имен других славных бойцов, – пообещала Барсена, восемь лет подряд убивавшая всех соперниц, выходивших против нее. – Все мы смертны – и мужчины, и женщины, – но не всякого будет помнить.

На это Дени нечего было ответить. Если ее народ этого хочет, имеет ли она право отказывать? Это их город, и рискуют они собственной жизнью.

– Я подумаю над тем, что вы говорили, – поднялась Дени. – Благодарю за совет, завтра продолжим.

– На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов, – воззвала Миссандея.

Сир Барристан сопровождал Дени в ее покои.

– Расскажите что-нибудь, сир, – попросила она. – Какую-нибудь героическую историю со счастливым концом. – Ей это действительно требовалось. – Расскажите, как бежали от узурпатора.

– В бегстве геройства нет, ваше величество.

– И тем не менее. – Дени уселась на подушку, поджала ноги. – Начните с того, как молодой узурпатор выгнал вас из Королевской Гвардии...

– Джоффри, да. Будто бы из-за возраста, но истинная причина была другой. Ему требовался белый плащ для его пса Сандора Клигана, а королева-мать хотела сделать Цареубийцу командующим. Я снял свой плащ, как они велели, бросил меч к ногам Джоффри и произнес неразумные слова.

– Какие именно?

– Правду, которая никогда не была желанной при этом дворе. И вышел из тронного зала с высоко поднятой головой, сам не зная куда. Башня Белый Меч была моим единственным домом. Мне нашлось бы место в Колосьях, но я не хотел навлекать немилость Джоффри на своих родичей. Укладывая вещи, я понял внезапно, что сам виноват: не нужно мне было принимать помилование Роберта. Он был хорошим рыцарем, но плохим королем, потому что трон занимал не по праву. Тогда я решил, что найду истинного короля и отдам на службе ему все силы, которые во мне еще есть.

– Моего брата Визериса.

– Да, таково было мое намерение. На конюшне меня окружили золотые плащи. Джоффри предлагал мне земельный надел, чтобы я умер в собственном замке, но я отверг его дар, и он приказал бросить меня в темницу. Городских стражников возглавлял сам начальник, приободренный видом моих пустых ножен, но людей с ним было всего только трое, а нож остался при мне. Я раскроил лицо одному, смял конем остальных и поскакал к воротам, но Янос Слинг пустился в погоню. На улицах былолюдно, и он настиг меня у Речных ворот города. Золотые плащи, несшие там караул, услышали крики своих сотоварищей и скрестили передо мной копья.

– Как же вам удалось вырваться без меча?

– Истинный рыцарь стоит десятка стражников. Одного я снова стоптал конем, выхватил у него копье и пронзил им горло другого. Преследователи не посмели напасть; я пустил коня галопом и несея как одержимый, пока не оставил город далеко позади. Ночью я обменял своего скакуна на пригоршню медяков и домотканые лохмотья, а утром в толпе простого народа вернулся назад. Выезжал я через Грязные ворота, вошел через Божьи. Грязный, заросший, с одним только деревянным посохом – погорелец, бегущий от войны в город. Сохранившееся у меня серебро я берег на проезд через Узкое море; ночевал в септах, а то и вовсе на улице, ел в дешевых харчевнях. Отрастил бороду, и стало меня не узнать. Был при том, как отрубили голову лорду Старку. Потом зашел в Великую Септу и возблагодарил Семерых за то, что Джоффри отнял у меня плащ.

– Старк был изменником и умер смертью изменника.

– Эддард Старк приложил руку к свержению вашего отца, но вам он зла не желал. Когда Варис-евнух сказал нам, что вы ждете ребенка, Роберт захотел вас убить, а лорд Старк стал с ним спорить. «Найдите себе другого десницу, согласного на детоубийство», – сказал он Роберту.

– Вы забыли, как умерли принцесса Рейенис и принц Эйегон?

– В этом повинны Ланнистеры, ваше величество.

– Ланнистеры или Старки, разницы нет. Визерис их всех называл псами узурпатора. Когда ребенка травят сворой гончих, не все ли равно, которая из них перервала ему горло. – Дени запнулась и неожиданно для себя сказала тоненьким детским голосом: – Мне нужно вниз. Прошу вас, сир, проводите меня туда.

– Как прикажете, – с заметным неудовольствием произнес старый рыцарь.

По черной лестнице, укрытой в стене, спускаться было быстрее, чем по парадной. Сир Барристан освещал путь фонарем. Кирпич двадцати разных оттенков казался черно-серым при свете. Они миновали три пары Безупречных, стоящих подобно каменным изваяниям – слышен был только шорох ног по ступеням.

Великая Пирамида Миэрина в самом низу была тихим местом, полным теней и пыли. Внутри стен тридцатифутовой толщины, среди разноцветных кирпичных арок, конюшен и кладовых бродило гулкое эхо. Королева и ее рыцарь спускались все ниже, идя по каменному скату мимо цистерн, темниц и пыточных камер, где еще недавно бичевали рабов, и жгли их каленым железом, и сдирали с них кожу. Скат упирался в громадные железные двери на ржавых петлях – их тоже стерегли Безупречные.

Один из них по приказу Дени отпер двери ключом. Королева, войдя в горячее сердце тьмы, остановилась на кромке глубокой ямы. С глубины сорока футов на нее смотрели две пары глаз: одни бронзовые, другие – жидкого золота.

– Дальше не надо, – удержал ее сир Барристан.

– Вы думаете, они способны напасть на меня?

– Не знаю и не собираюсь рисковать вашим величеством, чтобы узнать.

Рейегаль взревел, и язык желтого пламени на миг осветил тьму. В лицо Дени пахнуло жаром, как из печи. Визерион расправил крылья и попытался взлететь, но плюхнулся на живот. Его свободу ограничивали цепи на ногах со звеньями как хороший мужской кулак и прикрепленный к стене железный ошейник. Так же был скован и Рейегаль. При свете фонаря Селми он светился яркой нефритовой зеленью, из пасти сочился дым. На дне ямы валялись изгрызенные, обугленные дочерна кости, в воздухе стоял запах серы и горелого мяса.

– Они стали еще больше. – Струйка пота стекла со лба Дени на грудь. – Неужели правда, что драконы никогда не перестают расти?

– Да, если у них вдоволь места и корма. В оковах – вряд ли...

При великих господах эта яма служила тюрьмой. В ней помещались пятьсот человек, и двум драконам здесь было вполне просторно, только надолго ли? Что будет, когда им станет тесно? Схватятся они, терзая друг друга когтями и поливая огнем, или начнут понемногу чахнуть? Бока у них опадут, крылья скукожатся, пламя иссякнет...

Что это за мать, которая гноит своих детей в яме!

Оглянешься назад – пропадешь, но как удержаться от рокового взгляда? Дени должна была это предвидеть. Слепа она была, что ли, или сознательно закрывала глаза, чтобы не видеть, какой ценой покупается власть?

Визерис рассказывал ей много разных историй. Она знала, как пал Харренхолл, знала об Огненном Поле и Пляске Драконов. Мать Эйгона Третьего пожрал на глазах у сына дракон его дяди. А сколько песен сложено о драконах, державших в страхе деревни и целые королевства, пока их не убивал какой-нибудь отважный герой! У астапорского рабовладельца глаза вытекли, когда Дрогогдохнул на него. На пути в Юнкай трое детей королевы полакомились головами Саллора Смелого и Прендаля на Гхезна, которые Даарио бросил к ее ногам. Дракон человека не боится; если он достаточно велик, чтобы слопать овцу, то может съесть и ребенка.

Девочке, Хазее, было четыре года. Не лжет ли ее отец? Кроме него, дракона никто не видел. Он предъявил кости, но это еще ничего не доказывает. Он мог сам убить девочку, сжечь ее труп – и был бы не первым отцом, который избавился от нежеланной дочери, как заметил Скахаз. Хазею могли убить Сыны Гарпии и свалить свое преступление на дракона, чтобы

вызвать в народе ненависть к Дейенерис. Дени очень хотелось бы в это верить... Но почему тогда отец девочки ждал, пока не остался в тронном зале один? Хотел бы настроить миэринцев против королевы – изобличил бы ее перед всеми просителями.

Лысый советовал ей предать этого человека смерти. «Или хотя бы язык ему вырезать. Его ложь может погубить нас всех, ваше великолепие». Вместо этого Дени решила уплатить пеню за кровь. Не зная, как определить цену маленькой девочки, она постановила выдать отцу стоимость ста ягнят. «Я вернула бы тебе Хазею, будь это в моей власти, – сказала она, – но даже королева может не все. Ее косточки обретут покой в Храме Благодати, и сто свечей будут гореть день и ночь и память о ней. Приходи ко мне каждый год на ее именины, и другие твои дети ни в чем не будут нуждаться, но с условием: никому больше не рассказывать о том, что случилось».

«Так ведь люди-то спросят, – ответил безутешный отец. – Спросят, где Хазея, и что с ней стало».

«Скажи, что ее змея укусила, – предложил Резнак, – или волк утащил, или хворь какая напала. Все что хочешь, только о драконах ни слова».

Визерион снова рванулся к Дени, скребя когтями по камню. Не добившись успеха, он заревел, запрокинул голову и плюнул в стену огнем. Скоро ли его жар сможет крушить камень и плавить железо?

Совсем еще недавно он сидел у нее на плече, обмотав хвостом руку, а она кормила его жареным дочерна мясом. Его заковали первым. Дени сама свела его в яму и заперла там с несколькими бычками. Наевшись досыта, он уснул – тогда на него и надели цепи.

С Рейегалем пришлось труднее – он, должно быть, слышал через все стены, как ревет и бьется в цепях его брат. Когда он пригрелся на террасе у Дени, его накрыли тяжелой железной сетью, но он и под ней так метался, что по лестнице его стаскивали целых три дня, и шестеро человек получили ожоги.

А Дрогон, крылатая тень, как назвал его отец девочки... Самый крупный, самый злой, с черной как ночь чешуей и огненными глазами...

Он улетал далеко, но тоже любил погреться на самом верху пирамиды, где раньше стояла миэринская гарпия. Трижды его пытались изловить там, и трижды терпели неудачу. От ожогов пострадали чуть ли не сорок отважных, и четверо из них умерли. В последний раз Дени видела Дрогона на закате в день третьей попытки: он улетел на север, за Скахаздан, в Дотракийское море, и больше не возвращался.

«Матерь драконов, – думала Дейенерис. – Матерь чудовищ». Что за зло привела она в мир? Трон ее сложен из горелых костей и зиждется на зыбучем песке. Как ей без драконов удержать Миэрин, не говоря уж о завоевании Вестероса? Она от крови дракона: если они чудовища, то и она тоже.

Вонючка

Крыса заверещала, когда он вгрызся в нее, и начала вырываться. Брюхо мягче всего. Он рвал зубами сладкое мясо, теплая кровь текла по губам. Радостные слезы выступили у него на глазах, в животе заурчало. На третьем укусе крыса перестала дергаться, и он ощутил нечто сходное с удовольствием.

Потом за дверью темницы раздались голоса, и он замер, не смея ни жевать дальше, ни выплюнуть. Слыша, как звенят ключи и шаркают сапоги, он просто оцепенел от ужаса. О нет, милостивые боги, не надо. Он так долго ловил эту крысу. Теперь ее отберут, расскажут обо всем лорду Рамси, и тот сделает ему больно.

Спрятать бы добычу, но очень уж есть хочется. Два дня как не ел, а может, и три – поди разбери здесь во тьме. Руки-ноги исхудали и сделались как тростинки, зато живот раздулся, болит и спать не дает. Закроешь глаза, и сразу вспоминается леди Хорнвуд. Лорд Рамси после свадьбы запер ее в башне и уморил голодом. Она съела свои пальцы, прежде чем умереть.

Присев на корточки в углу, он стал пережевывать мясо оставшимися зубами, стараясь проглотить как можно больше, пока дверь не открыли. Крысятина жилистая, но и жирная тоже – того и гляди стошнит. Он жевал, глотал, выбирал из десен мелкие кости. Они причиняли ему боль, но остановиться не давал голод.

Звуки становились все громче. «Только бы не ко мне!» – взмолился мысленно узник, оторвав крысиную ногу. К нему давно уж никто не ходил – мало ли других узников в подземелье. Иногда он слышал их крики даже сквозь толстые стены. Женщины кричат громче всех. Косточка от ноги, которую он выплюнул, застряла у него в бороде. «Уходите, пожалуйста. Идите себе мимо, не троньте меня».

Но сапоги топали, и ключи гремели прямо за его дверью. Он выронил крысу, вытер руки о штаны.

– Нет, нет, неееееет! – Скребя каблуками по соломе, он вжался еще дальше в угол, в сырые стены.

Нет страшней звука, когда ключ поворачивается в замке. Узник закричал, когда свет ударил ему в лицо, и зажал руками глаза. Какая боль! Он выцарапал бы их, да смелости не хватает.

– Уберите свет! Сделайте все в темноте! Прошу вас!

– Не он это, – сказал мальчишеский голос. – Посмотри на него. Мы зашли не в ту камеру.

– Как же не в ту, – ответил ему другой мальчик. – Последняя слева, она и есть.

– Правда твоя. Чего он там орет-то?

– Похоже, ему свет досаждаёт.

– Еще бы. – Мальчишка сплюнул. – А уж воняет от него, задохнуться впору.

– Он крыс жрет, смотри.

– Ага, – засмеялся другой. – Смехота.

А что прикажете с ними делать? Они бегают по нему, грызут пальцы на руках и ногах, порой и в лицо кусают.

– Ну да, ем, – забормотал узник, – так ведь они меня тоже едят. Не троньте!

Мальчишки подошли ближе, хрустя соломой.

– Скажи что-нибудь, – попросил тот, что поменьше. Худенький, но умный, сразу видать. – Как звать тебя, помнишь?

Узник застонал, снедаемый страхом.

– Ну? Назови свое имя.

Имя... Ему говорили, только давно – он забыл. Скажешь неверно, снова пальца лишишься или хуже того... Нет, нет, не надо об этом думать. Глаза и рот кололо, как иглами.

– Прошу вас, – прошамкал он, будто столетний старец. Может, ему и впрямь сто лет. Сколько он уже здесь сидит? – Уйдите, – бормотал он сквозь выбитые зубы и недостающие пальцы. – Заберите крысу, только меня не трогайте.

– Тебя Вонючкой звать – вспомнил теперь? – сказал большой мальчик. Он держал факел, а другой – связку ключей.

Из глаз узника хлынули слезы.

– Да. Вспомнил. Вонючка. Рифма – трясучка. – В темноте имя тебе ни к чему, и забыть его очень просто. В настоящей жизни его звали как-то иначе, но здесь и сейчас он Вонючка. Точно.

Он и мальчишек вспомнил. На них одинаковые дублеты из шерсти ягненка, серебристо-серые с синей оторочкой. Оба они оруженосцы, обоим по восемь лет, даже имена у них одинаковые: Уолдер Фрей. Уолдер Большой и Уолдер Малый. Который здоровый – Малый, который поменьше – Большой. Все путают, а им смех.

– Я вас знаю, – прошептал узник потрескавшимися губами. – Знаю, как нас зовут.

– Ты пойдешь с нами, – сказал Уолдер Малый.

– Его милость тебя требует, – сказал Уолдер Большой.

Страх пронзил узника, как ножом. Они только дети, восьмилетние мальчики – уж их-то он при всей своей слабости одолеет? Забрать факел, ключи, взять кинжал с бедра Уолдера Малого и бежать. Нет, нельзя. Тут какой-то подвох. Побежишь – опять пальца лишат или зуб выбьют.

Он уже пытался. Сколько-то лет назад, когда еще силы были. Тогда к нему пришла Кира – она украла ключи и знала калитку, которая не охранялась. «Бежим в Винтерфелл, милорд, – просила она, бледная и дрожащая. – Сама я дороги не знаю. Бежим со мной». И он согласился. Тюремщик лежал мертвецки пьяный в луже вина, со спущенными штанами. Дверь в подземелье была открыта, калитка, как и сказала Кира, не охранялась. Они выждали, когда луна скрылась за облаком, удрали из замка и побежали, спотыкаясь о камни, через ледяную Рыдальницу. На том берегу он поцеловал Киру: «Спасительница моя». Дурак, вот дурак!

Это была ловушка, обманка. Лорд Рамси любит поохотиться и предпочитает двуногую дичь. Всю ночь Вонючка с Кирой бежали по лесу, а когда взошло солнце, далеко позади затрубил рог и залаяли гончие. «Разделимся, – сказал он, – тогда они смогут выследить лишь одного из нас». Но девушка обезумела от страха и отказывалась покинуть его, хотя он клялся собрать Железных Людей и вернуться за ней, если ее все же схватят.

Не прошло и часа, как их взяли обоих. Один пес повалил его, другой вцепился в ногу карабкавшейся на холм Киры. Остальные стояли вокруг, рычали, щелкали зубами и не давали беглецам шевельнуться, пока не подъехал Рамси Сноу с охотниками – тогда он еще был бастард и не назывался Болтоном. «Далеко собрались? – спросил он, улыбаясь им обоим с седла. – Вы меня обижаете – разве вам в моем доме плохо гостилось?» Кира метнула ему в голову камень и промахнулась на добрый фут. «А вот за это тебя следует наказать», – сказал Рамси, улыбаясь по-прежнему.

Вонючка помнил отчаяние и страх в глазах Киры. Никогда еще она не казалась ему такой юной – совсем девочка. Сама виновата: надо было разделить, как он предлагал, тогда кто-нибудь, глядишь, и ушел бы.

Ожившая память теснила грудь, не давала дышать. Вонючка со слезами на глазах отвернулся от факела. Чего Рамси надо на этот раз? Почему он не оставляет его в покое? Сейчас Вонючка ничего плохого не сделал – почему бы не оставить его здесь, в темноте? Он бы поймал еще крысу, славную, жирную...

– Может, помыть его? – сказал Уолдер Малый.

– Не надо, – сказал Уолдер Большой. – Пусть смердит, не зря же милорд его Вонючкой прозвал.

Вонючка. Его зовут Вонючка, рифма закорючка. Надо запомнить. «Служи, повинуйся, помни, кто ты есть, и никакого вреда тебе больше не сделают». Он дал слово, и его милость тоже. Захоти даже Вонючка воспротивиться, он не смог бы. Всю волю к сопротивлению выбили из него, голодом выморили. Когда Уолдер Большой поднял его на ноги, а Малый махнул факелом, он пошел с ними послушно, как пес. Будь у него хвост, он зажал бы его промеж ног.

Будь у него хвост, Бастард бы его отрезал. Непрошенная мысль, злая, опасная. Его милость больше не бастард. Болтон, не Сноу. Маленький король на Железном Троне узаконил его, разрешил пользоваться именем лорда-отца. Если назвать его Сноу, он впадет в бешенство. Надо запомнить, и свое имя тоже нельзя забывать. На мгновение узник забыл его и так испугался, что споткнулся на крутой лестнице, порвал штаны и ногу разбил. Уолдеру Малому пришлось ткнуть в него факелом, чтобы он встал и пошел дальше.

В Дредфорте была ночь, полная луна стояла над восточными стенами. Тени от зубцов лежали на мерзлой земле, как острые черные зубы, в воздухе чувствовались полузабытые запахи. Так пахнет большой мир, да. Вонючка не знал, сколько просидел в подземелье. Полгода точно, если не больше. Насколько больше – пять лет, десять, двадцать? Может, он с ума там сошел? Да нет, глупо. Если бы прошли годы, Уолдеры стали бы взрослыми, а они как были мальчишками, так и остались. Надо запомнить. Не дать Рамси лишиться его разума. Рамси может отнять у него все – пальцы, глаза и уши, но свести себя с ума он не даст.

Уолдер Малый шел впереди с факелом, за ним – послушный Вонючка, следом Уолдер Большой. Их облаяли собаки на псарне. Ветер свистел во дворе, пронизывая лохмотья Вонючки. Снега пока нет, но зима, не иначе, вот-вот настанет. Доживет ли Вонючка до первого снега? И если да, сколько пальцев у него останется на руках и ногах? Собственная рука поразила его – белая, совершенно бесплотная. Кожа да кости, совсем старик. Может, он ошибся насчет мальчишек? Может, это сыновья тех Уолдеров, которых он знал?

В большом чертоге было дымно и довольно темно, хотя справа и слева рядами горели факелы, вставленные в скелеты человеческих рук. Стропила почернели от копоти, сводчатый потолок терялся во мраке. Пахло здесь вином, элем и жареным мясом. В животе у Вонючки заурчало, рот наполнился слюной.

Уолдер Малый, толкая в спину, гнал его мимо длинных столов, где ели бойцы гарнизона. Он чувствовал на себе их взгляды. Лучшие места у возвышения занимали любимцы Рамси, «бастардовы ребята». Старый Бен Бонс, ухаживающий за любимыми охотничьими собаками его милости. Молодой белокурый Дамон-Плясун. Молчун – он лишился языка, сболтнув что-то неподобающее при лорде Русе. Алин-Кисляй. Свежевальщик. Желтый Дик. Тех, кто сидел ниже соли, Вонючка тоже знал, с виду по крайней мере: присяжные рыцари, солдаты, тюремщики, палачи. Встречались, однако, и незнакомые лица. Одни морщили носы, когда он проходил мимо, другие смеялись. «Меня привели сюда, чтобы позабавить гостей его милости», – с дрожью подумал Вонючка.

Бастард Болтонский сидел на высоком месте своего лорда-отца и пил из отцовской чаши. Его соседями были два старика – тоже лорды, Вонючка это понял с первого взгляда. Один тощий, с глазами как кремь, с длинной белой бородой. Лицо замороженное, колет из медвежьей шкуры, поношенной и засаленной, кольчугу даже и за столом не снял. Второй тоже худ и весь какой-то изломанный. Одно плечо много выше другого, сидит над своей миской, как стервятник над падалью. Глаза серые, жадные, зубы желтые, раздвоенная борода серебрится, на пятнистой лысине осталось всего несколько белых прядок. Богатый плащ серой шерсти оторочен черным соболем и застегнут на плече выкованной из серебра звездой.

Сам Рамси одет в черное с розовым. Черные сапоги, черный пояс и ножны, черный кожаный колет поверх розового бархатного дублета с прорезями из темно-красного атласа. В правом ухе гранатовая серьга в виде капли крови. Красиво одет, но собой все равно урод. Кость широкая, плечи сутулые, мясистый – с годами начнет жиреть. Кожа розовая, со следами от

прыщей, нос широк, рот мал, волосы длинные и сухие, губы толстые, но первым делом все замечают его глаза. Рамси унаследовал их от лорда-отца – маленькие, близко посаженные, почти бесцветные. Призрачно-серые, как выражаются некоторые, а на самом деле белесые, как две грязные льдинки.

При виде Вонючки он растянул мокрые губы в улыбке.

– А вот и мой тухлый дружок. Вонючка с детства при мне, – объяснил он соседям слева и справа. – Мой лорд-отец подарил мне его в знак любви.

Лорды переглянулись.

– Мы слышали, что ваш слуга погиб от руки Старков, – заметил ломаный.

– Железные Люди сказали бы, что мертвое не умирает – оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче прежнего. Так и Вонючка. Разит от него, конечно, как из могилы, в этом вы правы.

– Разит нечистотами и блевотиной. – Горбун бросил кость, которую грыз, и вытер руки о скатерть. – Непременно нужно приводить его сюда, пока мы трапезничаем?

Второй лорд, в кольчуге, оглядел Вонючку кремнистыми очами и сказал горбуну:

– Посмотрите как следует. Он поседел и сбросил не меньше трех стоунов, но сразу видно, что он не слуга. Неужели не узнаете?

– Воспитанник Старка всегда улыбался, – фыркнул горбун.

– Теперь он улыбается реже, утратив некоторое количество своих белых зубов, – вставил лорд Рамси.

– Лучше бы сразу перерезали ему глотку, – сказал кольчужный. – С собаки, которая бросается на хозяина, остается только шкуру содрать.

– С него и содрали... местами.

– Да, милорд. Я вел себя дурно, милорд. Дерзко и... – Вонючка облизнул губы, вспоминая, в чем он еще провинился. «Служи и повинуйся, тогда он оставит тебя в живых, и ты сохранишь те части тела, которые еще уцелели. И помни, как тебя звать. Вонючка, Вонючка, рифма липучка».

– У тебя кровь на губах – опять пальцы грыз?

– Нет, милорд. Нет, клянусь вам. – Когда-то он пытался откусить собственный безымянный палец – тот невыносимо болел, когда с него сняли кожу. Отрубить человеку палец слишком просто для лорда Рамси: когда сдирают кожу, это куда мучительней. Вонючку и плетью били, и на дыбу вздергивали, и резали по живому, но с содранной кожей ничто не сравнится. Такого никто долго не вытерпит. Рано или поздно начинаешь кричать: «Не могу больше, пощадите, отрежьте его совсем», – ну, Рамси и выполнит твою просьбу. Такая у них игра. Вонючка хорошо выучил правила – стоит только посмотреть на его руки и ноги, – но в тот единственный раз забылся и хотел отгрызть палец сам. Рамси был недоволен и ободрал еще один палец, теперь на ноге. – Я крысу съел!

– Крысу? – Белесые глаза Рамси блеснули при свете факела. – Все крысы Дредфорта – собственность моего лорда-отца. Как ты смеешь есть их без моего позволения?

Вонючка не знал, что сказать, и потому промолчал. Одно неверное слово – и лишишься еще одного пальца ноги, а то и руки. У него недостает уже двух на левой руке и мизинца на правой. На правой ноге тоже мизинца нет, а на левой отрезано целых три. «Чтобы равновесие похуже держал», – шутит Рамси. Милорд только шутит, он не желает Вонючке зла – сам так сказал. Он делает это, лишь когда Вонючка дает ему повод. Милорд милостив. Вонючке все лицо следовало бы ободрать за то, что он говорил. Пока не усвоил, как его настоящее имя и где его место.

– Это становится скучным, – сказал лорд в кольчуге. – Убейте его, и дело с концом.

Рамси налил эля в чашу.

– Зачем же портить праздник, милорд. Вонючка, у меня хорошие новости! Я женюсь. Мой лорд-отец везет мне дочь лорда Эддарда Арья. Помнишь ее?

«Арья-надоеда, – чуть не выпалил он. – Арья-лошадка». Младшая сестра Робба, с длинной мордашкой, тощая как палка и вечно грязная. Красавицей в семье была Санса. Одно время он мечтал, что лорд Эддард женит его на Сансе и назовет своим сыном. Пустые мечты.

– Да. Арья помню.

– Она будет леди Винтерфелла, а я – ее лордом.

«Она же совсем ребенок».

– Да, милорд. Мои поздравления.

– Будешь служить у меня на свадьбе, Вонючка?

– Если милорд пожелает.

– Да, я желаю этого.

Вонючка медлил, опасаясь новой ловушки.

– Буду, милорд. Охотно. Почту за честь.

– Тогда мы должны забрать тебя из этой ужасной темницы. Отмыть, одеть в чистое, накормить. Что скажешь насчет овсянки? И горохового пирога с ветчиной? У меня для тебя есть дело – придется восстановить силы, если хочешь мне послужить. Ты хочешь, я знаю.

– Да, милорд. Очень хочу. – Дрожь пробежала по всему телу узника. – Позвольте вашему Вонючке послужить вам, милорд.

– Ну, коли ты так просишь... Поедем с тобой на войну. И вместе доставим мою невесту домой.

Бран

От крика ворона по спине Брана прошел холодок. «Я почти взрослый, – напомнил он себе. – Я должен быть храбрым».

Но воздух прямо-таки наполнился страхом – даже Лето и тот боялся: шерсть у него на загривке поднялась дыбом. По склону тянулись черные, голодные тени, деревья искривились и покорежились под тяжестью льда. Да и деревья ли это? Они больше похожи на уродливых великанов, зарывшихся в снег под режущим ветром.

– Они здесь. – Разведчик обнажил меч.

– Где? – тихо спросила Мира.

– Не знаю. Близко.

Ворон опять закричал.

– Ходор, – прошептал Ходор, пряча руки под мышками. Его рыжеватая борода обросла сосульками, усы покрылись застывшими соплями и поблескивали при красном свете заката.

– Волки, идущие за нами, тоже недалеко, – предупредил Бран. – Лето чувствует их, когда ветер дует в нашу сторону.

– Волки – наименьшая из наших бед, – сказал Холодные Руки. – Надо подняться в гору и укрыться, пока не стемнело. Их притягивает ваше тепло. – Он посмотрел на запад, где солнце проглядывало сквозь лес, как отдаленный пожар.

– Это единственный вход? – спросила Мира.

– Другой находится в трех лигах к северу. Это колодец.

Все было ясно без слов. Ходор с Браном на спине не пролезет там, а для Жойена три лиги пешком – все равно что тысяча.

– Вроде бы чисто, – сказала Мира, глядя наверх.

– Именно «вроде бы», – мрачно ответил разведчик. – Чувствуешь холод? Они где-то рядом, но где?

– В пещере? – предположила Мира.

– Пещера заговорена, им туда не пройти. Вон она, видите? – указал мечом Холодные Руки. – На середине склона, между чардревями.

– Я вижу, – сказал Бран, глядя, как вороны влетают в скалу и вылетают обратно.

– Ходор. – Конюх переступил с ноги на ногу.

– Темное пятно на утесе, и только, – сказала Мира.

– Там есть ход, – подтвердил разведчик. – Крутой, извилистый, но проходимый. Доберетесь туда – будете в безопасности.

– А ты как же?

– Пещера заговорена. Мне в нее доступа нет.

– Отсюда до нее не больше тысячи ярдов, – прикинула Мира.

«Не так уж много, но в гору», – подумал Бран. Склон крут и весь покрыт лесом. Снега уже три дня не было, но тот, что выпал, не тает – под деревьями лежат глубокие, нетронутые сугробы.

– Нет тут никого, – храбро сказал он. – Ни одного следа на снегу.

– Белые Ходоки ступают легко, не оставляя следов, – ответил разведчик. Ворон, слетев сверху, сел ему на плечо. С ними осталась только дюжина черных птиц, все остальные по дороге куда-то пропали; каждое утро их становилось все меньше.

– Идем, – сказал ворон. – Идем, идем.

«Трехглазая ворона, древовидица...»

– Пошли, – поддержал Бран. – Скоро будем на месте – может, даже костер разведем. – Все они, кроме разведчика, промерзли, промокли и страдали от голода, а Жойен без помощи шагу ступить не мог.

– Ступайте вперед. – Мира склонилась над братом. Жойен сидел между корнями большого дуба с закрытыми глазами и весь дрожал. Лицо его совсем истаяло и побелело, как снег кругом, но парок от дыхания еще шел из ноздрей. Мира весь день несла мальчика на себе. Накормить бы его, согреть – может, все бы еще и наладилось. – Я не могу драться и в то же время нести его. Поднимайся с Браном к пещере, Ходор.

– Ходор, – хлопнул в ладоши тот.

– Ему бы поесть, – беспомощно сказал Бран. Двенадцать дней назад их лось упал в третий раз и уже не поднялся. Разведчик, опустившись рядом с ним на колени, прочитал отходную на непонятном языке и перерезал животному горло. Бран плакал, как девчонка, при виде хлынувшей на снег алой крови, чувствуя себя жалким как никогда. Мира и Холодные Руки разделили лося. Бран твердил себе, что не станет есть мертвого друга, но в конце концов поел, даже дважды: один раз как человек, другой в шкуре Лета. Лось сильно исхудал, но его мяса хватило им на семь дней; остатки они доедали у костра в руинах старого форта.

– Хорошо бы, – согласилась Мира, глядя брата по голове. – Нам бы всем не мешало, вот только еды у нас нет. Идите.

Бран смигнул слезу, тут же застывшую на щеке. Холодные Руки взял Ходора за локоть.

– Смеркается. Если их здесь пока и нет, скоро явятся. Пошли.

Ходор, промолчав в кои веки, потопал ногами и двинулся вверх по склону. Разведчик шел следом с мечом в черной руке, Лето замыкал восхождение. Снег кое-где был ему с головой – он то и дело отряхивался. Бран оглянулся, насколько позволяла корзина: Мира внизу помогла брату встать на ноги. Он был слишком тяжел для нее, ослабевшей от голода. Свободной рукой она опиралась на свой лягушачий трезубец. Ходор протиснулся между двумя деревьями, и Бран потерял сестру с братом из виду.

Подъем делался все круче. Ходор наступил на нестойкий камень, съехал назад и чуть не сверзился вниз – его удержал разведчик.

– Ходор, – сказал он при этом. Ветер поднимал в воздух белую пыль, сверкавшую как стеклянная в последних отблесках дня. Вокруг хлопали крыльями вороны. Один полетел вперед и скрылся в пещере. Всего ярдов восемьдесят осталось, совсем немного.

Лето замер у подножия девственно-белого холмика, зарычал, ошетинился, попятился.

– Ходор, стой, – сказал Бран. – погоди. – Лето чуял что-то неладное, и он тоже, совсем рядом. – Назад, Ходор! Назад!

Холодные Руки продолжал подниматься – Ходор не хотел отставать.

– Ходор, ходор, ходор, – забормотал он, заглушая команды Брана. Снег был ему почти по пояс, склон очень крут. Хватаясь за деревья и камни, он сделал вверх шаг, другой. Потребованный им снег вызвал небольшую лавину.

Шестьдесят ярдов. Бран повернул голову вбок, чтобы лучше видеть пещеру.

– Огонь! – В скальной трещине между чардревами мерцало пламя, хорошо заметное в густеющих сумерках. – Да посмотрите же...

Ходор завопил, оступился, упал.

Из Брана дух вышибло, рот наполнился кровью. Ходор катился вниз, подминая его под себя.

Что-то удержало большого конюха за ногу. Корень, подумал сначала Бран, но нет: из-под снега высунулась рука, а за ней показался и весь упырь.

Ходор лягнул его каблуком прямо в лицо, но мертвец ничего не почувствовал. Упырь с Ходором теперь скользили вниз вместе, сцепившись и молотя один другого куда попало. Бран с забитыми снегом носом и ртом на миг оказался сверху. Что-то ударило его по голове – камень,

льдина, кулак мертвеца? Он вылетел из корзины и растянулся в снегу, сжимая в горсти прядь вырванных волос Ходора.

Всюду, куда ни глянь, вылезали из-под снега упыри. Двое, трое, четверо – Бран потерял им счет. Одни в черных плащах, другие в обтрепанных шкурах, третьи вовсе раздетые. Белые, с черными руками, глаза как синие звезды.

Трое напали на Холодные Руки. Одного разведчик полоснул клинком по лицу, но тот продолжал надвигаться, оттесняя противника к другому упырю. Двое съезжали за Ходором. Мира сейчас наткнется прямо на них, в бессильном ужасе сообразил Бран.

Он закричал, предупреждая ее, и тут кто-то схватил его самого.

Крик Брана перешел в вопль. Он кинул в упыря снегом, но тот даже и не моргнул. Одна черная рука с пальцами как железо шарилась по лицу, другая по животу. «Сейчас он мне кишки выпустит», – понял Бран, но на помощь подоспел Лето.

Кожа на мертвеце лопнула, как дешевая ткань, хрустнули кости. От черного рукава отделилась кисть. Черное... раньше он был братом Дозора. Лето, бросив руку, вцепился в шею у подбородка и вырвал кусок бледной гниющей плоти.

Оторванная рука все еще шевелилась. Бран отполз от нее. Между белыми, занесенными снегом деревьями светился огонь.

Пятьдесят ярдов. Если он одолеет их, его уже не достанут. Бран, подтягиваясь за корни и камни, полз к свету. Еще чуть-чуть – и он отдохнет у огня.

Дневной свет померк окончательно. Холодные Руки рубил и резал в кругу обступивших его мертвецов, Лето продолжал терзать своего, никто не смотрел на Брана. Он подтянулся чуть выше, волоча бесполезные ноги. Вот она, пещера, рукой подать...

– Хоооодор, – слабо донеслось снизу, и мальчик-калека преобразился в здорового парня. Упырь норовил выцарапать ему глаза. Бран, с ревом поднявшись на ноги, отшвырнул врага прочь, сорвал с пояса длинный меч. Ходор стонал глубоко внутри, но семифутовый гигант со сталью в руке не имел никакого отношения к бедному дурачку. Он рубил мертвеца, круша мокрую шерсть, ржавую кольчугу, полусгнившую кожу, мясо и кости.

– ХОДОР! – рявкнул он и рубанул снова. Голова упыря отделилась от туловища, но торжествовать было некогда: мертвые руки все так же тянулись к горлу Ходора-Брана.

Бран попятился, весь в крови. Мира Рид вонзила свою острогу упырю в спину.

– ХОДОР! – гаркнул Бран, делая ей знак продолжать подъем.

На снегу шевельнулся Жойен. Бран-Ходор подхватил его на руки.

Мира полезла вверх, коля упырей острой. Боли они не чувствовали, но двигались медленно, неуклюже.

– Ходор, – приговаривал Бран на каждом шагу. Вот удивится Мира, если он вдруг скажет, что любит ее.

Над ними плясали в снегу огненные фигуры. Да это же упыри! Кто-то поджег их.

Лето с рычанием скакал вокруг объятых пламенем мертвеца. Что он делает? Бран, не поняв этого сразу, увидел себя самого, распростертого ничком на снегу – Лето не пускал упыря к нему. Он что, навсегда останется Ходором, если мальчика-калеку убьют? Или вернется в шкуру Лета? Или умрет насовсем?

Вокруг мельтешили белые деревья, черное небо, красные движущиеся огни. Он спотыкался. «Ходор-ходор-ходор-ходор», – вопил Ходор внутри. Вслед за тучей воронов из пещеры вышла, размахивая факелом, какая-то девочка. Бран на миг принял ее за свою сестру Арья, хотя и знал, что Арья сейчас за тысячу лиг отсюда, если вообще жива. И все же это была она, свирепая растрепанная худышка в лохмотьях. Слезы, выступившие на глазах Ходора, тут же замерзли.

Все перевернулось вверх тормашками, и Бран очутился в собственном теле, в снегу. Горящий упырь нависал над ним, позади виднелись деревья в снеговых саванах. Он совсем голый, заметил Бран, и тут ближнее дерево стряхнуло на него снег и накрыло с головой.

Очнулся он на сосновых иглах под каменным кровом. Пещера. Во рту по-прежнему держался вкус крови от прикушенного языка, но горящий вблизи огонь обволакивал теплом, и Брану никогда еще не было так хорошо. Лето обнюхивал все вокруг, Ходор, насквозь промокший, тоже был здесь, Мира дер жала на коленях голову лежащего неподвижно Жойена, существо в облике Арьи стояло над ними с факелом.

– Снег, – сказал Бран. – Меня засыпало снегом.

– Укрыло им. Я тебя откопала, но спасла нас она, – кивнула на девочку Мира. – Огонь убивает их.

– Сжигает. Огонь всегда голоден. – Голос был не Арьи, вообще не детский – говорила взрослая женщина. Еще ни в чьем голосе Бран не слышал такой музыки и такой разрывающей сердце грусти. Он прищурился, чтобы лучше рассмотреть эту странную девочку. Меньше Арьи, кожа в пятнышках, как у лани, глаза с узкими как у кошки зрачками наполнены золотистой зеленью. Волосы тоже золотые и рыжие, цвета осени; в их густую копну вплетены увядшие цветы, выющиеся побеги и веточки.

– Кто ты? – спросила Мира.

– Она дитя, – ответил за незнакомку Бран. – Дитя Леса. – Его пробрала дрожь – то ли от удивления, то ли от холода. Они попали прямиком в сказку старухи Нэн.

– Детьми нас называли Первые Люди, – сказала девочка-женщина. – А великаны именовали «во дак наг гран», беличьим народом, потому что мы маленькие, быстрые и очень любим деревья. Но мы не дети и не белки. На истинном языке мы называемся поющими песнь земли. К тому времени, как появился ваш старый язык, мы пели свою песнь уже десять тысячелетий.

– Но говоришь ты на общем, – заметила Мира.

– Ради него. Ради Брана. Я родилась во времена дракона и двести лет странствовала по миру людей, наблюдала, слушала и училась. Посейчас бы странствовала, но ноги мои устали, сердце изныло, и я вернулась домой.

– Двести лет? – повторила Мира.

– Люди, вот кто настоящие дети, – улыбнулась маленькая женщина.

– А имя у тебя есть? – спросил Бран.

– Когда требуется. – Она махнула факелом на дальнюю стену пещеры, где виднелся черный проем. – Нам туда, вниз. Идем.

– Разведчик, – спохватился вдруг Бран.

– Ему нельзя с нами.

– Его убьют!

– Давно уж убили. Идем. Внизу тепло, и никто тебя там не тронет. Он ждет.

– Трехглазый? – спросила Мира.

– Древовидец. – Женщина скрылась в проеме – им оставалось только пойти за ней. Мира помогла Брану взобраться на спину Ходора, в помятую, мокрую от снега корзину. Потом обняла за пояс своего брата и поставила его на ноги.

Жойен открыл глаза.

– Мира? Где это мы? – При виде огня на его губах появилась улыбка. – До чего же странный мне снился сон.

Ход был извилистый и до того низкий, что Ходор продвигался вприсядку, а Бран, как ни пригибался, задевал потолок макушкой. Грязь сыпалась на волосы, попадала в глаза. Однажды он приложился лбом о торчащий из стены белый корень и украсился висевшей там паутиной.

Маленькая женщина, шурша лиственным плащом, шла впереди с факелом, но Бран быстро потерял ее из виду и наблюдал лишь отражение света на стенах. Вскоре ход разделился

надвое; в левом коридоре было черным-черно, и даже Ходор понял, что идти надо туда, где брезжит огонь.

Из-за движущихся теней казалось, что стены движутся тоже. Бран со страхом заметил больших белых гадов, уползающих в трещины. Молочные змеи или громадные, склизкие могильные черви? У таких червей зубы есть.

Ходор тоже увидел их и не захотел идти дальше, но женщина остановилась, огонь стал ярче, и Бран понял, что это не змеи, а просто белые корни – как тот, о который он ударился головой.

– Это корни чардрев, – сказал он. – Помнишь сердце-дерево в богороше, Ходор? Белое, с красными листьями? Деревья тебе ничего не сделают.

– Ходор. – Дитина снова заковылял на свет, уходя все глубже в недра земли. Миновав еще два боковых коридора, они оказались в пещере величиной с великий чертог Винтерфелла. Каменные зубы свисали здесь с потолка и вырастали из пола. Женщина в лиственном плаще, пробираясь между ними, делала нетерпеливые знаки факелом: «Сюда, сюда, поспешите».

Новые ответвления, новые гроты. Взглянув туда, где звучала капель, Бран увидел узкие, блестящие, отражающие факел глаза. Девочка здесь, как видно, не единственное дитя... а еще ему вспомнились дети Гендела, о которых рассказывала старая Нэн.

Белые корни змеились повсюду, пронизывали землю и камень, загораживали одни переходы и поддерживали кровлю других. Все краски пропали, остались только черная земля и белое дерево. У винтерфеллского сердце-дерева корни с великанскую ногу, но здешние еще толще. И как их много! Бран никогда еще столько не видел. Можно подумать, над ними растет целый чардревный лес.

Свет снова померк – девочка-женщина при всем своем малом росточке шла очень быстро. У Ходора что-то хрустнуло под ногами, и он застыл как вкопанный: Мира с Жойеном чуть не врезались в него сзади.

– Кости, – сказал Бран. Весь пол перед ними устилали кости птиц, зверей и кого-то вроде людей – большие, не иначе как великанские, и маленькие, наподобие детских. Из ниш, вырубленных в стенах, смотрели черепа: медвежий, волчий, полдюжины человеческих, столько же великаных, все остальные маленькие, странной формы – Дети Леса. Каждый череп оплетали белые корни, на некоторых сидели вороны, провожая путников черными глазками-бусинами.

Последний отрезок пути был самым крутым. Ходор съехал вниз на зад в вихре мелких костей, грязи и щебня. Девочка-женщина ждала их у естественного моста над бездонной пропастью. Далеко внизу бежал подземный поток.

– Надо перейти на ту сторону? – испугался Бран. Высоковато будет падать, если Ходор ненароком оступится.

– Нет. Оглянись. – Девочка высоко подняла факел. На миг он вспыхнул, озарив пещеру красными бликами, а затем мир вновь сделался черно-белым. Мира затаила дыхание, Ходор обернулся назад.

На троне из переплетенных корней чардрева дремал, как в колыбели, мертвенно-бледный лорд.

Из-за иссохшего тела и прогнивших одежд Бран поначалу принял его за труп. За мертвеца, просидевшего здесь так долго, что корни оплели его и пронизали насквозь. На бледном лице выделялось красное пятно, вползающее с шеи на щеку. Тонкие, редкие белые волосы отросли до самого пола, вокруг ног обвились корни – один входил сквозь ветхие панталоны в бедро и выходил из плеча. На лбу у лорда росли серые грибы, на черепе красные листья. Кожа, туго натянутая на скулах, лопалась, обнажая желто-бурые кости.

– Ты и есть трехглазая ворона? – неожиданно для себя спросил Бран. У вороны должно быть три глаза, а у этого только один – красный как кровь, горящий при свете факела. Из другой глазницы, пустой, спускался по щеке белый корень.

– Ворона? – прошелестел лорд. Губы его двигались медленно, словно отвыкли произносить слова. – Да... был ею когда-то. Черные одежды, черная кровь. – Ткань на нем, замшелая, проеденная червями, и впрямь была некогда черной. – Мне, Бран, много кем довелось побывать. Теперь, видя меня, ты наверняка понял, почему я мог приходить к тебе только в снах. Но я долго слежу за тобой, слежу тысячью и одним глазом. Я видел, как родился ты и твой лорд-отец. Видел твой первый шаг, слышал твое первое слово, показал тебе первый сон. И как ты упал, тоже видел. Наконец-то я дождался тебя, Брандон Старк.

– Да. Меня принесли к тебе калекой. Можешь ты... можешь починить мои ноги?

– Нет. Это не в моей власти.

Глаза Брана заволоклись слезами. Стоило проделывать такой путь! Пещера наполнилась гулом черной реки.

– Ходить ты больше не будешь, Бран, – провешали бледные губы, – но будешь летать.

Тирион

Лежа на гряде старых мешков, служивших ему постелью, он слушал, как поет ветер в снастях и плещется вода за бортом.

Полная луна над мачтой плыла с ним вместе вниз по реке, смотрела на него круглым глазом. Тирион дрожал под укрывавшими его шкурами. Вина бы сейчас – чашу, а еще лучше целый мех, но скорее луна подмигнет, чем сукин сын Грифф позволит утолить жажду. Пьешь одну воду, потому и не спишь по ночам, а днем потеешь и трясешься как в лихорадке.

Карлик сел, сжал ладонями голову. Снилось ли ему что-нибудь? Он забыл. Ночь никогда не была добра к Тириону Ланнистеру – он спал неважно даже на пуховых перинах, что уж говорить о крыше каютной надстройки с веревочной связкой вместо подушки. С одной стороны, здесь лучше, чем в тесном трюме: воздух свеж, и речные звуки приятней, чем храп Утки. С другой, очень уж жестко – ноги каждый раз затекают.

Вот и теперь икры как деревяшка. Он помассировал их, но, поднявшись, все-таки скривился от боли. Выкупаться бы надо. Одежда вся провоняла, как и он сам. Все другие плещутся в реке, но он пока не решался. Тут водятся здоровенные черепахи, способные перекусить его пополам – костохрясты, как их называет Утка, и показываться Леморе голым тоже не хочется.

Тирион натянул сапоги и спустился по деревянному трапу на ют, где сидел у жаровни Грифф, кутаясь в волчью шкуру. Наемник нес ночную вахту один – заступал, когда все укладывались, и ложился, когда солнце всходило.

Тирион, присев напротив него, погрел над углями руки. За рекой заливались соловьи.

– Утро скоро.

– Не так уж и скоро, – проворчал Грифф. – Долго еще торчать на приколе. – Будь его воля, «Робкая дева» плыла бы и днем, и ночью, но Яндри с Изиллой решительно отказывались рисковать лодкой в ночное время. Мало ли на Верхнем Ройне топляков и коряг, того и гляди борт пропорют. Грифф не желал слушать их доводов – он рвался в Волантис.

И все время шарил глазами по сторонам, высматривая... Кого? Пиратов, каменных людей, охотников за рабами? На реке, конечно, опасно, но Грифф, по мнению Тириона, намного опаснее. На Бронна похож – тот, правда, обладает своеобразным наемническим черным юмором, а Грифф юмора лишен напрочь.

– Убить готов за чашу вина, – пробормотал карлик.

Грифф промолчал. «Ты сам умрешь раньше, чем выпьешь», – читалось в его светлых глазах. В первую ночь на борту «Девы» Тирион упился до полусмерти; когда он проснулся, в голове у него сражались драконы. Грифф поглядел, как он блюет за борт, и заявил: «С выпивкой завязано».

«Мне без вина не уснуть», – возразил Тирион. Вернее было бы сказать, что без вина его изведут кошмарные сны.

«Значит, не будешь спать», – отрубил Грифф.

На востоке уже брезжил рассвет. Черные воды Ройна постепенно синели, в тон волосам и бороде Гриффа.

– Принимай вахту, – сказал он, поднявшись. – Скоро встанут все остальные. – Соловьи умолкли – теперь над рекой пели жаворонки. Цапли хлюпали в тростнике, расхаживали по отмелям. Облака загорались красным и розовым, золотом, шафраном и перламутром. Одно походило на дракона. «Человек, видевший дракона в полете, может спокойно вернуться домой и возделывать свой сад, – сказал кто-то из древних авторов, – большего чуда он уже не увидит». Тирион, почесывая свой шрам, попытался вспомнить, кто же это сказал. Последнее время он много размышлял о драконах.

– Доброго тебе утра, Хугор. – На палубу вышла септа Лемора в своем белом балахоне, подвязанном семицветным плетеным поясом, с распущенными по плечам волосами. – Как спалось?

– Плохо, добрая женщина. Опять видел тебя во сне. – Ну, не совсем во сне. Он держал руку между ног и воображал, как Лемора скачет на нем, болтая грудями.

– Это, несомненно, был дурной сон. Помолись со мной и попроси, чтобы тебе отпустили твои грехи.

Разве что так, как на Летних островах молятся...

– Помолись лучше одна и поцелуй за меня Деву – покрепче.

Лемора, смеясь, пошла к носу – каждое утро она купалась в реке.

– Эту лодку называли явно не в твою честь, – заметил Тирион, глядя, как она раздевается.

– Отец и Мать создали нас по образу своему. Мы не должны стыдиться своего тела.

Видно, Тириона они создавали крепко выпивши. При виде входящей в воду Леморы его естество всякий раз твердело, и он с грешным наслаждением воображал, как сам срывает с нее белое одеяние. Она, к слову, не столь невинна, как хочет казаться. Знаки, как у нее на животе, появляются лишь после родов.

Яндри с Изиллой, проснувшись, тут же взялись за дела. Яндри, проверяя канаты, бросал взгляды на септу. Его маленькая смуглая жена, не обращая на это внимания, подсыпала на жаровню стружек, поворошила угли и принялась замешивать тесто.

Лемора опять взобралась на палубу. Меж грудей стекала вода, кожа золотилась на утреннем солнце. Ей уже за сорок, но она еще хоть куда. Распутные мысли неплохо заменяют вино, помогая ощущать, что ты еще жив.

– Видел ту черепаху, Хугор? – спросила она, выжимая волосы. – Большую, хребтистую?

Ранним утром наблюдать за черепахами лучше всего. Днем они уходят глубоко под воду или прячутся в гротах на берегу, а утром плавают на поверхности, порой вровень с лодкой. Тирион насчитал уже с дюжину разных видов: больших и маленьких, плоских и красноухих, с мягким панцирем и костохрястов, бурых, зеленых, черных, когтистых, рогатых, с золотыми, нефритовыми и кремовыми узорами. Некоторые могли бы свободно нести на себе человека. Ройнские правители, по уверению Яндри, некогда переправлялись на таких через реку. Они с женой родились на Зеленой Крови – дорнийские сироты, вернувшиеся к своему отцу Ройну.

– Сегодня нет. – «Загляделся на голую женщину», – добавил про себя Тирион.

– Жалко. – Лемора натянула через голову рясу. – Ты ведь затем и встаешь так рано, чтобы на черепах поглядеть.

– Я люблю смотреть, как встает солнце. – Как будто нагая девушка выходит из ванны. Одни девушки красивее других, но каждая полна обещаний. – Но и черепахи, конечно, по своему интересны. Ничто так не радует глаз, как пара красивых... панцирей.

Септа вновь засмеялась. У нее, как у всех на «Деве», есть свои тайны, и на здоровье. Он хочет ее, но знать о ней что-то вовсе не обязательно. Его желания для нее не секрет: вешая на шею свой священный кристалл и пряча его на груди, она дразнила Тириона улыбкой.

Яндри поднял якорь, залез на крышу, оттолкнулся длинным шестом. Две цапли подняли головы, следя, как «Робкая дева» выходит на стрежень. Лодка медленно двинулась вниз по течению, Яндри стал у руля. Изилла поставила на жаровню сковороду, накрошила сала, начала печь лепешки. Лепешки с салом да сало с лепешками, вот и вся еестряпня. Раз в две недели бывает рыба.

Когда она отвернулась, Тирион стащил лепешку прямо со сковородки, ловко увернувшись от деревянного черпака. Их хорошо есть горячими, сочащимися медом и маслом. На запах жареного вылез из трюма Утка. Получив от Изиллы половником, он пошел справить малую нужду на корме.

Тирион присоединился к нему.

– Что за зрелище, – опорожняясь, промолвил он. – Карлик и утка добавляют могущества могучему Ройну.

– Ройну твоя водица ни к чему, Йолло, – бросил Яндри. – Это самая великая на свете река.

Тирион потряхнул последние капли.

– Карлик в нем утонуть может, тут ты прав. Но Мандер и Трезубец близ устья не уступают ему шириной, а Черноводная глубже.

– Ты еще не знаешь его. Погоди, сам увидишь.

Сало превратилось в шкварки, лепешки подрумянились. Явился, зевая, молодой Грифф.

– Доброе утро всем. – Он ниже Утки и по-юношески хлипок – скорее всего не достиг еще своего полного роста. Глаза этого парня покорили бы любую девушку Семи Королевств, несмотря на синие волосы. Они у него голубые, как у отца, но гораздо темнее – при искусственном свете кажутся черными, на ранней заре лиловыми. И ресницы длинные, женщине в пору.

– Чую сало, – сказал он, натягивая сапоги.

– Славное сальце, – отозвалась Изилла. – Садитесь завтракать.

Еду она раздавала на юте – пихала медовые лепешки мальчику и била по рукам Утку, норовящего заграбастать побольше шкварок. Тирион взял себе две лепешки, прослоив их салом, отнес одну Яндри и помог Утке поставить большой треугольный парус. Яндри вел лодку по середине реки, где течение было сильнее всего. Плоскодонное суденышко могло пробраться по самому мелкому из притоков, а под парусом и в хорошей струе делалось быстроходным. В верхнем течении Ройна это может спасти им жизнь, говаривал Яндри.

– Выше Горестей вот уже тысячу лет нет закона.

– И людей тоже, насколько я вижу. – Единственным признаком присутствия человека были заросшие мхом и плющом руины на берегу.

– Не знаешь ты этой реки, Йолло. Пиратская лодка может затаиться в любом ручье, а в руинах беглые рабы прячутся. Охотники редко заходят так далеко на север.

– Всё разнообразие какое-то, черепахи уже надоели. – Тирион, не будучи беглым, не боялся охотников, а пираты вряд ли станут нападать на лодку, идущую вниз по реке. Все ценные товары привозятся как раз снизу, из Волантиса.

Утка, поев, двинул молодого Гриффа в плечо.

– Пора украсить парочкой синяков. Сегодня мечи, я думаю.

– Мечи? – ухмыльнулся парень. – Отлично.

Тирион помог ему одеться для учебного боя: плотные бриджи, стеганый дублет, помятый стальной панцирь. Сир Ройли напялил свою кольчугу и вареную кожу. Оба надели шлемы, достали из оружейного сундука затупленные мечи и начали молотить друг дружку на юте.

При сражении на палицах или боевых топорах более высокий и сильный сир Ройли имел преимущество, при битве на мечах силы были примерно равны. Щитов бойцы этим утром не взяли и скакали по палубе как ошпаренные, нанося удары и парируя их. Над водой стоял звон. Молодой Грифф чаще попадал в цель, Утка бил сильнее, но вскоре начал уставать, метил ниже и двигался медленнее. Парень, отразив все его выпады, предпринял свирепую атаку и оттеснил сира Ройли назад. На корме они сцепились клинками, и мальчик, ударив Утку плечом, спихнул его в воду.

Тот вынырнул, отплеываясь, ругаясь и требуя вытащить его, пока ему причиндалы не откусили.

– Утки должны лучше плавать. – Тирион бросил рыцарю конец и вместе с Яндри вытянул его обратно на палубу.

– Сейчас поглядим, как плавают карлики. – Сир Ройли сгреб Тириона за шиворот и отправил прямиком в Ройн.

Карлик плавал неплохо и продержался бы на воде долго, если бы ноги не начало сводить судорогой. Молодой Грифф протянул ему шест.

– Ты не первый, кто пытается меня утопить, – сказал Тирион Утке, выливая воду из сапога. – Отец, когда я родился, бросил меня в колодец, но я был до того безобразен, что водяная ведьма, обитавшая там, выплюнула меня обратно. – Он снял второй сапог и прошелся по палубе колесом, обдав всех брызгами.

– Где ты этому научился? – засмеялся молодой Грифф.

– У скоморохов, – соврал Тирион. – Мать любила меня больше других детей, потому что я был таким крохотулькой. До семи лет нянчила меня на руках. Братья возревновали, посадили меня в мешок и продали скоморохам. Когда я хотел убежать, их главный мне оттяпал полноса – поневоле пришлось остаться и научиться смешить народ.

На самом деле кувыркаться и проделывать прочие штуки Тириона в возрасте шести-семи лет научил дядя. Мальчику это ужасно нравилось: он с полгода ходил колесом по отцовскому замку, веселя септонов, оруженосцев и слуг. Даже Серсея пару раз рассмеялась.

Закончилось это в тот день, когда отец приехал из Королевской Гавани. За ужином Тирион удивил своего родителя, пройдясь по высокому столу на руках. Лорду Тайвину это пришлось не по вкусу. «Боги создали тебя карликом, а ты еще и шутлом хочешь стать? Ты все-таки лев, а не обезьяна».

«Теперь ты труп, батюшка, и твой сын может выламываться, сколько ему угодно».

– У тебя настоящий дар потешать людей, – сказала септа разутому Тириону. – Благодарю Отца Всевышнего – он всех своих детей одаряет.

– Всех, – признал Тирион. «А когда я умру, похороните меня с арбалетом, чтобы я отблагодарил Отца Всевышнего тем же манером, что и земного отца».

Пока Лемора наставляла молодого Гриффа в вопросах веры, он снял мокрое и переоделся в сухое. Утка заржал при виде него – оно и неудивительно. Левая сторона дублета из пурпурного бархата с бронзовыми заклепками, правая из желтой шерсти с вышивкой в мелкий зеленый цветочек. Правая штанина зеленая, левая в полоску, белую с красным. Один из сундуков Иллирио был набит детской одеждой – богатой, но залежалой. Лемора разрезала каждую вещь пополам и сшила разные половинки на манер шутовского наряда. Грифф велел Тириону помогать ей – желая унизить карлика, несомненно, но Тирион любил работать иглой, и общество Леморы было ему приятно, хотя она и одергивала его, когда он кощунствовал. Если Грифф хочет, чтобы он изображал дурака, Тирион с удовольствием ему подыграет. Вот уж, верно, ужаснется лорд Тайвин в своей загробной обители.

Другое дело, назначенное Тириону Гриффом, было далеко не шутовское: изложить на пергаменте все, что известно ему о драконах. Карлик трудился над этим каждый день, сидя с поджатыми ногами на крыше каюты.

Он много чего прочел в этой области. В основном это были пустые басни, на которые нельзя положиться; книги, которыми снабдил Тириона Иллирио, тоже оставляли желать много лучшего. Хорошо бы иметь валирийскую историю Галендро «Огни великой Республики», но в Вестеросе ни одной полной копии нет. Даже в той, что хранится в Цитадели, недостает двадцати семи свитков – надо будет поискать этот труд в библиотеках Волантиса. Может, он и найдется, если проникнуть за Черные Стены в центре старого города.

А вот «Противоестественная история драконов, змеев и вивернов» септона Барта вряд ли отыщется. Барт был сын кузнеца, ставший королевским десницей при Джейхерисе Умиротворителя, и враги его утверждали, что он больше колдун, чем септон. Бейелор Благословенный, вступив на Железный Трон, повелел уничтожить все писания Барта. Лет десять назад Тириону попал в руки чудом уцелевший отрывок «Истории», но могла ли книга пересечь Узкое море? Еще меньше возможностей заполучить анонимный, страшного содержания том под названием

«Кровь и огонь, или Гибель драконов», единственный экземпляр которого будто бы хранится в склепе под Цитаделью.

Когда наверх выполз зевающий Полумейстер, Тирион писал о брачных повадках драконов, на предмет коих взгляды Барта, Манкена и Томакса значительно расходились. Хелдон помочился с кормы в воду, где дробилось яркое солнце, и сообщил:

– Вечером мы должны прийти к устью Нойны, Йолло.

Тирион поднял глаза от пергамента.

– Меня зовут Хугор. Йолло живет у меня в штанах – выпустить его поиграть?

– Лучше не надо, черепах распугаешь. – Улыбка Хелдона остротой не уступала ножу. – Как, бишь, называется улица в Ланниспорте, где ты родился?

– Это переулок, у него нет названия. – Тирион с ехидным удовольствием изобретал подробности пестрой жизни ланниспортского бастарда Хугора Хилла, известного также как Йолло. В хорошей лжи всегда содержится доля правды. Тирион знал, что выговор у него как у западного жителя, притом не простолюдина – значит, Хугор должен быть побочным отпрыском какого-то лорда. Родился он в Ланниспорте, поскольку Тирион знал этот город лучше Староместа и Королевской Гавани; все карлики, даже рожденные на грядке с репой, рано или поздно оказываются в больших городах. В деревне нет скоморохов, зато много колодцев, где очень удобно топить котят, трехголовых телят и таких вот младенцев.

– Все бы тебе, Йолло, пергамент портить, – сказал Полумейстер, завязывая штаны.

– Не всем выпадает счастье быть полумейстерами. – Тирион, отложив перо, размял затекшие пальцы. – Сыграем еще в кайвассу? – Хелдон каждый раз его побивал, зато время пройдет быстрее.

– Вечером. Пойдешь учиться с молодым Гриффом?

– Что ж, кому-то ведь надо тебя поправлять.

На «Робкой деве» было четыре каюты. Изилла и Яндри занимали одну, Грифф с сыном другую, септа Лемора третью, Хелдон четвертую, больше всех. По одной ее стенке тянулись полки с книгами, свитками и пергаменатами, вдоль другой помещались зелья, мази, целебные травы. В круглое окошко с волнистым желтым стеклом струился солнечный свет. Мебель состояла из койки, письменного стола, стула, табуретки и столика с деревянными фигурами для кайвассы.

Для начала занялись языками. Молодой Грифф говорил на общем как на родном, бегло владея при этом классическим валирийским, диалектами Пентоса, Тироша, Мира, Лисса и моряцким жаргоном. Волантинский для него, как и для Тириона, был внове; каждый день оба заучивали несколько новых слов, а Хелдон исправлял их ошибки. Миэринский был потруднее – его при тех же валирийских корнях привили к каркающему наречию Старого Гиса.

– Надо пчелу в нос затолкать, чтоб правильно говорить по-гискарски, – пожаловался Тирион.

Молодой Грифф посмеялся, а Хелдон сказал кратко:

– Еще раз.

– Ззззззз, – затащил парень, подняв глаза к потолку. «Слух у него лучше, – признал Тирион, – хотя язык у меня, бьюсь об заклад, все же проворнее».

За языками настала очередь геометрии. Здесь парень не слишком блистал, но Хелдон был терпеливым учителем, а Тирион ему помогал. Когда-то он постигал тайны кругов, квадратов и треугольников с отцовскими мастерами – и, к собственному удивлению, неплохо помнил эту науку.

Когда перешли к истории, молодой Грифф стал подавать признаки беспокойства.

– Не расскажешь ли Йолло, в чем разница между слоном и тигром? – спросил его Хелдон.

– Волантис – самый древний из Девяти Вольных Городов, старшая дочь Валирии, – затапаторил парень. – Полагая себя после Рокового Дня наследниками Республики и полноправ-

ными господами мира, волантинцы разошлись в том, каким способом должно быть достигнуто это господство. Старая Кровь стояла за меч, купцы и ростовщики – за торговлю. Впоследствии одни стали называться тиграми, а другие слонами.

Тигры держали первенство около века, считая от Рокового Дня. Им сопутствовала удача: волантинский флот взял Лисс, волантинская армия – Мир. На протяжении двух поколений всеми тремя городами управляли из Черных Стен, но затем тигры попытались захватить Тирош и потерпели крах. Пентос и вестеросский штормовой король поддержали тирошйцев, Браавос дал лиссенийскому изгнаннику сто боевых кораблей, Эйегон Таргариен вылетел с Драконьего Камня на Черном Ужасе, Мир и Лисс подняли восстание. В результате они вернули себе свободу, но Спорные Земли обратились в пустыню. Поражение тигров этим не ограничилось. Посланный в Валирию флот погиб в Дымном море, Квохор и Норвос одержали победу в битве огненных галей на Кинжальном озере, лишив Волантис власти на Ройне. С востока, выметая простолюдинов из хижин и знать из поместий, хлынули дотракийцы; вскоре от Квохорского леса до верховьев Селхору простерлась заросшая, усеянная руинами пустошь. Столетняя война разорила Волантис – густонаселенный прежде город почти обезлюдел. Именно тогда к власти пришли слоны, продолжающие править городом до сего времени. Иногда тиграм удается избрать одного триарха, иногда нет. Слоны остаются в большинстве вот уже три столетия.

– Совершенно верно, – одобрил Хелдон. – Как обстоит дело с нынешними триархами?

– Малакуо – тигр, Ниэссос и Донифос – слоны.

– И какой же урок можем мы извлечь из волантинской истории?

– Если хочешь завоевать мир, надо иметь драконов.

Тирион не удержался от смеха.

После уроков, когда молодой Грифф отправился помогать Яндри, они с Хелдоном сели играть в кайвассу.

– Молодец парень, – сказал Тирион. – Ты хорошо поработал с ним. Он превзошел ученостью половину вестеросских лордов. Языки, история, поэзия, математика – пьянящая смесь для сына простого наемника.

– Книга в верных руках опасна не меньше меча. Постарайся на этот раз продержаться подольше, Йолло. Играешь ты столь же плохо, как кувыркаешься.

– Я пытаюсь усыпить твою бдительность, – сказал Тирион, расставляя фигуры за перегородившей доску небольшой ширмой. – Ты думаешь, что учишь меня играть, но не все обстоит так, как нам думается. Что, если я уже выучился у торговца сырами?

– Иллирио не играет в кайвассу.

«Верно. Он играет в престолы. Ты, Грифф и Утка – всего лишь фигуры, которые он двигает по своему усмотрению. И жертвует ими, как пожертвовал Визерисом».

– Значит, это целиком твоя вина, что я плохо играю.

– Йолло, я буду скучать, когда пираты тебя зарежут, – хмыкнул Полумейстер.

– Где ж они, твои пираты? Я начинаю думать, что вы с Иллирио их попросту выдумали.

– Больше всего их между Ар Ной и Горестями. Руинами Ар Ной владеют квохорцы, ниже Горестей реку стерегут галеи Волантиса, но между этими городами никакой власти нет, вот пираты и пользуются. На Кинжальном озере полно островов, где они прячутся в гротах и тайных фортах. Ну что, готов?

– Сразиться с тобой – безусловно, с пиратами – вряд ли.

Хелдон убрал ширму, и оба игрока изучили позицию неприятеля.

– Кое-чему ты все-таки научился, – сказал Полумейстер.

Тирион взялся было за дракона, но передумал. В прошлый раз он ввел его в игру слишком скоро, и требушет его съел.

– Если мы все же встретим этих знаменитых пиратов, я к ним, пожалуй, примкну. Назовусь Хугором Полумейстером. – С этими словами карлик двинул своего легкого коня к горам Хелдона.

Тот сделал ход слоном.

– Хугор Полоумный подойдет тебе лучше.

– Мне и половины ума хватит, чтоб с тобой справиться. – Тирион послал тяжелого коня поддержать легкого. – Не хочешь поспорить, кто выиграет?

– Смотря на сколько, – выгнул бровь Полумейстер.

– Денег у меня нет, но на секреты спорить могу.

– Грифф мне язык отрежет.

– Струсил, да? Я бы тоже трусил на твоём месте.

– Скорей черепаха вылезет из моей задницы, чем ты меня победишь. – Хелдон пошел копыями. – Будь по-твоему: спорим.

Тирион протянул руку к дракону.

Три часа спустя он наконец вышел на палубу за малой нуждой. Утка помогал Яндри спустить парус, Изилла правила. Солнце стояло над самыми тростниками у западного берега, ветер набирал силу. Тирион чувствовал, что ему будет плохо, если он не выпьет вина, желательно целый мех. Ноги совсем отнялись от долгого сидения на табуретке, в голове стоял звон – как бы за борт не рухнуть.

– А Хелдон где, Йолло? – спросил его Утка.

– В постель слег. Неможется ему, черепахи из задницы лезут. – Оставив рыцаря размышлять над этой загадкой, Тирион взобрался на крышу. На востоке за скалистым островком густел мрак.

– Чуешь бурю, Хугор Хилл? – окликнула его септа Лемора. – Впереди Кинжальное озеро, где пираты так и кишат, а еще дальше – Горести.

«Только не мои, – заметил про себя Тирион. – Свои я ношу с собой. Куда все-таки отправляются шлюхи – может, в Волантис?» Он может найти Тишу там: человек должен на что-то надеяться. Что он ей скажет при встрече? «Прости, что позволил надругаться над тобой, милая. Я думал, ты шлюха. Найдешь ли ты в себе силы простить меня? Я так хочу снова вернуться в наш домик, где мы с тобой жили как муж и жена».

Островок исчезал вдаль. На восточном берегу стояли руины: покосившиеся стены, рухнувшие башни, проломленные купола, ряды гнилых деревянных колонн. Улицы, забитые илом, поросли лиловым мхом. Еще один мертвый город, раз в десять больше Гойан Дроэ. Теперь здесь живут черепахи, громадные костохрасты – вон они, греются на вечернем солнце, бурые и черные бугорки с зубчатыми хребтами посередине панциря. Некоторые при виде лодки плюхались в воду, поднимая волну. В этом месте купаться не стоило.

За полузатопленными деревьями и протоками былых улиц искрилось живое серебро. Еще одна река, приток Ройна. Разрушенные стены становились все выше: город сужался к мысу, где стоял колоссальный дворец из розового и зеленого мрамора, с куполами, обвалившимися шпилями и крытыми галереями. Черепахи спали на пристани, у которой могло поместиться с пятьдесят кораблей. Дворец Нимерии, догадался Тирион. Эти руины были когда-то Най Сар, ее городом.

– Йолло! – крикнул Яндри. – Ты говорил, что в Вестеросе есть такие же широкие реки?

– Я ошибался, – признал Тирион. – Все реки там наполовину уже, чем эта. – Новый приток почти не уступал шириной Ройну и вполне мог сравниться с Мандером и Трезубцем.

– Это Най Сар, где великий отец принимает свою буйную дочь Нойну, – стал объяснять Яндри, – но после встречи с другими дочками Ройн станет еще шире. У Кинжального озера к нему придет Квойна, смуглая дочь: из Акса она несет золото и янтарь, из Квохорского леса сосновые шишки. Чуть дальше к югу отец встречает Лорулу, веселую дочь с Золотых Полей. В

том месте некогда стоял Кройян, праздничный город с водяными улицами и домами из золота. Потом, много лиг спустя, прокрадывается с юго-востока Селхору, робкая дочь, извилистая и скрытная. После этого Ройн разливается так, что с середины его берегов не видно. Сам убедишься, дружок.

Не сомневаясь в этом, Тирион заметил крупную зыбь ярдах в шести от лодки. Он хотел уже показать на нее Леморе, и тут «Деву» начало валять с борта на борт.

На поверхность всплыла рогатая черепаха невероятной величины. Зеленый панцирь с бурыми пятнами оброс водяным мхом и черными раковинами. Рептилия подняла голову и взревела громче всех боевых рогов, когда-либо слышанных Тирионом.

– Он благословил нас! – вскричала, заливаясь слезами, Изилла. – Благословил!

Утка вопил во всю мочь, молодой Грифф тоже. Хелдон опоздал: когда он вышел, гигантское создание опять скрылось в речных глубинах.

– Что за шум? – спросил Полумейстер.

– Черепаха, – сказал Тирион. – Больше, чем наша лодка.

– Это был он! – вмешался взволнованный Яндри. – Речной Старец!

«Почему бы и нет, – мысленно улыбнулся карлик. – Какие только чудеса не сопутствуют рождению королей».

Давос

«Веселая повитуха» вошла в Белую Гавань тихо, с вечерним приливом. Залатанный парус колыхался при каждом порыве ветра. Старый когг даже в молодости не блистал красотой. На носу у него смеющаяся женщина держала за ножку младенца, но черви сильно источили ее щеки и ребячий задок. Корпус покрывали бесчисленные слои унылой коричневой краски, серые паруса истрепались. Взглядов «Повитуха» не привлекала – разве что кто-то полюбопытствовал бы, как это судно держится на воде, – но в порту хорошо ее знали: уже много лет она ходила между Систертоном и Белой Гаванью.

Не так представлял Давос Сиворт свое прибытие, отправляясь сюда с флотом Саллы. Тогда все казалось проще. Белая Гавань не прислала ворона с присягой на верность, поэтому король Станнис отправляет посла для личных переговоров с Мандерли, лордом этого города. Сам посол идет на галее «Валирийка», следом – полосатые корабли лиссенийского флота: черные с желтым, розовые с голубым, зеленые с белым, пурпурные с золотом. Лиссенийцы любят яркие краски, а Салладор Саан пуще всех. Так было, но затяжной шторм все поменял.

В теперешнем своем положении Давос прокрадывается в город на манер контрабандиста, как двадцать лет назад. Пока он не разберется, что здесь к чему, лучше выдавать себя за простого матроса и не говорить, что ты лорд.

На восточном берегу, где входит в залив Белый Нож, вздымались городские стены из белого камня. За те шесть лет, что Давос здесь не бывал, в городе кое-что изменилось. На молу, отделяющем внутреннюю гавань от внешней, воздвигли стену тридцатифутовой вышины чуть ли не в милю длиной, с башнями через каждые сотню ярдов. С Тюленьей Скалы, где раньше были одни развалины, поднимался дымок. К добру это или к худу? Зависит от того, чью сторону примет лорд Виман.

Давос полюбил этот город с тех пор, как впервые пришел сюда юнгой на «Бродячей кошке». По сравнению с Королевской Гаванью и Староместом он невелик, зато всюду чистота и порядок. Вымощенные булыжником улицы широкие и прямые, никто не заблудится. Дома белые, с крутыми крышами из темно-серого грифеля. Роро Угорис, старый шкипер «Кошки», говорил, что может отличить один порт от другого по одному только запаху. Города как женщины, уверял он, каждая пахнет по-своему. Старомест благоухает, как надушенная вдова, Ланниспорт пахнет землей, свежестью и дымком, как молодая крестьянка, Королевская Гавань воняет, как невытая шлюха, но Белая... она пахнет только морем, как подобает русалке. Солью и рыбой.

Она и теперь так пахла, но к запаху моря примешивался торфяной дым с Тюленьей Скалы. Серо-зеленый утес, вставая на пятьдесят футов над водами, сторожит внешнюю гавань. Его вершину венчает каменный круг, укрепление Первых Людей; много веков там не было ни души, но сейчас Давос видел между камнями скорпионы, огнеметы и арбалетчиков. Холодно там, не иначе, сыро. Раньше на камнях внизу всегда грелись тюлени. Слепой Бастард каждый раз заставлял считать их, когда «Кошка» покидала Белую Гавань: чем больше тюленей, тем удачнее путь. Теперь тюленей нет – дым и солдаты их распугали. Умный человек сразу замечает такие знаки. Будь у Давоса ума хоть на грош, он бы остался с Саллой. Вернулся бы на юг, к Марии и сыновьям. Четверо старших погибли на королевской службе, пятый в оруженосцах у короля. Он вправе вырастить хотя бы тех двоих, которых ему оставили. Давно уж он их не видел.

Черные братья в Восточном Дозоре говорили ему, что Мандерли из Белой Гавани и Болтоны из Дредфорта недолюбливают друг друга. Железный Трон сделал Русе Болтона Хранителем Севера, поэтому лорд Виман вполне способен перейти к Станнису. В одиночку город

не выстоит: ему требуются союзники. Лорд Мандерли нуждается в Станнисе не меньше, чем Станнис в нем – так по крайней мере полагали в Восточном Дозоре.

В Систертоне эта надежда сошла на нет. Мандерли, если верить лорду Боррелу, намерены объединиться с Болтонами и Фреями. Об этом лучше не думать. Скоро он и так узнает всю правду – лишь бы не слишком поздно.

На «Повитухе» спустили парус. Новый мол полностью скрывал внутреннюю гавань. Внешняя больше, но стоять предпочтительнее внутри: с одной стороны там защищает городская стена, с другой – Волчье Логово, а теперь и мол с третьей. Коттер Пайк в Восточном Дозоре говорил Давосу, что лорд Виман строит боевые галеи. За стеной на молу можно спрятать не меньше двадцати кораблей; как только будет отдан приказ, они выйдут в море.

За белыми стенами гордо высится на холме Новый Замок, а вон там купол Снежной Септы, окруженный изваяниями Семерых. Мандерли, когда их изгнали с Простора, принесли свою веру на Север. Есть в Белой Гавани и богороща, чащоба, замкнутая черными стенами Волчьего Логова – эта древняя крепость теперь служит только тюрьмой, – но власть септонов намного больше.

Водяной дома Мандерли реет повсюду – на башнях замка, над Тюленьими воротами, на городских стенах. В Восточном Дозоре уверяли, что Белая Гавань Винтерфеллу никогда не изменит, но Давос нигде не видел ни лютоволка Старков, ни льва. Лорд Виман еще не присягнул Томмену, иначе непременно поднял бы королевский штандарт.

У причалов не протолкнуться. Мелкие лодки разгружают улов около рыбного рынка; чуть дальше видны три длинные речные ладьи, доблестно одолевающие пороги и стремнины на Белом Ноже. Давоса, впрочем, больше занимали морские суда: пара каррак, столь же невидных и потрепанных, как «Повитуха», торговая галея «Дитя бури», когти «Храбрый магистр» и «Рог изобилия», приметный галеон из Браавоса с пурпурным корпусом и такими же парусами... и стоящий за ними военный корабль.

Давоса точно ножом пронзили. Корпус черный с золотом, на носу лев с поднятой лапой. На корме значится «Львиная звезда», на мачте развевается флаг с гербом малолетнего короля. Год назад Давос не сумел бы прочесть эту надпись, но мейстер Пилос с Драконьего Камня обучил его азбуке. Чтение в кои веки доставило Давосу толику удовольствия. На пути сюда он молился, чтобы эта галея тоже попала в шторм, разметавший форт Саллы, но боги распорядились иначе. Фрей здесь, и ему придется с ними столкнуться.

«Веселая повитуха» встала у деревянной пристани во внешней гавани, далеко от «Львиной звезды». Пока матросы закрепляли концы и опускали сходни, к Давосу подошел капитан Кассо Могат, метис Узкого моря, рожденный систертонской шлюхой от иббенийского китобоя. Волосатый, всего пяти футов ростом, он красил шевелюру и баки в цвет зеленого мха и потому смахивал на пенек, обутый в желтые сапоги. Моряк он вопреки внешности был хороший, но с командой обращался сурово.

– Как долго вы намерены задержаться на берегу? – спросил он.

– Не меньше суток. Возможно, и дольше. – Лорды, как известно, любят хорошенько потомить человека, чтобы власть свою показать.

– «Повитуха» здесь пробудет три дня, никак не больше. Нас ждут в Систертоне.

– Если все сложится хорошо, к утру буду тут.

– А если плохо?

В таком разе он может вообще не вернуться.

– Тогда не ждите меня.

Двое таможенников, всхлотивших по сходням навстречу Давосу, на него даже и не взглянули. Им нужен был капитан и то, что лежало в трюме; простые матросы их не касались, а Давос выглядел проще некуда. Обветренное мужицкое лицо, борода с проседью, волосы как соль с перцем и одежда под стать: старые сапоги, бриджи бурые, камзол синий, накидка из

некрашеной шерсти застегнута деревянной пряжкой. Просоленные кожаные перчатки прятали когда-то укороченные Станнисом пальцы. Никто не скажет, что Давос – лорд, тем более королевский десница. Оно и к лучшему. Сперва надо разведать, как тут у них дела.

Он прошел через рыбный торг. На «Храброго магистра» грузили мед: бочки по четыре в вышину громоздились на пристани, трое матросов, укрывшись за ними, метали кости. Торговки кричали, предлагая свежий улов, старый медведь плясал в кругу речников под барабан, в который бил мальчик. Тюленьи ворота охраняли двое копейщиков с эмблемой дома Мандерли на груди; они любезничали с портовой шлюхой и не обратили на Давоса никакого внимания. Ворота были открыты, решетка поднята; он влился в толпу и скоро вышел на мощеную площадь с фонтаном.

Из воды вставал каменный водяной двадцати футов ростом от хвоста до короны. Его курчавая борода позеленела и обросла лишайником, один из зубцов трезубца сломали еще до рождения Давоса, однако морской царь умудрялся сохранять грозный вид. Местные жители прозвали его Стариной Хвостоногом, а площадь, официально носившая имя какого-то покойного лорда, именовалась в народе не иначе как Хвостоноговой.

Сегодня здесь былолюдно. Женщина стирала в фонтане бельеишко и развешивала его на трезубце. Под крытой колоннадой разместились писцы, менялы, маг, травница и очень неважный жонглер. Тут же рядом продавались яблоки и селедка с луком. Куры и дети путались под ногами. Огромные, окованные железом дубовые двери монетного двора, всегда закрытые прежде, были открыты. Внутри виднелись сотни женщин, стариков и детей. Они сидели на полу, подстелив меховые шкуры, и готовили еду на кострах.

Купив за полушку яблоко, Давос спросил у торговца:

– Что это за люди на монетном дворе?

– Большой частью крестьяне с верховьев Ножа. Люди Хорн вуда тоже. Прибежали сюда от бастарда этого, Болтона. Не знаю уж, куда его милость их денет. У многих только и добра, что на них.

Давос ощутил укол совести. Они ищут укрытия здесь, в мирном городе, а он хочет снова втянуть их в войну. Он надкусил яблоко, и совесть снова подала голос.

– А еду они где берут?

– Которые воруют, которые попрошайничают, – пожал плечами торговец. – Девки молодые собой приторговывают. Парню выше пяти футов, коли он умеет держать копье, найдется место в казармах милорда.

Стало быть, Мандерли набирает солдат... к добру или к худу. Яблоко было вялое, но Давос упорно жевал его.

– Не хочет ли лорд Виман примкнуть к бастарду?

– Как придет его милость ко мне за яблочком, непременно его спрошу.

– Я слыхал, его дочка выходит за какого-то Фрея.

– Внучка. Я тоже слыхал, только на свадьбу меня пригласить позабыли. Доел, что ли? Давай кочерыжку, мне семечки пригодятся.

Давос кинул торговцу огрызок. Стоило потратить полушку, чтобы узнать, что Мандерли берет ополченцев. Девушка у фонтана продавала козье молоко в чашках. Давос начинал вспоминать: в том переулке, куда Хвостоног указывает трезубцем, продается вкусная треска с поджаристой корочкой. Вон там бордель, почище многих других: там можно взять женщину, не боясь, что тебя ограбят или убьют. В другой стороне, в одном из тех домиков, что лепятся к Волчьему Логову как ракушки к кораблю, раньше варили темное пиво, густое и славное; в Браавосе и Порт-Иббене за него давали как за борское золотое, если местные оставляли пивовару что-то на вывоз.

Сейчас, однако, Давосу требовалось вино, кислое до оскомины. На той стороне площади, под складом, где хранились овчины, был погребок. Он назывался «Ленивый угорь» и в кон-

трабандные дни Давоса предлагал самых старых шлюх и самое мерзкое вино в Белой Гавани наряду с тухлыми пирогами: в лучшем случае несъедобно, в худшем отравно. Местные, что вполне понятно, далеко обходили это заведение, предоставляя его морякам. Городских стражников и таможенников в «Угре» испокон веков не бывало.

В этом подвальчике время будто остановилось. Тот же закопченный потолок, земляной пол, те же запахи дыма, тухлятины и блевотины. Толстые сальные свечи на столах не столько светили, сколько чадили, делая заказанное Давосом вино скорее бурым, чем красным. У дверей выпивали четыре девки. Когда Давос оставил без ответа улыбку одной из них, они посмеялись между собой и больше на него не смотрели.

Кроме них и хозяина, в «Угре» не было никого. Давос забрал вино в укромный уголок, которыми изобилует «Угорь», и сел спиной к стенке.

Скоро он поймал себя на том, что смотрит в очаг. Красная женщина способна видеть в пламени будущее, но Давосу огонь показывал только прошлое: горящие корабли, цепь поперек реки, зеленые блики на пасмурном небе и над всем этим – Красный Замок. Давос Сиворт простой человек, не провидец. Подняться ему помогли случай, война и Станнис.

Почему боги забрали четверых его сыновей, молодых и крепких, а пожилого отца оставили? «Для того, чтобы я спас Эдрика Шторма», – думал иногда Давос в бессонные ночи... но теперь бастард короля Роберта в безопасности на Ступенях, а он все еще жив. Может, боги еще чего-то хотят от него? Именно здесь, в Белой Гавани? Давос пригубил вино и вылил себе под ноги половину.

На улице темнело, и погребок начинал заполняться. Давос спросил еще чашу. Хозяин вместе с вином принес и свечу.

– Может, закусить хочешь? Есть пироги с мясом.

– С каким?

– Мясо как мясо. Хорошее.

– Серое, он хочет сказать, – засмеялась одна из шлюх.

– Заткни пасть. Сама-то небось жрешь.

– Мало ли какое дерьмо я ем – это еще не значит, что оно мне по вкусу.

Как только хозяин отошел, Давос задул свечу. Нет на свете больших сплетников, чем моряки за чашей вина, даже такого гадкого. Знай только слушай.

Почти все, о чем говорилось здесь, он уже слышал в Систертоне от лорда Годрика и завсегдатаев «Китового брюха». Тайвина Ланнистера убил родной сын, карлик. Покойник так смердел, что потом никто долго не мог войти в Великую Септу. Леди Орлиного Гнезда убита певцом; теперь Долиной правит Мизинец, но Бронзовый Джон Ройс поклялся свергнуть его. Бейлон Грейджой тоже умер, и его братья борются за Морской Трон. Сандор Клиган разбойничает на речных землях. Мир, Лисс и Тирош снова завязали войну. На востоке взбунтовались рабы.

Были и другие вести, более любопытные. Роберт Гловер пытается сколотить себе войско в городе, но без особых успехов: лорд Мандерли глух к его мольбам. Белой Гавани надоело воевать, будто бы говорит его милость. Плохи дела. Рисвеллы с Дастинами сожгли ладьи Железных Людей на Горячке – это еще хуже. Бастард Болтонский с Хозером Амбером едут на юг, чтобы помочь этим двум домам взять Ров Кейлин.

– Смерть Шлюхам собственной персоной, – говорил речник, только что доставивший с Белого Ножа шкуры и лес. – При нем триста копейщиков и сто лучников. Люди Хорнвуда и Сервина тоже идут с ним.

Хуже ничего не придумаешь.

– Лорду Виману также следует послать кого-нибудь на войну для своего же блага, – заметил старик на торце стола. – Лорд Русе теперь Хранитель – честь обязывает Белую Гавань откликнуться на его зов.

– Можно подумать, Болтоны знают что-то о чести, – встрял хозяин, подливая всем своего бурого вина.

– Лорд Виман никуда не пойдет. Больно жирен.

– Он хворает. Только и делает, что плачет да спит, с постели подняться не может.

– С жиру все это.

– Жир тут ни при чем, – заявил хозяин. – Львы держат в плену его сына.

О короле Станнисе никто и не заикался. Никто, похоже, не знал, что его величество пришел на Север, чтобы защищать Стену. В Восточном Дозоре только и разговору, что об одичавших, великанах и упырях, а здесь обо всем этом и думать не думают.

Давос подался вперед, нарушив свою невидимость.

– Я думал, его сына убили Фреи. Мы в Систертоне так слышали.

– Это сир Вендел убит, – пояснил хозяин. – Его кости покоятся в Снежной Септе в окружении многих свечей – можешь сам поглядеть. А сир Вилис пока в плену.

Все хуже и хуже. Давос знал, что у лорда два сына, но думал, что оба они мертвы. Если Железный Трон держит в заложниках одного... Давос, сам потерявший четырех сыновей, выполнил бы любое требование богов и людей, лишь бы уберечь трех оставшихся. Стеффон и Станнис за тысячу лиг от войны, но Дефан в Черном Замке, при короле, чей успех или провал зависит от Белой Гавани.

Разговор тем временем зашел о драконах.

– Да вы, никак, спятили, – говорил гребец с галеи «Дитя бури». – Короля-Попрошайки давно уж на свете нет – какой-то лошадиный лорд отрубил ему голову.

– Да, по слухам – но слухи могут и лгать, – возразил старик. – Умер он на другом краю света, если впрямь умер. Может, ему выгодно, чтоб его мертвым считали. Тела его никто не видал.

– Джоффри и Роберта я тоже не видел мертвыми, – заспорил хозяин, – по-твоему, и они живы? Может, и Бейелор Благословенный только вздремнул на пару веков?

– Принц Визерис не единственный дракон, так ведь? – уперся старик. – Сына принца Рейегара тоже вроде бы убили в младенчестве, а на деле – кто знает.

– Там вроде и принцесса была? – вмешалась шлюха, критиковавшая мясо.

– Даже две, – подтвердил старик. – Одна дочь Рейегара, другая сестра.

– Сестру Дейеной звали, – вспомнил речник. – С Драконьего Камня. Или Дейерой?

– Дейена была женой старого короля Бейелора, – сказал гребец. – Я греб на корабле, который назывался «Принцесса Дейена».

– Королевская жена – не принцесса, а королева.

– Так он не жил с ней. Святой был.

– Он на сестре женился, – внесла ясность шлюха, – только спать с ней не спал. Став королем, он ее запер в башне еще с двумя сестрами.

– Дейенела, вот как ее звали, – сказал хозяин. – Дочь Безумного Короля то есть, не жену Бейелора.

– Дейенерис, – поправил Давос. – В честь Дейенерис, которая вышла за принца Дорнийского при Дейероне Втором. Не знаю только, что с ней случилось потом.

– Я знаю, – сказал тот, кто и начал весь разговор – браавосский гребец в темной шерстяной куртке. – В Пентосе мы стояли рядом с галеей «Черноглазка», так вот ихний юнга за выпивкой рассказал про девчоночку, которую видел в Кварте. Она хотела, чтобы они отвезли в Вестерос ее и трех драконов в придачу. Волосы у нее были серебряные, глаза фиолетовые. Тот юнга сам ее водил к капитану, только шкипер не захотел. Я, сказал, лучше возьму шафран и гвоздику – они по крайности паруса не спалют.

Все заржали, только Давос не стал смеяться, зная о судьбе «Черноглазки». Боги жестоки: позволяют человеку пройти неведимым полсвета, а у самого дома посылают на ложный огонь.

«Тот капитан был посмелее меня», – думал, идя к выходу, Давос. Совершив одно путешествие на восток, можешь до конца дней жить как лорд. В юности Давос сам мечтал о таком путешествии, но годы промчались мимо, а он так и не выбрался. Ничего, все еще впереди. Война кончится, король Станнис взойдет на Железный Трон, и у него отпадет нужда в луковых рыцарях. Тогда Давос возьмет с собой Девана... Стеффа и Станни тоже, если подрастут к тому времени... и они своими глазами увидят драконов и прочие чудеса.

Ветер на улице окреп и колебал огни масляных фонарей на площади, но по сравнению с Восточным Дозором, где ветер со Стены пробирает насквозь самый теплый плащ, здесь было тепло как в бане.

Имелись и другие места для подслушивания чужих разговоров: гостиница, знаменитая рыбными пирогами, пивная, посещаемая таможенниками и торговцами шерстью, балаган, где за пару грошей показывали всякое непотребство. Давос, однако, полагал, что слышал достаточно. Слишком поздно он добрался до Белой Гавани. Рука по старой привычке потянулась к груди, к ладанке с косточками отрубленных пальцев, но там ничего не было. Он потерял свою удачу на Черноводной, вместе с сыновьями и кораблем.

Что же ему делать теперь? Он поплотнее запахнулся в накидку. Явиться к воротам Нового Замка с напрасной просьбой? Вернуться в Систертон, а там и домой, к Марии и мальчикам? Купить коня, приехать по Королевскому тракту к Станнису и сказать, что в Белой Гавани у короля нет ни друзей, ни надежды?

В ночь перед отплытием королева Селиса устроила пир для Саллы и его капитанов. Там присутствовал Коттер Пайк и еще четверо высших офицеров Восточного Дозора, принцессу Ширен тоже допустили за стол. Когда подали лосося, сир Акселл Флорент рассказал историю об одном из таргариенских принцев. Тот держал у себя обезьяну, одевал ее в платье покойного сына, выдавал за свое дитя и время от времени сватал зверю невест. Лорды, которым оказывалась подобная честь, отказывали учтиво, но твердо. «Обезьяна, даже разодетая в шелк и бархат, так и останется обезьяной, – вывел мораль сир Акселл. – Будь принц поумнее, он понял бы, что с человеческими делами она не справится». Люди королевы смеялись, поглядывая на Давоса. «Я-то не обезьяна, – хотелось сказать ему. – Я такой же лорд, как и вы, еще лучше вас буду», – но память об этом жалила его до сих пор.

Тюленьи ворота уже заперли на ночь – на «Повитуху» можно будет вернуться не раньше, чем рассветет. «Я прошел сквозь непогоду и шторм, – сказал себе Давос, глядя на Старину Хвостонуга. – Я не вернусь, не исполнив задуманного, каким бы безнадежным это ни представлялось». Пальцы он потерял и талисман тоже, но он не обезьяна в шелках. Он королевский десница.

Широкая ступенчатая улица под названием Замковая вела от Волчьего Логова на холм, к Новому Замку. Мраморные русалки с чашами горящего китового жира освещали Давосу путь. С вершины видны были обе гавани: во внутренней за стеной волнолома стояли бок о бок военные галеи. Давос насчитал двадцать три: лорд Виман при всей своей толщине явно не сидел сложа руки.

Ворота Нового Замка были закрыты, но часовой открыл калитку на оклик Давоса и спросил, что ему надо. Давос предъявил королевские печати на черной с золотом ленте.

– Мне нужно срочно увидеться с лордом Мандерли. Наедине.

Дейенерис

Гладко выбритые, намащенные танцовщики перекидывались горящими факелами под бой барабанов и переливы флейт. Когда два факела скрещивались, между ними, кружась, перелетала нагая девушка. Блестели руки, груди и ягодицы.

Все трое плясунов были возбуждены. Их пыл заражал Дени, но и смешил. Все они одного роста, длинноногие, с плоскими животами, каждый мускул точно из камня вырублен. Даже лица у них похожи, хотя это странно: один из них черен как сажа, другой бледен как молоко, у третьего кожа медная.

Они призваны воспламенить ее, можно не сомневаться. Безупречные в острых шапках стояли как статуи вдоль колонн, полноценные мужчины вели себя не столь сдержанно. Резнак мо Резнак приоткрыл влажные губы, Гиздар зо Лорак разговаривал с соседом, не сводя глаз с танцовщиц. Лысый был суров, как всегда, но не упускал ничего.

Мечты и желания почетного гостя, сидящего с Дени за высоким столом, разгадать было не столь легко. Белокожий, с блестящим черепом, одетый в парчу и багряный шелк, он ел фигу, надкусывая ее понемногу. Вдоль ястребиного носа Ксаро Ксоана Даксосу сверкали опалы.

Ради него Дени облачилась в квартийский наряд – платье из лилового шелка, обнажающее левую грудь. Ее серебряные с золотом волосы падали почти до соска. Многие мужчины украдкой бросали на нее взгляды, только не Ксаро. То же самое было и в Кварте: таким способом магната ей не пронять, но какой-то ключик к нему подобрать все же надо. Он пришел из Кварта на «Шелковом облаке» и привел с собой еще тринадцать галей, не иначе в ответ на ее молитвы. Миэринская торговля совсем захирела с тех пор, как она отменила рабство, но Ксаро вполне способен ее возродить.

Барабаны забили громче, и три девушки перескочили через огонь. Танцовщики ловили их за талии и насаживали на свои члены, девушки выгибались и обнимали мужчин ногами. Флейты рыдали, тела юношей двигались в такт. Дени уже доводилось видеть такое: дотракийцы совокуплялись столь же открыто, как их кобылы и жеребцы, но похоть, положенную на музыку, она наблюдала впервые.

Щеки у нее пылали – от вина, конечно же от вина, мысли возвращались к Даарио Нахарису. Утром он прислал к ней гонца: Вороны-Буревестники возвращаются из Лхазарина. Ее капитан завязал дружбу с овечьим народом. Наладится обмен, минует угроза голода. Даарио не подвел ее в настоящем и не подведет в будущем. Поможет ей спасти город. Королеве не терпелось увидеть его, погладить трезубую бороду, рассказать о своих заботах... но Вороны-Буревестники пока еще далеко, за Хизайским перевалом, а государством приходится управлять каждый день.

Дым повис меж пурпурных колонн. Танцовщики, пав на колени, склонили головы.

– Великолепно, – сказала им Дени. – Такая красота и грация – редкое зрелище. – По ее знаку подошел сенешаль с каплями пота на лысой морщинистой голове. – Проводи наших гостей в баню, чтобы они освежились. Принеси им еды и питья.

– Почту за честь, ваше великолепие.

Дени подставила Ирри чашу. Вино, сладкое и крепкое, отдавало восточными пряностями – не то что гискарская кислятина, которую приходилось пить последнее время. Ксаро, обозрев фрукты на поданном Чхику блюде, выбрал хурму такого же цвета, как коралл у него в носу, надкусил, поджал губы:

– Вяжет.

– Не взять ли милорду что-то послаще?

– Сладкое приедается, но терпкие фрукты и терпкие женщины придают жизни вкус. Дейенерис, королева моя, не могу выразить, как приятно мне снова погреться в твоих лучах. Из

Кварта отплывала девочка, растерянное дитя. Я боялся, что она плывет навстречу своей гибели, и вот я вижу ее на троне, владычицей древнего города и предводительницей войска, рожденного из ее мечты.

«Из огня и крови», – мысленно поправила Дени.

– Я рада, что ты приехал. Рада видеть тебя вновь, друг мой. – Доверять ему она не намерена, но ей нужны его Тринадцать, его товары, его корабли.

Работоторговля веками держалась на трех родственных городах – Астапоре, Юнкае и Миэрини. Дотракийские кхалы и корсары с островов Василиска свозили сюда своих пленников, а весь прочий мир съезжался их покупать. Помимо рабов Миэрини предложить почти нечего. В гискарских холмах много меди, но этот металл стал далеко не столь ценным, как в бронзовый век. Кедры, некогда росшие здесь, вырублены Старой Империей или выжжены драконьим огнем во времена войны Гиса с Валирией. Почва, защищенная прежде кедровыми лесами, печется на солнце и уносится прочь тучами красной пыли. «Именно эти бедствия превратили моих сограждан в работоторговцев», – говорила Дени Галацца Галар в Храме Благодати.

«Ну, а я – то бедствие, которое превратит работоторговцев обратно в людей», – поклялась себе Дени.

– Я не мог не приехать, – томно произнес Ксаро. – Даже в Кварт долетают страшные вести – я рыдал, слыша их. Говорят, что твои враги обещают богатство, славу и сто рабынь-девственниц тому, кто убьет тебя.

– Да. Сыны Гарпии. – «Откуда он о них знает?» – Ночью они рисуют кровью на стенах и режут во сне честных вольноотпущенников, а с восходом солнца прячутся как тараканы, боясь моих Бронзовых Бестий. – Скахаз мо Кандак по ее приказу учредил новую стражу из равного числа вольноотпущенников и бритоголовых миэринцев. Они расхаживали по улицам днем и ночью в темных капюшонах и бронзовых масках. Сыны Гарпии сулили лютую смерть всем предателям, служащим королеве драконов, а также их семьям, поэтому лысые скрывались под личинами сов, шакалов и прочих хищников. – Я боялась бы этих Сынов лишь в том случае, если б вышла на улицу ночью одна, нагая и безоружная. Это скопище трусов.

– Трус может вонзить в королеву нож не хуже героя. Я спал бы спокойнее, зная, что отраду моего сердца по-прежнему охраняют злые табунщики. В Кварте тебя никогда не покидали три кровных всадника – где же они?

– Агго, Чхого и Ракхаро по-прежнему служат мне. – Ксаро ведет с ней какую-то игру – что ж, Дени ему подыграет. – Я совсем еще юна и мало смыслю в таких вещах, но люди старше и мудрее меня говорят так: чтобы удержать Миэрин, мало овладеть побережьем – я должна углубиться на запад от Лхазарина к югу, до самых Юнкайских холмов.

– Меня заботят не твои земли, а ты сама. Если с тобой что-то случится, жизнь утратит для меня всякий вкус.

– Благодарю за твою заботу, милорд, но меня хорошо охраняют. – Дени показала на Барристана Селми, державшего руку на эфесе меча. – Его имя Барристан Смелый. Он дважды спасал меня от наемных убийц.

Ксаро бросил на него беглый взгляд.

– Ты, верно, хотела сказать «Барристан Старый»? Твой рыцарь-медведь моложе и был предан тебе.

– Я не хочу говорить о Джорахе Мормонте.

– Вполне понятно – стоит лишь вспомнить этого волосатого дикаря. – Ксаро наклонился к Дени. – Поговорим лучше о любви, о мечтах и желаниях. О прекрасной Дейенерис, пьянящей меня одним своим видом.

– Тебя опьянило вино, – ответила Дени, привычная к преувеличенным любезностям Кварта.

– Никакое вино не пьянит так, как твоя красота. Мой дом стал похож на гробницу с тех пор, как уехала Дейенерис, и все удовольствия Короля Городов оставляют во рту вкус пепла. Зачем ты меня оставила?

Вот так вопрос. Она тогда опасалась за свою жизнь!

– Так нужно было. Кварт не хотел больше давать мне приют.

– Ты о Чистокровных? В их жилах течет вода, а не кровь, у всей Гильдии Пряностей сыворотка вместо мозгов, а Бессмертные все мертвы. Ты должна была заключить брак со мной. Я уверен, что предлагал тебе руку и даже молил о согласии.

– Раз пятьдесят, – поддразнила Дени. – Ты слишком скоро сдался, милорд. Все сходятся на том, что я должна выйти замуж.

– У кхалиси должен быть кхал, – вставила Ирри, подливая Дени вина. – Это все знают.

– Быть может, мне попросить еще раз? О, как я знаю эту улыбку. Жестокая королева играет в кости мужскими сердцами. Ничтожные купцы вроде меня – всего лишь булыжник под твоими золотыми сандалиями. – Одинокая слеза скатилась по бледной щеке магната.

Дени знала его слишком хорошо и потому не растрогалась. Квартийские мужчины способны лить слезы, когда только захотят.

– Перестань. – Она взяла из вазы вишню и бросила ему в нос. – Я, конечно, юна, но не так глупа, чтобы выйти за человека, которого фрукты занимают больше, чем моя грудь. Я видела, какого пола танцовщиками ты любовался.

– Такого же, что и ваше величество. – Ксаро вытер слезу. – Видишь, у нас есть нечто общее. Если не хочешь взять меня в мужья, сделай своим рабом – я согласен.

– Рабы мне ни к чему. Освобождаю тебя. – Униженный драгоценностями нос был заманчивой целью – на сей раз Дени запустила в него абрикосом.

Ксаро поймал плод в воздухе и надкусил.

– Откуда это безумие? Полагаю, мне следует радоваться, что ты не освободила моих рабов, когда гостила у меня в Кварте.

Она тогда была королевой-нищенкой, а Ксаро входил в число Тринадцати и хотел одного: ее драконов.

– Твои рабы, похоже, были довольны своей судьбой. Только в Астапоре у меня открылись глаза. Знаешь, как создают Безупречных?

– Жестоко, не сомневаюсь. Кузнец, закаляя клинок, помещает его в огонь, бьет молотом и погружает в воду со льдом. Если хочешь вкусить сладкий плод, нужно поливать дерево.

– То дерево орошалось кровью.

– Иначе солдата не вырастить. Твоей блистательности понравились мои плясуны; что бы ты сказала, узнав, что это рабы, возвращенные и обученные в Юнкае? Они танцуют с тех пор, как научились ходить – как еще можно достигнуть подобного совершенства? – Ксаро выпил глоток вина. – Они и в искусстве любви знают толк. Не соизволит ли ваше величество принять их от меня в дар?

– Охотно. Я их сразу освобожу.

– Твоя свобода им что рыбе кольчуга, – поморщился Ксаро. – Танец, вот для чего ни созданы.

– Кем созданы? Их хозяевами? Возможно, они предпочли бы строить, печь хлеб, возделывать землю – ты их просто не спрашивал.

– Твои слоны, возможно, предпочли бы стать соловьями, и миэринские ночи вместо сладкого пения оглашались бы трубными звуками, а деревья ломались под тяжестью столь крупных птиц. Дейенерис, прелесть моя, под этой чудесной юной грудью бьется нежное сердце, но позволь старому опытному купцу напомнить тебе, что вещи не всегда бывают такими, как кажутся. Нет худа без добра – возьмем для примера дождь.

– Дождь? – Он принимает ее за ребенка или за полную дуру.

– Мы проклинаем его, когда он льет нам на голову, но без него нам бы пришлось голодать. Мир нуждается в дожде... и в рабах. Не строй гримасу, ведь это правда. Вспомни Кварт. В искусстве, музыке, магии и торговле – во всем, что отличает нас от животных, – Кварт настолько же выше всего остального мира, как ты на вершине своей пирамиды, только его превосходство зиждется не на кирпичках, а на спинах рабов. Если все люди будут вынуждены рыться в грязи, добывая пищу, кто из них найдет время взглянуть на звезды? Если каждому придется строить для себя хижину, кто будет воздвигать храмы во славу богов? Одни должны быть порабощены для того, чтобы другие стали великими.

Дени не нашлась с ответом, но знала, что Ксаро неправ.

– Дождь нельзя сравнивать с рабством, – сказала она с саднящим чувством в груди. – В этом я кое-что смыслю: мне доводилось мокнуть под дождем и быть проданной. Ни один человек не хочет принадлежать другому.

Ксаро томно повел плечами.

– Высадившись в твоём славном городе, я случайно увидел на берегу человека, некогда гостившего у меня, – купца, торговавшего пряностями и редкими винами. Он был гол до пояса, весь обгорел на солнце и рыл какую-то яму.

– Канаву, чтобы отвести воду из реки на поля. Мы хотим разводить бобы, которым требуется полив.

– Как мило со стороны моего приятеля помогать тебе в прокладке канав. И как это на него не похоже. Возможно, у него не осталось выбора? Нет, конечно же нет. Рабство в Миэринне отменено.

– Твой приятель получает за работу еду и кров, – вспыхнула Дени. – Богатство я ему вернуть не могу. Бобы Миэринну нужнее, чем специи, и на поля нужно привести воду.

– Ты и моих танцовщиков поставишь канавы копать? При виде меня мой приятель пал на колени, умоляя купить его и увезти в Кварт.

Дени показалось, что Ксаро дал ей пощечину.

– Так купи.

– С твоего позволения – он-то готов. – Ладонь Ксаро легла Дени на руку. – Есть вещи, которые может сказать тебе только друг. Я помогал тебе, когда ты пришла в Кварт неимущей, и пересек бурное море, чтобы снова тебе помочь. Найдется здесь место, где мы могли бы поговорить откровенно?

Какие теплые у него пальцы. В Кварте он тоже относился к ней очень тепло – пока не понял, что никакой пользы от нее не дождется.

– Пойдем, – сказала она и повела Ксаро к мраморной лестнице.

– О прекраснейшая из женщин, за нами кто-то идет...

– Пусть мой старый рыцарь не пугает тебя. Сир Барристан поклялся хранить мои тайны. Над верхней террасой стояла луна, воздух благоухал ночными цветами.

– Пройдемся? – Дени взяла Ксаро под руку. – Раз ты заговорил о помощи, давай торговать. В Миэринне есть соль, есть вино...

– Гискаское? – покривился Ксаро. – Соль Кварт добывает из моря, а вот оливки и масло я взял бы охотно – все, что предложишь.

– Нечего мне предложить. Рабовладельцы сожгли все рощи. – Оливы росли на берегах залива веками, но при подходе вражеского войска миэринцы предали их огню, оставив Дени черную бесплодную землю. – Мы вновь сажаем деревья, но плодоносить они начнут только через семь лет, а доход дадут разве что через тридцать. Что скажешь о меди?

– Этот металл ненадежен, как женщина. Золото – дело иное. Кварт с радостью даст тебе золота... за рабов.

– Миэрин – город свободных людей.

– Этот город был богат, а теперь обеднел. Обьедался, а теперь голодает. Был мирным, а теперь залит кровью.

Обвинения Ксаро были правдивы и потому больно жалили.

– Миэрин вновь будет богатым, сытым и мирным. И свободным в придачу. Если тебе нужны рабы, ступай к дотракийцам.

– Дотракийцы берут рабов, гискарцы их обучают. Чтобы достичь Кварта, табунщикам пришлось бы гнать пленных через пустыню и потерять сотни, если не тысячи. Уморить множество лошадей, на что ни один кхал не пойдет. Кроме того, Кварт не желает, чтобы под его стенами толклись кхаласары. Не обижайся, кхалиси, но лошадиный навоз...

– У него честный запах, чего не скажешь о многих знатных лордах и торговых магнатах. Ксаро пропустил шпильку мимо ушей.

– Дейенерис, позволь мне быть с тобой искренним, как подобает другу. Ты не сделаешь Миэрин богатым, сытым и мирным – ты приведешь его к гибели, как привела Астапор. Известно тебе, что у Рогов Хаззат произошла битва и король-мясник удрал к себе во дворец вместе со своими новыми Безупречными?

– Известно. – Эту весть прислал ей Бурый Бен Пламм. – За Юнкай сражается много наемников и два легиона из Нового Гиса.

– Где два, там и четыре, а вскорости будут все десять. В Мир и Волантис тоже послано за наемниками: Дикие Коты, Длинные Копья и Сыны Ветра набирают новых бойцов. Говорят, будто мудрые господа и Золотых Мечей тоже наняли.

Брат Дени Визерис задал когда-то пир вождям Золотых Мечей в надежде, что они станут на его сторону. Капитаны ели, слушали его просьбы и смеялись над ним. Дени была тогда маленькая, но помнила всё.

– У меня есть свои наемники.

– Всего два отряда против двадцати, которые может собрать Юнкай. Не считая сил Толоса и Мантариса, которые заключают союз с юнкайцами.

Дурная весть, если она верна. Дени тоже отправила посольства в Мантарис и Толос, надеясь найти новых друзей на западе против враждебного Юнкай на юге, но ее посланники не вернулись.

– Миэрин тоже заключил союз. С Лхазарином.

– Дотракийцы называют лхазарян ягнячьим народом, – усмехнулся на это Ксаро. – Их стригут, а они в ответ только блеют. Воины из них никудышные.

«С невоинственным другом лучше, чем совсем без друзей».

– Мудрые господа могли бы взять с них пример. Я пощадила Юнкай однажды, но больше этой ошибки не повторю. Если они посмеют напасть, я сровню Желтый Город с землей.

– Пока ты будешь уничтожать Юнкай, дорогая, Миэрин восстанет против тебя. Не закрывай глаза на то, что тебе угрожает. Твои евнухи – солдаты отменные, но их слишком мало по сравнению с войском, которое пошлет на тебя Юнкай после падения Астапора.

– Мои вольноотпущенники...

– Рабы для утех, цирюльники и кирпичники не выигрывают сражений.

Дени надеялась, что Ксаро ошибается хотя бы на этот предмет. Она составила несколько отрядов из молодых вольноотпущенников и наказала Серому Червю сделать из них солдат.

– Ты забыл о моих драконах.

– Отчего же. В Кварте тебя всегда видели с одним из них на плече, но сейчас твое плечико столь же голо, как и прелестная грудь.

– Мои плечи больше их не выдерживают. Драконы вылетают далеко в поле охотиться. – «Прости меня, Хазея. Кто знает, какие слухи дошли до Ксаро». – Спроси о них добрых господ Астапора, если у тебя есть сомнения. – «Глаза у одного господина лопнули и стекли по щекам». – Скажи правду, мой друг: зачем ты приехал, если не для торговли?

– Я привез королеве моего сердца подарок.

– Какой? – «Уж не новая ли это ловушка?»

– Тот самый, который ты так хотела получить в Кварте. Корабли, тринадцать галей. Они ждут в заливе, чтобы отвезти тебя в Вестерос.

Флот! На это она и надеяться не могла, поэтому сразу насторожилась. В Кварте Ксаро предлагал ей целых тридцать кораблей... за дракона.

– А что ты хочешь взамен?

– Ничего. Драконы меня больше не манят – я видел, что натворили они в Астапоре, где «Облако» пополняло запас воды. Корабли – твои, сладчайшая королева, тринадцать галей вместе с гребцами.

Все ясно. Ксаро входит в торговую гильдию, называемую Тринадцать. Без сомнения, он уговорил каждого из своих сотоварищей дать ей по одному кораблю: трудно предположить, зная его, что он пожертвовал тринадцатью собственными судами.

– Я должна подумать. Можно мне посмотреть на них?

– Ты стала подозрительной, Дейенерис.

«Всегда была».

– Я поумнела, Ксаро.

– Смотри сколько хочешь. Потом поклянись мне, что немедленно отплывешь в Вестерос, и корабли твои. Поклянись своими драконами, своим семиликим богом и прахом своих отцов.

– А если я сочту за лучшее выждать год или два?

– Это будет печально, прелесть моя... ибо, несмотря на твои цветущие лета, так долго ты не протянешь. Во всяком случае, здесь.

Одной рукой он сует ей пряник, другой кажет кнут.

– Твой Юнкай не настолько страшен.

– Не все твои враги живут в Желтом Городе. Остерегайся тех, у кого холодные сердца и синие губы. Не прошло и двух недель с твоего отплытия из Кварта, как Пиат Прей еще с тремя колдунами отправился за тобой в Пентос.

Это больше рассмешило Дени, чем испугало.

– Значит, я хорошо сделала, не поехав туда. Миэрин и Пентос стоят на разных концах земли.

– Верно, но рано или поздно они услышат о драконьей королеве в заливе Работоторговцев.

– Хочешь меня напугать? Я четырнадцать лет прожила в страхе, милорд. Начинала бояться, когда просыпалась, и засыпала, боясь... но огонь, в котором я побывала, выжиг из меня страх. Теперь меня пугает только одно.

– Что же это, сладчайшая королева?

– Я всего лишь глупая девочка... но не настолько глупая, чтобы тебе об этом сказать. – Дени, встав на цыпочки, чмокнула Ксаро в щеку. – Я дам тебе ответ, когда мои люди осмотрят твои корабли.

– Позволь мне тебя убедить, – попросил он шепотом, коснувшись ее голой груди.

На миг она почувствовала искушение – возможно, танцовщики все же воспламенили ее. Можно закрыть глаза и притвориться, что это Даарио. Мнимый Даарио безопаснее настоящего.

– Нет, милорд. Спасибо, но нет, – отстранилась Дени. – Как-нибудь в другой раз.

– Хорошо. – Он печально опустил губы, но глаза выражали скорее облегчение, нежели грусть.

«Будь я драконом, полетела бы в Вестерос, – подумала Дени, когда он ушел. – Обошлась бы без Ксаро и его кораблей». Сколько человек можно перевезти на тринадцати галях? В переходе от Кварта до Астапора ее кхаласар уместился на трех, но тогда у нее еще не было восьми тысяч Безупречных, тысячи наемников и несметной орды бывших рабов. И куда ей девать драконов?

– Дрогон, где ты? – прошептала она. Ей ясно представилось, как он летит по небу, закрывая черными крыльями звезды.

Оставив ночь за спиной, Дени повернулась к безмолвному Барристану Селми.

– Визерис как-то раз загадал мне вестеросскую загадку: «Кто слышит все, ничего не слыша?»

– Рыцарь Королевской Гвардии, – без запинки ответил Селми.

– Вы слышали, что предложил мне Ксаро?

– Слышал, ваше величество. – Старый рыцарь очень старался не смотреть на ее голую грудь.

Сир Джорах таких усилий не прикладывал бы. Он любил Дени как женщину, а сир Барристан – только как королеву. Мормонт был шпионом и доносил на Дени ее врагам в Вестеросе, но и хорошие советы не раз давал.

– Что вы думаете об этом? О нем?

– О нем я невысокого мнения, а вот корабли... Мы могли бы вернуться домой еще до конца года, ваше величество.

Понятие «дом» было Дени неведомо... разве что браавосский дом с красной дверью.

– Опасайтесь квартирцев, дары приносящих, особенно если это Тринадцать. Тут какой-то подвох. Либо суда прогнили насквозь, либо...

– В таком случае они вряд ли дошли бы сюда из Кварта, – резонно заметил сир Барристан, – но ваше величество поступили мудро, настояв на досмотре. Как рассветет, я отправлюсь в гавань с адмиралом Гролео, его капитанами и полусотней матросов. Мы облазим каждый дюйм на этих судах.

– Хорошо, так и сделайте. – Вестерос... Дом. Но что станет с ее городом, когда она отплывет на запад? «Миэрин никогда не был твоим, – зашептал на ухо голос брата. – Твои города там, за морями, в Семи Королевствах, где тебя ждут враги. Ты рождена, чтобы обрушить на них кровь и огонь».

Сир Барристан кашлянул.

– Тот колдун, о котором упоминал купец...

– Пиат Прей. – Дени попыталась вспомнить его лицо, но вспомнила только губы. Это колдовское вино делает их синими, «вечерняя тень». – Если б чары могли убивать, я давно была бы мертва. Я сожгла дотла их дворец. – Дрогон спас ее от чародеев, желавших выпить из Дени жизнь. Они погибли в его огне.

– Да, ваше величество, но я все же буду настороже.

– Я знаю. – Дени поцеловала рыцаря в щеку. – Идемте же, вернемся на пир.

Утром она проснулась преисполненная надежд, чего с ней еще не бывало после высадки в заливе Работоторговцев. Скоро с ней снова будет Даарио, и они вместе поплывут домой, в Вестерос. Одна из маленьких заложниц, застенчивая пухленькая Мезарра из дома Мерреков, принесла Дени завтрак. Королева, обняв ее и поцеловав от души, сказала Ирри и Чхику:

– Ксаро Ксоан Даксос дает мне тринадцать галей.

– Тринадцать – плохое число, кхалиси, – ответила Чхику на дотракийском. – Это все знают.

– Это все знают, – откликнулась Ирри.

– Тридцать было бы лучше, – согласилась Дени, – не говоря уже о трехстах. Но для путешествия в Вестерос нам и тринадцати хватит.

Девушки переглянулись.

– Дурная вода проклята, кхалиси, – сказала Ирри. – Кони не пьют ее.

– Я тоже не собираюсь, – заверила Дени.

Этим утром к ней явились всего четыре просителя. Лорд Шаэль, еще несчастней обычного, говорил, как повелось, первым.

– Ваша блистательность, – простонал он, распростершись у ее ног, – на Астапор идет юнкайское войско. Молю вас поддержать юг всеми своими силами!

– Я предупреждала вашего короля, что эта война безумна, – напомнила Дени, – но он не послушал.

– Клеон Великий хотел покарать злых рабовладельцев Юнкая.

– Клеон Великий сам владеет рабами.

– Я знаю, Матерь Драконов не покинет нас в час нужды. Пошлите своих Безупречных оборонять наши стены.

«А кто же будет оборонять наши?» – подумала Дени.

– У меня много вольноотпущенников из астапорских рабов. Может быть, кто-то из них захочет прийти на помощь вашему королю – им решать. Я дала Астапору свободу, защищать ее должны вы.

– Ты принесла нам не свободу, а смерть! – Шаэль взвился и плюнул Дени в лицо.

Силач Бельвас сгреб его за плечо и кинул на мрамор так, что хрустнули зубы. Лысый сделал бы еще и не то, но Дени остановила его.

– Довольно, – сказала она, вытирая щеку краем токара. – За плевков не карают смертью. Уберите его.

Посол отделался выбитыми зубами. Его потащили прочь за ноги, оставляя кровавый след на полу. Дени очень хотелось прогнать трех оставшихся, но она не перестала быть королевой и постаралась принять наилучшее решение по каждой из просьб.

Когда сир Барристан и адмирал Гролео вернулись из гавани, Дени собрала свой совет. Серый Червь представлял в нем Безупречных, Скахаз мо Кандак – Бронзовых Бестий. Голосом дотракийцев в отсутствие кровных всадников был старый джакка рхан Роммо, косоглазый и кривоногий. От вольноотпущенников пришли капитаны трех учрежденных Дени отрядов: Моллоно Йос Доб от Крепких Щитов, Саймон Исполосованный от Вольных Братьев, Марслин от Детей Неопалимой. За плечом королевы стоял Резнак мо Резнак, за спиной – Бельвас со скрещенными на груди ручищами. В советниках, короче говоря, недостатка не было.

Гролео, с тех пор как его корабль разобрали для постройки осадных машин, ходил как в воду опущенный. Титул лорда-адмирала, пожалованный ему Дени в утешение, был пустым звуком: миэринский флот, когда войско королевы приблизилось к городу, тут же ушел в Юнкай, и старый пентошиец стал адмиралом без единого корабля. Улыбки, игравшей сейчас в его просоленной бороде, Дени давненько не видела.

– Значит, корабли признаны годными? – с надеждой спросила она.

– В общем и целом, ваше величество. Они уже не новые, но за ними был хороший уход. «Чистокровную принцессу» поели черви – я бы ее далеко от суши не стал уводить. «Нарракке» нужен новый руль и новые снасти, на «Меченой ящерице» весла потрескались, а так все путем. Гребцы все рабы, но останутся на веслах, если мы предложим им хорошее жалованье, – больше ведь они ничего не умеют делать. Тех, кто все же уйдет, заменим моими людьми. Путь в Вестерос долог и труден, но эти галеи, насколько я могу судить, его выдержат.

– Так это правда, – жалобно простонал Резнак. – Ваше великолепие хочет покинуть нас. Как только вы это сделаете, Юнкай восстановит правление великих господ; нас, верно служивших вашему делу, казнят, наших прекрасных жен и невинных дочерей изнасилуют и отдадут в рабство.

– Только не моих, – громыхнул Скахаз Лысый. – Прежде я сам убью их. – Он хлопнул по рукояти меча, и Дени восприняла это как пощечину.

– Если боитесь остаться, плывите со мной.

– Дети Неопалимой последуют за своей Матерью, куда бы она ни держала путь, – объявил Марслин, уцелевший брат Миссандеи.

– Тринадцати кораблей нам не хватит, – возразил ему Саймон Исполосованный, не раз подвергавшийся бичеванию в Астапоре. – Я думаю, что и ста мало будет.

– Дотракийцы не сядут на деревянных коней, – подхватил Роммо. – Поедут на живых, из плоти и крови.

– Ваши слуги могут идти по берегу, – предложил Серый Червь. – Пусть флот держится вровень с нами и снабжает пеших провизией.

– Это возможно лишь до руин Бхораша, – заметил Скахаз. – Там флот повернет на юг в обход Валирии, мимо Толоса и Кедрового острова, а пехота пойдет на Мантарис старой драконьей дорогой.

– Теперь ее называют дорогой демонов, – сказал Моллоно Йос Доб. Дородный командир Крепких Щитов, с заметным брюшком и чернильными пятнами на руках, больше походил на писца, но ума ему было не занимать. – Много солдат погибнет на этом тракте.

– Оставшиеся в Миэрин им позавидуют, – продолжал стенать Резнак. – Нас сделают рабами, бросят в бойцовые ямы. Все пойдет как прежде, если не хуже.

– Где твоё мужество? – хлестнул как плетью сир Барристан. – Ее величество сняла с вас оковы – точите мечи и защищайте свою свободу!

– Храбрые слова для того, кто намерен отплыть на запад, – огрызнулся Саймон. – Ты хоть оглянешься, когда нас убивать будут?

– Ваше величество... Ваше великолепие... Ваша блистательность...

– Довольно, – стукнула по столу Дени. – Мы никого не оставим на верную смерть. Вы все мой народ. – Мечты о любви и о доме ослепили ее, но теперь она вновь прозрела. – Я не допущу, чтобы Миэрин постигла судьба Астапора. С Вестеросом, как ни грустно, придется повременить.

– Если мы отвергнем предложенные в дар корабли... – ужаснулся Гролео.

Сир Барристан преклонил колено.

– Родина нуждается в вас, моя королева. Здесь вам не рады, а в Вестеросе простые люди, и лорды, и рыцари тысячами побегут под ваши знамена, восклицая: «Она идет! Сестра принца Рейегара наконец-то вернулась домой!»

– Раз они так любят меня, подождут еще, – поднялась Дени. – Резнак, пошли за Ксаро Ксоаном Даксосом.

Она приняла торгового магната с глазу на глаз, на устланной подушками тронной скамье. Четверо квартирцев несли вслед за ним свернутый гобелен.

– Еще один подарок для королевы моего сердца. Он хранился в наших фамильных подвалах задолго до Рокового Дня.

Моряки разостлали гобелен на полу – пыльный, поблекший, просто огромный. Дени пришлось встать рядом с Ксаро, чтобы разглядеть изображение на ковре.

– Карта? Какое чудо. – Ткань заняла половину тронного зала. Моря синие, суша зеленая, горы черные и коричневые, города в виде звезд вышиты золотой и серебряной нитью. Дымного моря нет, заметила Дени. И Валирия еще часть материка, а не остров.

– Астапор, Юнкай, Миэрин. – Ксаро указал на три серебряные звезды у синего залива Работорговцев. – А Вестерос где-то там. – Он махнул рукой в дальний конец чертога. – Ты повернула на север, хотя тебе следовало плыть на юго-запад через Летнее море, но мои галеи скоро доставят тебя домой. Прими мой дар с легким сердцем и правь на запад.

Если бы она только могла...

– Я охотно взяла бы твои корабли, милорд, но требуемого тобой обещания дать не в силах. – Дени взяла Ксаро за руку. – Отдай мне эти галеи, и я поклянусь, что Миэрин до конца времен будет преданным другом Кварта. С их помощью я налажу торговлю и буду отдавать тебе хорошую долю выручки.

Улыбка завяла на губах Ксаро.

– Что? Так ты не пойдешь на запад?

– Нет. Не могу.

С носа, униженного изумрудами, аметистами и черными алмазами, закапали слезы.

– Я заверил Тринадцать, что ты прислушаешься ко мне, – выходит, я заблуждался? Бери корабли и отчаливай, если не хочешь умереть в муках. Ты еще не знаешь, сколько у тебя врагов, королева!

«И один из них проливает передо мной лицедеевы слезы». Дени поняла это, и ей стало грустно.

– Умоляя Чистокровных в Зале Тысячи Тронов, чтобы они оставили тебе жизнь, я сказал, что ты всего лишь дитя. «Глупое дитя, – возразил, поднявшись, Эгон Эменос Блистательный, – непослушное и слишком опасное, чтобы жить». В младенческом возрасте твои драконы были диковинкой. Взрослые чудовища – это смерть, разрушение, занесенный над миром огненный меч. – Ксаро вытер слезы. – Надо было мне убить тебя еще в Кварте.

– Я жила под твоим кровом, ела твою пищу, пила твой мед. В память о том, что ты для меня сделал, я прошу тебе эти слова, но впредь не дерзай угрожать мне.

– Ксаро Ксоан Даксос не угрожает. Он обещает.

Печаль Дени сменилась гневом.

– Я тоже обещаю тебе: если не уберешься отсюда еще до заката, мы посмотрим, способны ли лживые слезы погасить драконий огонь. Оставь меня, Ксаро. Без промедления.

Он вышел, не забрав с собой карту. Дени села, поглядела через шелковое море в сторону Вестероса и дала себе слово: «Когда-нибудь я приду».

На следующее утро галеон Ксаро ушел, но тринадцать «дареных» галей остались в заливе. На их мачтах развевались длинные красные вымпелы. Когда Дейенерис сошла в тронный зал, квартийский гонец молча положил к ее ногам черную атласную подушку, где лежала одинокая окровавленная перчатка.

– Что это? – не понял Скахаз.

– Нам объявляют войну, – ответила королева.

Джон

– Осторожно, милорд, тут крысы. – Скорбный Эдд спускался первым, держа фонарь. – То-то визгу будет, если наступите. Так моя матушка визжала, когда я был мальцом. Было в ней что-то от крысы, если подумать: волосы мышиные, глазки как бусинки, и сыр любила. Может, у нее и хвост был – не успел поглядеть.

Под землей весь Черный Замок соединяли ходы, прозванные червоточинами. Летом ими почти не пользовались, другое дело – в предзимье. Как задуют ветра да повалит снег, подземный ход – самое милое дело. Стюарды там уже всюю шастали. Впереди слышалось эхо шагов, в нишах горели свечи.

Боуэн Мурш вместе с Виком-Строгалем, длинным и тощим, ждали на перекрестке четырех червоточин.

– Счета трехлетней давности – для сравнения с тем, что у нас в наличии на сегодняшний день. – Мурш вручил Джону толстую пачку бумаг. – Начнем с житниц?

Крепкие дубовые двери всех кладовых запирались на висячие замки величиной с суповую миску.

– Что, – спросил Джон, – подворовывают?

– Пока нет, но с приходом зимы неплохо бы поставить здесь часовых.

Кольцо с ключами Вик повесил себе на шею. Все они, на взгляд Джона, были одинаковые, но Вик как-то умудрялся находить нужный. Зайдя в кладовую, он извлекал из кошелька здоровенный кусок мела и метил каждый сосчитанный мешок и бочонок.

В житницах, помимо овса, ячменя и пшеницы, стояли бочки с мукой грубого помола. В овощных подвалах под связками лука и чеснока хранились мешки с морковью, пастернаком, хреном, белой и желтой репой. Круги сыра в особом хранилище можно было поднять только вдвоем. Следующая кладовка предназначалась для соленой говядины, свинины, баранины и трески – штабеля бочек насчитывали в вышину десять футов. Под копильней висели триста окороков и три тысячи длинных черных колбас. Чулан с приправами вмещал перец, гвоздику, корицу, горчичные семена, кориандр, шалфей простой и мускатный, петрушку и глыбы соли. В других помещениях хранились бочонки с яблоками и грушами, сухой горох, сушеные фиги, грецкие орехи, каштаны, миндаль, вяленые лососи на палках, запечатанные воском кувшины с оливками в масле. Были и деликатесы: горшки с тушеной зайчатинной, оленья ляжка в меду, всевозможные маринады – капуста, свекла, лук, селедка и яйца.

По мере того, как они перемещались из одного подвала в другой, в коридорах становилось все холоднее.

– Мы под Стеной, – догадался Джон, заметив в воздухе пар от дыхания.

– А скоро будем внутри нее, – сказал Мурш. – На холоде мясо не портится – это лучше засола.

Поднявшись по деревянной лестнице за ржавой железной дверью, они оказались в проходе длиной с великий чертог Винтерфелла, но шириной не больше, чем обычная червоточина. На крючьях, вделанных в ледяные стены, висели туши лосей и оленей, говяжьи бока. С потолка свешивались свиньи, бараны, козлы, попадались даже лошади и медведи. Каждую тушу густо покрывал иней.

Считая их, Джон снял левую перчатку и потрогал оленя. Пальцы тут же прилипли и, попытавшись отдернуть руку, он сорвал себе кожу. Чего он, собственно, ждал? Над головой у него столько тонн льда, что даже Боуэну Муршу не счесть, а в кладовой холоднее даже, чем полагалось бы.

– Все еще хуже, чем я опасался, милорд. – Мурш, покончив с учетом, стал мрачнее Скорбного Эдда.

А Джон уж было подумал, что мяса здесь больше, чем во всем мире. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».

– Как так? Мне сдается, у нас много всего.

– Лето было долгое, урожай обильный, лорды щедрые. Мы накопили достаточно на три зимних года – даже на четыре, если поджаться. Но теперь, когда нам приходится кормить людей короля, людей королев и одичалых... В одном Кротовом городке тысяча ртов, и их все прибывает. Вчера к воротам явились трое, позавчера целая дюжина. Дальше так не пойдет. Поселить их в Даре, может, и хорошая мысль, но теперь уже поздно сажать и сеять. Не пройдет и года, как мы сядем на репу и гороховый суп, а там уж только кровь собственных лошадей пить останется.

– Мням, – произнес Скорбный Эдд. – Нет ничего лучше горячей лошадиной крови в холодную ночь, особенно со щепоткой корицы.

– Без болезни тоже не обойдется, – продолжал лорд-стюард. – Десны при ней кровоточат, зубы шатаются. Мейстер Эймон говорил, что эта хворь лечится лимонным соком и свежим мясом, но лимоны у нас с год как вышли, и корму для скота мало. Придется забить сразу весь, кроме нескольких пар на племя. В прошлые зимы провизию подвозили с юга по Королевскому тракту, но с этой войной... Зима еще не настала, знаю, и все-таки я рекомендовал бы милорду перейти на зимние рационы.

«Людам это не понравится», – подумал Джон.

– Надо так надо. Урежем довольствие на четверть. – Братья и теперь жалуются на Джона – что будет, если им придется есть желудевую кашу и заедать снегом?

– Хорошо, милорд. – Тон лорда-стюарда давал понять, что это далеко еще не предел.

– Теперь я понимаю, для чего король Станнис пустил одичалых за Стену, – сказал Скорбный Эдд. – Нам в пищу.

– Ну, до этого не дойдет, – с вымученной улыбкой ответил Джон.

– Вот и ладно. Больно они жилистые на вид, а зубы у меня уж не те, что в молодости.

– Будь у нас деньги, мы закупили бы провиант на юге и доставили сюда по морю, – заметил Мурш.

Будь деньги и будь у кого-то желание продать им еду. Надежда разве что на Гнездо. Долина Аррен, сказочно плодородная, совсем не пострадала во время боевых действий. Захочет ли сестра леди Кейтилин кормить бастарда своего зятя? В детстве Джону казалось, что она считает каждый съеденный им кусок.

– Охотиться можно, коли нужда придет, – вставил Вик-Строгаль. – Дичь в лесу еще есть.

– Кроме дичи, там водятся одичалые и кое-что пострашнее, – возразил Мурш. – Я бы не стал посылать охотников в лес, милорд.

«Где уж там. Ты и ворота бы запечатал навеки камнем и льдом». Половина Черного Замка согласна с лордом-стюардом на этот счет, другая половина исходит презрением. «Закупорим ворота, сядем черными задницами на Стену, а одичалые переберутся по Мосту Черепов или пройдут в ворота, будто бы запечатанные пятьсот лет назад, – сказал старый лесовик Дайвин за ужином два дня назад. – Нет у нас людей на сто лиг Стены, и Тормунд с Плакальщиком это знают не хуже нашего. Видали когда примерзшую к пруду утку? То же самое и с воронами». Разведчики почти все за Дайвина, а стюарды и строители больше склоняются к Муршу.

Но это пока терпит – сейчас надо что-то решать с едой.

– Отказаться кормить людей Станниса мы не можем при всем желании, – сказал Джон. – Король в случае нужды просто отнимет у нас провизию. И одичалых тоже придется кормить.

– Чем, милорд? – осведомился лорд-стюард.

«Кабы знать...»

– Придумаем что-нибудь.

Когда они выбрались наверх, по земле уже протянулись длинные тени. Тучи на небе напоминали клочья знамен. Оружейный двор пустовал, но внутри Джона дожидался королевский оруженосец Деван, кареглазый парнишка лет так двенадцати. Он сидел, замерзший, у горна, не смея шелохнуться из-за Призрака.

– Он не тронет тебя, – сказал Джон, но волк, стоило мальчику двинуться, тут же оскалил зубы. – Нельзя, Призрак. Уйди. – Волк послушно и совершенно бесшумно вернулся к говяжьей кости.

Деван, бледный ему в масть и весь потный, пролепетал:

– Его величество требует вас, м-милорд. – Он был одет в цвета Баратеонов, черное с золотом; поверх его собственного сердца пришили огненное.

– Просит, ты хочешь сказать, – поправил Эдд. – Его величество просит лорда-командующего к себе.

– Оставь, Эдд. – Джон был не в настроении для мелких придирок.

– Сир Ричард и сир Джастин вернулись. Благоволите прийти, милорд.

Разведчики, что уехали не в ту сторону. Хорп и Масси, которые отправились на юг вместо севера. Ночного Дозора не касается, что они там разведали, но все-таки любопытно.

– Если так угодно его величеству. – Призрак потрусил было за ними с Деваном. – Домой! – крикнул Джон, но лютоволк убежал.

В Королевской башне Джон сдал оружие и был допущен к особе Станниса. В горнице было жарко и людно. Станнис и его капитаны, двое разведчиков в том числе, стояли над картой Севера. Сигорн, молодой магнар теннов, топтался тут же в кольчуге с бронзовыми накладками. Гремучая Рубашка почесывал желтым ногтем запястье под кандалами. Его впалые щеки и скошенный подбородок заросли бурой щетиной, грязные патлы падали на глаза.

– А вот и он, – сказал Рубашка при виде Джона. – Храбрец, застреливший Манса-Разбойника в клетке. – Железный браслет его кандалов украшал большой четырехугольный рубин. – Нравится мой камешек, Сноу? Красная женщина подарила мне его в знак любви.

Джон, не слушая, преклонил колено.

– Я привел лорда Сноу, ваше величество, – доложил Деван.

– Вижу. Думаю, вы уже знаете моих капитанов и рыцарей, лорд-командующий?

– Имею честь. – Джон постарался разузнать как можно больше об окружении короля. Люди королевы – все до единого, как ни странно. С собственными людьми король, если верить слухам, в гневе расправился еще на Драконьем Камне.

– Хотите вина? Горячей воды с лимоном?

– Благодарю, нет.

– Воля ваша. Я приготовил вам подарок, лорд Сноу: его. – Станнис кивнул на Гремучую Рубашку.

– Вы же говорили, что вам нужны люди, лорд Сноу, – улыбнулась леди Мелисандра. – Наш Костяной Лорд, думаю, вполне подойдет.

– Ему нельзя доверять, ваше величество! – в панике выпалил Джон. – Если оставить его здесь, кто-нибудь непременно его зарежет, если послать в разведку, он снова перебежит к одичалым.

– Ну уж дудки, с этим дурачем я покончил. – Гремучая Рубашка постучал по рубину. – Спроси красную ведьму, бастард.

Мелисандра тихо произнесла что-то на чужом языке. Рубин у нее на горле начал пульсировать, и то же самое произошло с рубином вождя одичалых.

– Пока на нем этот камень, он душой и телом связан со мной, – объяснила жрица. – Этот человек будет верно служить вам. Пламя не лжет, лорд Сноу.

«Пламя-то нет, а вот ты...»

– Я пойду для тебя в разведку, бастард, – подтвердил одичалый. – Дам тебе мудрый совет или песни буду петь, как прикажешь. Даже сражаться за тебя буду, только черный плащ надевать не проси.

«Ты его не достоин», – подумал Джон, но смолчал. При короле не стоило препираться.

– Что вам известно о Морсе Амбере? – спросил Станнис.

Ночной Дозор не принимает ничьей стороны, но слова – это не мечи все-таки.

– Он старший из дядей Большого Джона. Его прозвали Вороньим Мясом: ворона, приняв его за мертвого, выклевала ему один глаз, а он поймал ее и откусил голову. В молодости он славился как бесстрашный боец. Сыновья его нашли смерть на Трезубце, жена умерла в родах, единственную дочь тридцать лет назад похитили одичалые.

– Вот почему он эту голову просит, – вставил Харвуд Фелл, а Станнис спросил:

– Можно ли ему доверять?

Неужто Морс Амбер склонил колено?

– Заставьте его поклясться перед сердце-деревом, ваше величество.

– Я и забыл, что вы, северяне, деревьям молитесь, – заржал Годри Победитель Великанов.

– Что это за бог, раз на него ссут собаки? – встрял его закадычный дружок Клэйтон Сагс.

Джон не стал с ними связываться.

– Могу ли я узнать, ваше величество, Амберы стали на вашу сторону?

– Наполовину и лишь в том случае, если я выполню условия этого Морса, – раздраженно ответил король. – Он хочет череп Манса-Разбойника, чтобы пить из него, и просит помилования для брата, выехавшего на соединение с Болтоном. Прозвище брата – Смерть Шлюхам.

– Ну и клички у них на Севере, – снова расхохотался сир Годри. – Этот что, шлюхе голову откусил?

– Можно и так сказать, – холодно молвил Джон. – Той, что хотела ограбить его в Староместе пятьдесят лет назад. – Старый Амбер Заиндевелый непонятно с чего вздумал сделать младшего сына мейстером. Морс любил похвастаться обезглавленной им вороной, но историю Хозера рассказывали не иначе как шепотом... скорее всего потому, что шлюха, которой он выпустил кишки, принадлежала к мужскому полу. – Другие лорды тоже примкнули к Болтону?

Красная жрица приблизилась к королю.

– Я видела город с деревянными стенами и деревянными улицами. Там было много воинов, и над ним развевались знамена: лось, боевой топор, три сосны, три топора, перекрещенных под короной, конская голова с огненными глазами.

– Хорнвуды, Сервины, Толхарты, Рисвеллы, Дастины, – перечислил Клэйтон Сагс. – Изменники. Комнатные собачки Ланнистеров.

– Рисвеллы и Дастины связаны с Болтонами брачными узами, – заметил Джон. – Другие дома лишились своих лордов во время войны – не знаю, кто их теперь возглавляет. Но Воронье Мясо – не комнатная собачка. Я бы советовал вашему величеству принять условия, которые он поставил.

– Он уведомляет меня, что Амбер против Амбера в любом случае не пойдет, – скрипнул зубами Станнис.

Джона это не удивило.

– Если дойдет до битвы, найдите знамя Хозера и поставьте Морса в другом конце ряда.

– Это значило бы проявить слабость, – возразил Победитель Великанов. – Я за то, чтобы показать нашу силу. Сровняйте Последний Очаг с землей и отправляйтесь воевать с головой Морса на пике. Будет урок другим лордам, смеющим предлагать вашему величеству половинную верность.

– Хороший способ взбунтовать против себя весь Север. Половина лучше, чем ничего. Амберы Болтонов недолюбливают. Смерть Шлюхам мог примкнуть к бастарду только из-за того, что Ланнистеры держат Большого Джона в плену.

– Это повод, а не причина, – стоял на своем сир Годри. – Если племянник умрет в оковах, дядюшки станут лордами вместо него.

– У Большого Джона есть как сыновья, так и дочери. На Севере первыми наследуют дети, а не дядья.

– Если живы. Мертвые не наследуют ничего.

– Жаль, что Морс Амбер вас не слышит, сир Годри. Это могло бы стоить жизни вам самому.

– Я убил одного великана, мальчик. С чего мне бояться другого, намалеванного вшивым северянином на щите?

– Ваш великан убежал, но Амбер не побежит.

– Ты сильно осмелел в королевской горнице, мальчик, – вспыхнул рыцарь. – Во дворе ты пел по-другому.

– Брось, Годри, – вмешался сир Джастин Масси, довольно полный рыцарь с приветливой улыбкой и льняной гривой. – Все мы знаем, что твой меч сразил великана, незачем размахивать им каждый раз.

– Здесь машет только твой язык, Масси.

– Тихо! – гаркнул Станнис. – Скажу вам вот что, лорд Сноу. Я задержался здесь лишь в надежде, что у одичалых достанет ума штурмовать Стену повторно; коль скоро этого не случилось, я намерен разделаться с другими своими врагами.

– Понимаю. – Джон мог лишь догадываться, чего от него хочет король. – Любви к лорду Болтону и его сыну я не питаю, однако Ночной Дозор не может выступить против них. Наши обеты запрещают...

– Избавьте, лорд Сноу. Мне известны ваши обеты. У меня и без вас достаточно сил, чтобы идти на Дредфорт. Что, удивлены? – улыбнулся король, видя, как это потрясло Джона. – Хорошо. То, что удивило одного Сноу, может удивить и другого. Бастард Болтонский выступил на юг, взяв с собой Хозера Амбера. Морс Амбер и Арнольф Карстарк сходятся в том, что это может значить только одно: нападение на Ров Кейлин, чтобы открыть лорду-отцу бастарда дорогу на Север. Бастард наверняка думает, что меня держат здесь одичалые, вот и славно. Мальчишка подставил мне горло, и я его перережу. Русе Болтон, даже и вернувшись на Север, увидит, что его замок, стада и запасы стали моими. Если взять Дредфорт врасплох...

– Не возьмете, – прервал короля Джон. Это было все равно что разворошить осиное гнездо палкой. Кто-то смеялся. Кто-то плевался, кто-то ругался, все остальные заговорили одновременно.

– У этого парня молоко в жилах, – утверждал сир Годри.

– Ему за каждой былинкой разбойник мерещится, – вторил лорд Свит.

Станнис поднял руку, требуя тишины.

– Объяснитесь.

С чего бы начать? Джон подошел к карте. По краям ее прижимали горящие свечи, ручеек воска полз через Тюлений залив, как ледник.

– К Дредфорту вашему величеству придется следовать по Королевскому тракту за Последнюю реку, затем повернуть на юго-восток и пересечь Одинокие холмы. Это земли Амберов, где им знаком каждый камень и каждый куст. Королевский тракт идет вдоль их западной границы добрых сто лиг. Морс разобьет ваше войско вдребезги, если вы не выполните его условий и не сделаете его вашим союзником.

– Допустим, я это сделаю.

– Тогда вы придете к Дредфорту, но ворона и цепь сигнальных огней ваше войско не перегонит. В замке будут знать о вашем приходе, и Рамси Болтону будет очень просто отрезать вам путь к отступлению. Вы окажетесь вдали от Стены, без пищи и крова, в окружении ваших врагов.

- Лишь в том случае, если он снимет осаду Рва Кейлин.
- Ров Кейлин падет до того, как вы достигнете Дредфорта. И когда лорд Русе соединится с Рамси, их будет впятеро больше, чем вас.
- Мой брат выигрывал битвы и с более превосходящим противником.
- Вы предсказываете скорое падение Рва, Сноу, – сказал Джастин Масси, – но Железные Люди – бойцы отменные, и Ров, насколько я слышал, еще ни разу никто не брал.
- Это верно только для юга. Даже небольшой гарнизон во Рву способен сдержать любую армию, идущую вверх по тракту, но с северо-востока Ров уязвим. Это смелый шаг, государь, но и риск велик... – «Ночной Дозор ни на чью сторону не становится, – напомнил себе Джон. – Для меня не должно быть разницы между Баратеоном и Болтоном». – Если Русе Болтон застанет вас под стенами своего замка, вам всем конец.
- Без риска войн не бывает, – сказал сир Ричард Хорп, поджарый рыцарь с рябым лицом. Его стеганный дублет служил полем костей и пепла для трех бабочек «мертвая голова». – Всякая битва – это азартная игра, Сноу. И тот, кто бездействует, рискует не меньше.
- Риск риску рознь, сир Ричард. Этот ваш грандиозный план плохо обдуман, а цель слишком удалена. Я знаю Дредфорт. Это мощный замок, весь каменный, с толстыми стенами и массивными башнями. К зиме он наверняка запаса провизией. Много веков назад дом Болтонов восстал против Короля Севера, и Харлон Старк осадил Дредфорт. Прошло два года, прежде чем в замке все перемерли с голоду. Для того, чтобы его взять, вашему величеству понадобятся осадные машины, башни, тараны...
- Осадные башни построить недолго, – ответил Станнис, – и срубить на тараны пару деревьев тоже. Арнольф Карстарк пишет, что в замке осталось не больше пятидесяти мужчин, и половина из них – это слуги. Слабому гарнизону даже крепкий замок не удержать.
- Пятьдесят человек в стенах замка стоят пятисот в поле.
- Эти полсотни наверняка старики и мальчишки, – сказал Ричард Хорп. – Те, кого бастард не счел годными. Наши люди закалились в битве на Черноводной, и возглавляют их рыцари.
- Вы видели, как мы разделились с одичалыми. – Сир Джастин откинул льняную прядку со лба. – Карстарки дали слово соединиться с нами под Дредфортом, и замиренные одичалые тоже идут – триста боеспособных мужчин. Лорд Харвуд считал всех прошедших в ворота. Женщины у них, к слову, тоже воюют.
- Не в моей армии, сир, – резко заметил Станнис. – Недоставало мне хвоста воющих вдов. Женщины останутся здесь с детьми, стариками, ранеными и будут служить залогом верности своих мужей и отцов. Одичалые пойдут в авангарде под командой магнара – их вожди будут его сержантами, – но для начала их нужно вооружить.
- «Хочет опустошить наш арсенал, – понял Джон. – Сначала еда и одежда, потом земли и замки, теперь оружие. С каждым днем король требует все больше. Слова, может, и не мечи, но как быть с настоящими, стальными мечами?»
- Триста копий я вам найду, – с большой неохотой произнес Джон. – И шлемы – правда, сильно помятые и заржавленные.
- Доспехи? – спросил магнар. – Кольчуги?
- После смерти Донала Нойе оружейника у нас нет. – Договаривать Джон не стал. Если дать одичалым кольчуги, они станут вдвое опаснее.
- Сойдет и вареная кожа, – сказал сир Годри. – Доспехи они снимут с убитых на поле боя. Если доживут. В авангарде вольный народ обречен на скорую гибель.
- Морс Амбер порадуетя черепу Манса-Разбойника, но одичалые на его землях радости ему не доставят. Вольный народ совершал набеги на Амберов еще на Заре Времен, переправляясь через Тюлений залив за золотом, женщинами и овцами. Один из них как раз и похитил дочь Вороньего Мясa. Оставьте одичалых здесь, ваше величество – они только настроят против вас знаменосцев моего лорда-отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.